

РУСЬ СТРАЖДУЩАЯ

ВЪНЕЦЪ
МНОГОЦВѢТНЫЙ

РУСЬ СТРАЖДУЩАЯ

СТИХИ НАРОДНЫЕ О ЛЮБВИ И СКОРБИ

ВЪНЕЦЪ МНОГОЦВѢТНЫЙ

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Е. А. ЛЯЦКАГО

—

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

—

ИЗД-ВО

«СЪВЕРНЫЕ ОГНИ»

СТОКХОЛЬМЪ

Стихи избралъ Е. А. Ляцкій, при участіи Н. С. Платоновой. Первое изданіе появилось въ петроградскомъ издательствѣ „Огни“ (1916).

**Виньетки взяты изъ названнаго
перваго изданія, работы худ.**

О. В. Бѣлобородовой.

Духовные стихи въ народной словесности — явление своеобразное. По формѣ они сближаются то съ былиной, то съ распѣвной повѣстью и обрядовой пѣснью. По содержанію они поражаютъ своимъ сочетаніемъ чисто-народнаго религіозно-поэтическаго раздумья съ книжной легендой христіанства среднихъ вѣковъ; въ послѣднемъ случаѣ они напоминаютъ нѣсколько тѣ искусственные псалмы или канты, которые были такъ распространены на Руси въ XVII в. Съ одной стороны, духовные стихи, подобно былинамъ, хранятъ въ себѣ старинное преданіе, пріобрѣтавшее всѣ свойства народной передачи отъ отца къ сыну; съ другой стороны, подобно произведеніямъ религіознаго характера, они какъ бы намѣренно уклонились отъ богатствъ и красотъ былевого поэтическаго стиля, его яркихъ эпитетовъ, мѣткихъ и живописныхъ сравненій. Въ ихъ медлительномъ и плавномъ теченіи прекрасная народная рѣчь поблѣднѣла въ средствахъ внѣшней изобразительности, но выиграла въ силѣ и сосредоточенности выраженія, замкнулась въ строгой сдержанности заповѣднаго слова, надъ которымъ воображеніе утратило обычную власть. Подобно обрядовой пѣснѣ, они несутъ въ себѣ освящающій элементъ культа въ затаившіеся въ народномъ быту пережитки отдаленной старины. Подобно распѣвной повѣсти, они привлекаютъ вниманіе красотой изображаемыхъ подвиговъ, обнаруживающихъ великую мощь ду-

ха у богатырей вѣры, стяжавшихъ имъ нетлѣнную небесную славу, столь далекую отъ славы міра сего. Наконецъ, своимъ драматизмомъ, своей проникновенностью въ темныя глубины человѣческой души они волнуютъ и поражаютъ пламеннымъ изображеніемъ той борьбы противоположныхъ началъ, въ которой побѣда свѣтлаго евангельскаго идеала дается только путемъ великаго искуса, преодолюющаго соблазны земли. Въ этомъ отношеніи духовные стихи таятъ въ себѣ зародыши народной драмы. Разнообразные по своему составу и господствующему настроенію, духовные стихи разнообразны и по времени происхожденія, — одни изъ нихъ очень древни, въ нихъ обнаруживаются черты, указывающія, что они сложились въ первыя времена христіанства на Руси; другіе создались въ позднѣйшіе вѣка. Не угасло духовное пѣснотворчество и по настоящее время; и теперь еще, гдѣ колеблется и вспыхиваетъ религіозное народное чувство, гдѣ собирается народъ и раскрываетъ душу передъ обаяніемъ чудснаго разсказа и легенды, въ груди наиболѣе чуткихъ и одаренныхъ натуръ вспыхиваетъ поэтическое одушевленіе, и слагаются пѣсни во славу чудсныхъ явленій вѣры или подвиговъ духовно-нравственной жизни.

Тихи и назамѣтны слагатели и пѣвцы духовныхъ стиховъ. Въ сѣромъ убогомъ рубищѣ, слѣпые, хромые, увѣчные, ищущіе Царства Божія на небесахъ, а на землѣ — милостыни и покрова. Они поютъ о себѣ въ заздравномъ стихѣ:

А мы, нищая братья,
Мы, убогіе люди,
Должны Бога молити,
У Христа милости просити

За поящихъ, за кормящихъ,
 Кто насъ поить и кормить,
 Обуваетъ — одѣваетъ,
 Христу славу отсылаетъ.

Въ удѣлъ имъ досталось здѣсь одно — имя Христово, и пока оно сохраняетъ свою власть надъ людьми, они не переведутся никогда, никогда не замретъ ихъ печальный, надтреснутый голосъ, напоминающій людямъ, что этотъ міръ — тлѣнь и суета, что онъ служитъ лишь подножіемъ иному, горнему міру. Эти наши калѣки или калики переходіе — потомки тѣхъ каликъ, которые въ старину были далеко не «калики» и не «убогіе». Въ старину этимъ именемъ обозначались главнымъ образомъ путешественники, странники по святымъ мѣстамъ; недаромъ и въ самомъ словѣ «калика» звучитъ и память о «калигѣ» (высокій странническій башмакъ) и о «калигѣ» — посохѣ. Путешествовать, да ещетакъ далеко, какъ во Святую землю, было въ средніе вѣка гораздо труднѣе, чѣмъ нынѣ, и паломники наши должны были имѣть, кромѣ духовнаго тяготѣнія, еще и физическія силы. И дѣйствительно, въ то время какъ для нынѣшняго калики типичной является просьба «призрѣть» его, «нищаго страннаго», «сослать» ему «милостыню святую», прежніе калики были чуть не богатырями, людьми во всякомъ случаѣ смѣлыми, сильными. Отъ былинныхъ богатырей они отличались только религіознымъ воодушевленіемъ и вѣрностью аскетическому идеалу въ личной жизни. Изъ былинь мы знаемъ, что они образовывали своего рода артели, выбиравшія себѣ атамана. Въ противоположность богатырямъ, тяготѣвшимъ къ стольному граду Кіеву, калики тянулись къ монастырямъ и пустынямъ, гдѣ творилось дѣло «духовнаго строенія» русской земли:

А изъ пустыни было Ефимьевы,
Изъ монастыря изъ Боголюбова,
Начинали калики наряжаться,
Ко святому граду Іерусалиму,
Сорокъ каликъ ихъ со каликою.

Входя во «единый кругъ» товарищества, калики налагали на себя обѣтъ аскетической строгости, брали «заповѣдь великую»: кто украдетъ, или солжетъ, или другой грѣхъ сотворитъ, оставить того въ чистомъ полѣ и закопать по плечи во сыру землю. Такая бѣда и постигла, какъ мы знаемъ по былинамъ, Потыка Михайлу Ивановича.

* * *

Предметомъ поэтического вдохновенія въ духовныхъ стихахъ были прежде всего событія изъ священной исторіи обоихъ завѣтовъ. Христіанство пролило новый свѣтъ въ народное міровоззрѣніе, создало въ немъ цѣлый міръ новыхъ идей и зажгло передъ нимъ идеалы новаго, невѣдомаго прежде обаянія. Сообщенія новозавѣтной исторіи, сами по себѣ глубоко трогательныя, исполненныя необычайной глубины жизнепониманія, въ то же время простыя и внятныя каждому сердцу, открытому исканію истины, не могли не вызвать въ народно-поэтическомъ творчествѣ откликовъ, яркихъ, какъ откровенія прозрѣвшихъ, умирительно-нѣжныхъ, прекрасныхъ, какъ подвиги страданія и смерти, творимые во имя Христовой любви къ человѣку. Эпизоды ветхозавѣтной исторіи утратили въ духовныхъ стихахъ, подъ вліяніемъ христіанскихъ идей и образовъ, свой библейскій характеръ. Ихъ безотносительный мрачный колоритъ стушеввался, событія приняли христіанскую окраску, и библейскія

лица явились съ чертами христiанскихъ святыхъ. И всѣ лучи свѣта, источаемаго великими подвигами самоотреченiя и вѣры, сошлись къ тому божественному идеалу вѣчнаго и радостнаго бытiя, внѣ котораго земная жизнь — юдоль безысходныхъ страданiй, поприще неизбывнаго смятенiя и горя.

Плачетъ Адамъ о прекрасномъ раѣ, утраченномъ послѣ нарушенiя нравственнаго закона, полагающаго предѣлы свободѣ человѣческаго «хотѣнiя». Плачетъ Каинъ, что некуда скрыться отъ неумолимаго вездѣсущiя этого закона, простертаго силою божественнаго Промысла надъ грѣшной землей. Взываетъ Iосифъ къ «источнику слезъ», которымъ онъ могъ бы погасить «геенскiй огонь». Земля грѣшна людскими преступленiями, она изнемогла подъ ихъ тяжестью, она истекаетъ слезами и обращается съ горькими жалобами къ Богу. Все взываетъ о покаянiи, о раскаянiи за преступленiя, содѣянныя нарушенiемъ заповѣдей Божьихъ.

Страданiя и смерть Христа освобождаютъ мiръ отъ тяжести первороднаго грѣха и указываютъ пути спасенiя. Но Правда все еще живетъ на небесахъ, а Кривда застилаетъ очи людей своими соблазнами, и потому покаянный мотивъ и въ новозавѣтныхъ стихахъ звучитъ съ тою же силою, какъ и въ ветхо-завѣтныхъ стихахъ:

Человѣче, почто-ради
Твое умершее тѣло обмывать хотятъ?
Не омылся ты слезами
Передъ Господомъ.
Человѣче, почто-ради
Ризу на тебя надѣвать хотятъ?
Не уготовалъ себѣ ризы душевныя...

Новозавѣтные сюжеты присоединили къ покаянному мотиву и другой — мотивъ утѣшенiя. Мiръ-

ская жизнь для сказителя духовнаго стиха — лабиринтъ, изъ котораго такъ трудно выбратъся душѣ, ищущей праведнаго пути, или морская пучина, скрывающая златую книгу высшихъ откровеній. Старецъ праведной жизни жалуется Богу, что и въ концѣ жизни, исполненной добрыхъ дѣлъ, передъ нимъ — та же неизвѣстность, и такъ же темна, какъ и прежде, премудрая книга челоуѣческихъ судебъ. Но Господь утѣшаетъ его. Мірскія тревоги и волненія имѣютъ таинственный смыслъ; въ нихъ — откровенія величайшихъ глубинъ и высотъ, въ нихъ — постиженіе верховнаго смысла бытія, приводящаго къ блаженству:

Сомучу Я черно море,
Я найду ключи отъ церкви
И златую твою книгу...
И введу тебя Я въ свой градъ...

«Градъ» — символъ блаженства, какъ свѣтлый рай, въ которомъ Лазарь убогій нашель благое воздаяніе за печаль и тяготы земной жизни, гдѣ успокоилась душенька Марка богатаго, помогавшаго бѣднымъ и не презиравшаго простоты народной. Пресвѣтлый рай — неосуществимая мечта богачей, идущихъ съ роскошнаго пира жизни въ вѣчную муку огненную. Пресвѣтлый рай — надежда ревнителей старой вѣры, съ радостью отдающихъ плоть свою на сожженіе во имя вдохновляющей, свѣтозарной мечты о немъ. Народное воображеніе украсило его всѣми цвѣтами средневѣковой «примитивной» живописи, какую можно видѣть и теперь на очень старыхъ и лубочныхъ изображеніяхъ. Душу праведнаго Марка «ставятъ» межъ трехъ кипарисовыхъ деревьевъ. На деревьяхъ сидятъ мелкія птицы; въ головахъ у нихъ теплятся свѣтлыя свѣчи. Правая сторона освяще-

на присутствіемъ Господа, на лѣвой стоятъ угодники, среди нихъ — Симеонъ Богопріимецъ съ рукописаніемъ, гдѣ записаны добрыя дѣла праведника. Таково морализующее начало духовныхъ стиховъ, объединяющее въ одномъ настроеніи всѣ воспринимаемые имъ мотивы и образы, подводящее ихъ подъ общій уровень народнаго міровоззрѣнія, независимо отъ того, какимъ путемъ проникли они въ духовные стихи.

* * *

Христіанство оказало громадное вліяніе на нравственныя понятія народа, и духовные стихи отразили это вліяніе съ такой полнотой, какъ ни одинъ другой видъ народной словесности. Высшимъ идеаломъ праведной жизни представляется пѣвцу стихъ о царевичѣ Іоасафѣ, воспѣвающій удаленіе отъ міра, презрѣніе къ его роскоши и суетѣ. Пустыня является царевичу въ видѣ прекраснѣйшей женщины, которой онъ посвящаетъ настоящіе гимны любви. Она испытываетъ преданность царевича, изображая прелести весны, которая потянетъ его къ садамъ и рощамъ. Царевичъ увѣряетъ пустыню, что не покинетъ ее никогда. «Мати любимая», «прекрасная» пустыня принимаетъ его обѣтъ и обѣщаетъ за вѣрность золотой вѣнецъ райскаго блаженства. Идеаль иноческой жизни воплотился въ Алексѣѣ божьемъ человѣкѣ, оставившемъ знатное положеніе при дворѣ отца своего великаго князя Еѡимьяна и молодую жену, «обрученную княгиню», и отправившагося сначала въ «Индѣйское царство», а затѣмъ выстроившаго себѣ убогую келью возлѣ палатъ отца и спасавшагося тамъ молитвой и воздержаніемъ. Въ изображеніи

идеаловъ пустыннаго и иноческаго житія, въ общемъ строѣ христіанской морали, въ молитвенныхъ настроеніяхъ, въ идеяхъ спасенія души любовью къ божественной благодати и презрѣніемъ ко грѣху, лежащему въ мірѣ, выражается основное вліяніе книгъ Св. писанія, житій святыхъ, церковныхъ пѣснопѣній.

Христіанство въ корнѣ подорвало строй старыхъ, до-христіанскихъ вѣрованій, но не уничтожило ихъ совершенно, и разрозненные черты ихъ продолжаютъ жить и понынѣ, особенно тамъ, гдѣ крѣпка ихъ связь съ переживаніями архаическаго бытового уклада. Наряду съ вѣрой въ спасительную силу молитвъ, живуча вѣра въ заклинаніе и въ заговоръ. Присутствіе послѣднихъ неудивительно встрѣтить въ былинахъ или сказкахъ, но оказывается, что и духовные стихи не освободились отъ обаянія колдовскихъ чаръ и заклинаній. Вотъ отправляется противъ царя іудейскаго Ѳедоръ Тиرونъ. Припомните, что онъ дѣлаетъ, когда стала затоплять его «кровь жидовская»? Онъ заговариваетъ ее:

Ой ты еси, мать сыра земля!
Разступися на четыре стороны,
И пожри ты кровь жидовскую,
И очисти путь-дорогу
Ко граду Іерусалиму,
Ко гробу Господнему!

Это не единичный примѣръ. Грѣшная душа кается Царю небесному, что она — «изъ коровушекъ молоки выкликивала» и мало того, — «въ соломахъ заломы заламывала». А извѣстно, какую страшную колдовскую силу имѣютъ «заломы» по народнымъ понятіямъ. Стоитъ только заломать нѣсколько колосьевъ на нивѣ лица, которому хотятъ причи-

нить недоброе, и произнести соотвѣтствующій заговоръ, чтобы вызвать у него болѣзнь, падежъ скота, неурожай, всѣ виды бѣдствій, подстерегающихъ крестьянское благополучіе. Грѣшная душа кается:

Въ соломахъ я заломы заламывала,
Со всякаго хлѣба споръ отмывала...

Она лишала, другими словами, зерно его питательныхъ качествъ, его полновѣсности, такъ что оно становилось «не спорнымъ», не добротнымъ. Колдовала грѣшная душа и другимъ способомъ: на свадьбы она много хаживала и «свадьбы», т. е. брачущихся, «звѣрьми обрачивала», занималась оборотничествомъ, которое приурочивается еще и теперь во многихъ глухихъ мѣстахъ нашей родины по преимуществу къ свадебнымъ обрядамъ.

Грѣхи, въ которыхъ кается душа Царю Небесному, типично обрисовываютъ бытовую обстановку дѣйствій, противъ которыхъ возмущается народная совѣсть. Грѣшила противъ невинныхъ младенцевъ — «закликивала», «запарчивала», «засыпывала». Нарушала семейное счастье — «разваживала», «разлучивала». Заводила ссоры и свары — «хоть не слышала, скажу — слышала, хоть не видѣла, скажу — видѣла». Къ церковнымъ службамъ была не усердна — «просыпывала», «прогуливала». Неправедно землю дѣлила, прокладывала за пограничной межей другую, чтобы первую «приточить» къ своей землѣ. Столь же неправедно и покосы дѣлила, переставляя тайкомъ раздѣльные вѣхи. Много по игрищамъ бывала, вино пила, сатану пляской тѣшила... Во всѣхъ этихъ грѣхахъ, открывающихъ страшную картину безпросвѣтной темноты и бѣдности, душа при жизни отцу духов-

ному не каялась, померла безъ покаянія, и мораль стиха безпощадна, безъ малѣйшаго луча надежды на милосердіе Божіе:

Провалилася душа въ преисподній адъ:
Вѣкъ мучиться душѣ и не отмучиться.

Только праведная жизнь открываетъ врата райскаго блаженства. Эта мысль является основной въ неумолимой логикѣ того представленія о земной и небесной жизни, на которомъ созданъ и замѣчательный стихъ о грѣшной душѣ, и стихъ о пятницѣ, и страстные раскольничьи и сектантскіе «распѣвцы».

* *
 *

И такъ странно, такъ причудливо переплелись въ представленіи духовнаго сказителя, и крѣпкой думой надуманныя правила житейской мудрости, приложимость которыхъ къ жизни не мѣняется отъ времени, и внушенія отдаленной старины, звучащія въ устахъ современнаго калики перехожаго пережиткомъ, утратившимъ реальный смыслъ! Съ одной стороны, столь живой, столь выпуклый образъ «Удачи добраго молодца», этого богатыря, измаяннаго невзгодами, въ борьбѣ съ которыми онъ надѣялся только на свою молодецкую силу. А съ другой — мрачная, безъ живыхъ образовъ, безъ красокъ и движенія, ненависть къ иновѣрцамъ, завѣщанная вѣками, жестокими вѣками религиозныхъ войнъ и гоненій. «Жиды-супостаты», «басурманы проклятые», «турки-недовѣрки» столь же отвлеченны, схематичны, безплотны въ духовныхъ стихахъ, какъ «невѣрный царь Максиміанъ», вопрошающій «честну жену Улиту»:

Будешь ли ты въ мою вѣру вѣровать?
 Будешь ли моимъ идоламъ молитися?

Все построение стиха «О святомъ младенцѣ Кирикѣ», гдѣ происходитъ діалогъ между царемъ Максиміаномъ и Улитой, матерью Кирика, выдержанъ въ сухомъ, книжно-житейномъ, иконописномъ стилѣ. И потому въ немъ нѣтъ драматизма, и не возбуждаетъ онъ того чувства ужаса, которое должно было бы возбуждать изображеніе страшныхъ мукъ, переносимыхъ Кирикомъ. Пѣвецъ эпически-спокоенъ; онъ принялъ «обручи желѣзные» и кипящую «смолу съ оловомъ», какъ историческій фактъ, какъ преданіе, перешедшее къ нему безъ ненависти и гнѣва. Иное отношеніе возбуждаютъ къ себѣ изображенія подвиговъ великой евангельской любви. Возьмите стихъ объ Алексѣѣ божьемъ человѣкѣ. Его психологическая основа близка, понятна пѣвцу, радостна его душѣ, и весь стихъ проникнутъ свѣтлымъ сочувствіемъ тому, что въ немъ поется. Пѣвецъ дѣлитъ радость князя Еѡимьяна, когда Богъ послалъ ему желаннаго сына, и слезы юноши Алексѣя, которыя онъ проливаетъ, разставаясь съ «обручною княгиней», чтобы отдаться могучему призыву — покинуть міръ и удалиться въ покой уединенія и молитвы. Пѣвецъ сознаетъ и то, сколько страшнаго горя въ томъ молчаніи молодой княгини, которымъ она встрѣтила прощальный привѣтъ Алексѣя:

Княгиня предъ нимъ промолчала,
 Отвѣта Олексію не давала,
 Уливаючись горячими слезами.

И оттого рассказъ его становится нѣженъ и ласковъ, какъ шопотъ цвѣтовъ у журчащаго ручейка. Пробывъ семнадцать лѣтъ въ Индѣйскомъ царствѣ,

Алексѣй, по гласу Богородицы, возвращается на родину, и здѣсь, во имя Христово, «за любимаго сына Олексія», просить выстроить ему убогую келью. При упоминаніи о сынѣ князь прослезился и спросилъ о немъ. Алексѣй отвѣчаетъ очень прозрачно: ему ли не знать княжескаго сына, съ которымъ онъ пребывалъ въ одной странѣ, въ одной пустынѣ, съ которымъ сидѣлъ за одной трапезой и одному Богу молился? Но князь Еѣимьянъ не догадывается, и Алексѣй до конца жизни живетъ въ кельѣхъ возлѣ бѣлокаменныхъ палатъ.

Въ канву житійнаго разсказа, вдохновившаго пѣвца, вплетаются любопытныя бытовыя черты, показывающія, какъ тѣсно сливается личность сказителя съ образомъ героя пѣсни. Алексѣй изображенъ здѣсь не столько пустынникомъ, инокомъ, сколько каликой, просящимъ подаянія:

Напой — накорми меня хлѣбомъ-солью,
Построй мнѣ, убогому, келью.

Когда келья построена, и князь приказалъ поить кормить угодника со своего стола, слуги не только не доносили до него явствъ и питей, —

Но злы были у князя вѣдь рабы его:
Сами они явства пріѣдали,
Къ Олексію въ келью не доносятъ;
Блюда и посуду вымывали,
Помои на келью выливали...

Словомъ, былъ милостивъ князь, да не милостивы слуги, а съ этимъ положеніемъ приходилось всего чаще встрѣчаться не инокамъ, а нищей братіи, подорожной и убогой. И самое обиліе деталей, обрисовывающихъ доброту «господъ» и дурной нравъ «рабовъ», указываетъ на слишкомъ яр-

кую непосредственность впечатлѣній. Пѣвецъ придалъ Алексѣю бытовыя черты своего «убожества» и освятилъ послѣднее, въ свою очередь, примѣромъ смиренія и кротости «человѣка божія».

Однако въ духовныхъ стихахъ есть черты, которыя не могутъ быть объяснены ни вліяніемъ книгъ священнаго писанія, ни житіемъ святыхъ, ни воспоминаніями объ историческихъ лицахъ и событіяхъ. Онѣ выражаются въ слишкомъ свободной обработкѣ сюжетовъ священной исторіи, въ своеобразномъ фантастическомъ колоритѣ, одинаково чуждомъ и нашей сказочной фантастикѣ и элементу чудеснаго въ нашихъ былинахъ. Черты эти находятъ свое объясненіе въ особенностяхъ тѣхъ двоевѣрческихъ ересей, которыя вѣковъ за десять до нашего времени начали оказывать значительное вліяніе на источники, большею частью литературные, книжные, нашихъ духовныхъ стиховъ.

Самымъ замѣчательнымъ по своему содержанію и происхожденію является стихъ о «Голубиной книгѣ». Его названіе вызываетъ въ воображеніи слушателя двойственное представленіе — то о неизреченной глубинѣ («глубинной») тайны, то о чистѣйшей святости и духовности ея, выражаемой символомъ голубя. Въ основѣ этого стиха лежитъ стремленіе согласовать съ христіанскими понятіями древнѣйшія космогоническія сказанія, общія всѣмъ европейскимъ народамъ. Источники этого стиха многочисленны и разнообразны.

Одно изъ представленій, которое сыграло, несомнѣнно, роль активнаго, движущаго начала въ образованіи стиха о Голубиной книгѣ, это — собственное апокрифамъ представленіе о такой небес-

ной книгѣ, которая обладаетъ чудесными свойствами и въ которой записаны всѣ грѣхи міра. Книга — древній свитокъ — небеснаго происхожденія: «Сольются небеса, аки свитокъ» . . . «Горе тому человѣку, иже вѣры не имать святымъ книгамъ» . . . У Господа находится книга жизни, свитокъ бытія человѣческаго: кто второнадесятую пятницу чтить, — «того человѣка имя написано будетъ у самого Господа на книгахъ животныхъ». «И явился во снѣ, — говорится въ одной апокрифической молитвѣ-заговорѣ — Архангелъ Михаилъ и возгласи мя глаголя: Павле, рабе Господень, возстани и пріими книгу сію и обрящещи въ ней воображеніе написано не о единомъ страждущемъ, но о многихъ». Ужъ изъ этого видно, какъ обширно было представленіе о таинственной книгѣ жизни, въ которую народная фантазія заключала все, что представлялось ей знаменательнымъ и вѣщимъ: и вѣру въ олицетворяемую природу, и доступную его пониманію мудрость избранныхъ людей, вѣщающихъ отъ Бога.

Остановимся на нѣкоторыхъ представленіяхъ Голубиной книги, имѣющихъ общій интересъ для всего круга возрѣній и понятій, въ которомъ выработались духовные стихи. Обратимъ вниманіе на «океанъ-море», облегающее землю и, въ частности, всѣ наиболѣе дорогіе для вѣрующаго предметы. По однимъ пересказамъ стиха, посрединѣ моря находилась церковь съ мощами св. Климента, по другимъ — соборная церковь, въ которой «почивали книги самого Христа». Народное представленіе здѣсь совпадаетъ съ любимымъ мотивомъ христіанскаго искусства — изображать Сіонскую церковь, вообще Іерусалимъ, окруженными водой. Но представленіе идетъ еще дальше въ смыслѣ символики. «Что есть посреди моря крестъ? —

Среди міра Іерусалимъ». Здѣсь море является символомъ міра, подобно тому, какъ въ «Бесѣдѣ трехъ святителей» на вопросъ: «видѣхъ жену сѣдѣющую на мори и змія лежаща при ногу ея, егда хотяще жена рожати отроча, и змія пожираща ея», — слѣдуетъ разъясненіе: море — міръ, жена — церковь, змій — дьяволъ... Отъ этого представленія одинъ шагъ — къ идеѣ «мірскаго моря», таящаго такъ много зла и грѣха въ своихъ пучинахъ. Дѣйствительно, эта идея встрѣчается уже очень давно: во второмъ вѣкѣ у Климента Александрійскаго читаемъ:

Рыбарь (Христосъ) всѣхъ смертныхъ,
Тобою спасенныхъ
Въ волнахъ непріязненныхъ
Изъ моря нечестія...

Изъ моря нечестія поднимается церковь соборная, крестъ Христовъ — символъ спасенія всѣхъ, тонущихъ въ волнахъ грѣха и соблазна. Таковъ внутренній смыслъ «океанъ-моря» въ духовныхъ стихахъ о Голубиной книгѣ; таково-то значеніе этого образа и въ нашихъ заговорахъ, имѣющихъ цѣлью найти источникъ всяческаго исцѣленія въ томъ, что безконечно выше «житейскаго моря»: среди океана — островъ, на островѣ — церковь или престолъ, на престолѣ — Іисусъ Христосъ и Царица Небесная...

* * *

Не менѣе популярны, чѣмъ Голубиная книга, и стихи объ Егоріи Храбромъ.

Однимъ изъ основныхъ сюжетовъ этого богатыря духовныхъ пѣсенъ является историческій фактъ — гоненія на христіанъ, воздвигнутыя императо-

ромъ Діоклетіаномъ. При послѣднемъ и самомъ жестокомъ изъ гоненій погибъ св. Георгій, обезглавленный, по приказанію императора, послѣ долгихъ и тяжкихъ мученій. Въ стихахъ, конечно, историческіе факты Георгіева житія сильно искажены. Въ длинной исторіи своего развитія рассказъ о мукахъ Георгія осложнился рядомъ сказочныхъ мотивовъ, и Георгій изъ великомученика превратился въ былиннаго богатыря, торжествующаго въ концѣ концовъ побѣду надъ врагами христіанской вѣры. Подобныя искаженія и видоизмѣненія первообразнаго сюжета неизбежны въ условіяхъ народнаго творчества. И здѣсь, какъ и въ другихъ областяхъ его, важны не столько отзвуки исторіи, сколько внутренній смыслъ образовъ, одушевляющихъ ихъ мысли и настроенія. Въ этомъ отношеніи Егорій, раздвигающій горы и лѣса, очищающій землю христіанскую, утверждающій истинную вѣру на Руси, является идеаломъ порядка, «наряда», и нравственности для русскихъ людей.

Стихи приписываютъ Егорію двоякую роль. Онъ прежде всего — устроитель. Заставъ, при своемъ появленіи, землю въ хаотическомъ состояніи, онъ вноситъ первые проблески культуры въ пробуждающееся сознаніе человѣчества, и дѣйствія его не даромъ приводятся въ связь съ древнѣйшими космогоническими представленіями славянъ, уцѣлѣвшими въ Голубиной книгѣ. Онъ говоритъ, на примѣръ, Стратимъ (Страфиль) — птицѣ:

Возвейся подъ небеса,
Полети на океанъ-море,
Ты пей и ѣшь въ океанъ-морѣ
И дѣтей производи на океанъ-морѣ.

И Стратимъ (Страфиль) птица становится «всѣмъ птицамъ мати».

Миѣическій Егорій олицетворяетъ собой символъ торжества и побѣды. Онъ подчиняетъ себѣ грубыя силы природы. Онъ подавляетъ господство надъ землею змѣя, держащаго челоуѣчество въ оцѣпенѣніи. Въ этомъ подвигѣ онъ и Ѳедоръ Тиронъ сливаются въ одномъ образѣ.

* *
*

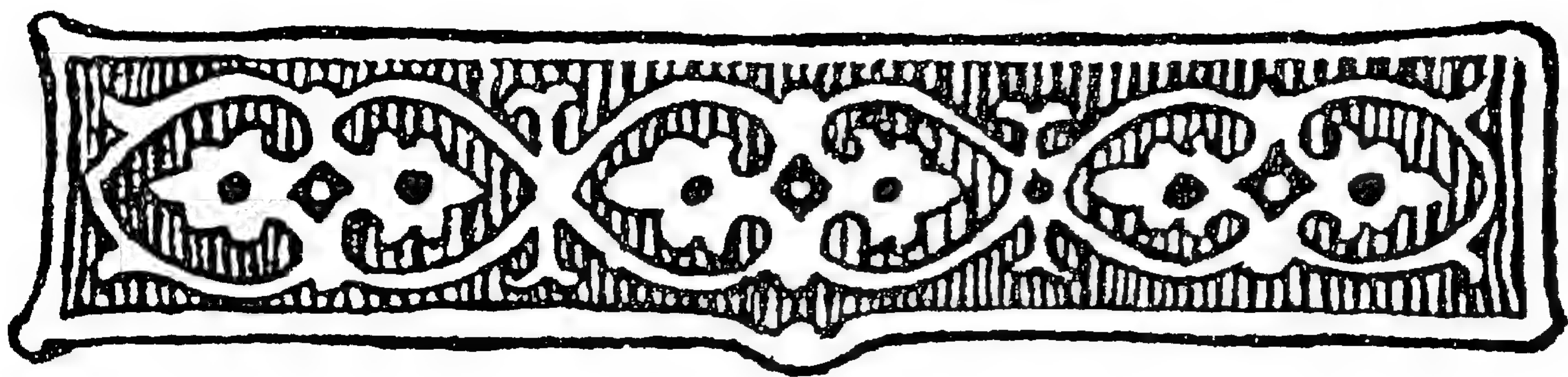
Духовные стихи отражали, такимъ образомъ, самыя разнообразныя теченія народно-религіозной мысли. Въ ихъ художественно-музыкальной формѣ находило себѣ выраженіе религіозное чувство, пораженное то одухотворенной красотой евангельской притчи, то богатствомъ фантастическихъ откровеній апокрифическаго сказанія, то суевѣрнымъ ужасомъ угрожающихъ челоуѣчеству адскихъ мученій послѣ Страшнаго суда. Заключая въ себѣ глубокій и чрезвычайно сложный міръ лирическихъ ощущеній, духовные стихи вносятъ въ народное сознаніе чувства и образы, настраивающіе душу на религіозное размышленіе, на сосредоточенную мысль о жизни, сообразной съ требованіями идеала, заповѣданнаго Христомъ. Откуда бы ни шли образы, украшающіе стихи, народная среда понимаетъ ихъ условно — какъ яркую, цвѣтистую символику, въ основѣ которой лежитъ неизмѣнное нравственное начало — призывъ къ добру, правдѣ, долготерпѣнію, милосердію, любви. Подобно былинамъ, духовные стихи уносятъ далеко отъ земли воображеніе слушателей въ область мечты, но эту мечту они согрѣваютъ теплотой вѣры и очаровываютъ красотой подвиговъ духа. Они для народной среды — и поученіе, и воспоминаніе, и лирическое изліяніе, и торжественная напѣвная пѣснь. Оттого ихъ такъ цѣнятъ и любятъ народъ, оттого

и поить и кормить хранителей и исполнителей ихъ, каликъ переходящихъ, этихъ убогихъ слѣпцовъ, которымъ дана чудесная власть открывать народныя очи на то, что выше обыденности, дороже «моря житейскаго».

Духовные стихи воплотили въ себѣ и раздумье надъ многовѣковымъ опытомъ тяжелой и подверженной стихійнымъ случайностямъ жизни. Раздумье это находило порою въ народной средѣ такихъ вдохновенныхъ выразителей, произведенія которыхъ носятъ на себѣ печать необычайнаго поэтического подъема. Такова повѣсть о «Горѣ-злостіи», ярко, образно, проникновенно изображающая скорбное чувство могучей души, одиноко и бесплодно гибнущей въ жизненной борьбѣ. Повѣсть эта воплощаетъ въ себѣ ту крѣпость, ту чисто-русскую самобытность народнаго міровоззрѣнія, которыя являются объединяющимъ и перерабатывающимъ началомъ всѣхъ многообразныхъ настроеній и образовъ, входящихъ въ содержаніе духовныхъ стиховъ. Кто бы ни придалъ этой повѣсти окончательную обработку, онъ жилъ съ народомъ одной жизнью, однимъ чувствомъ и думалъ одну думу, упорную и крѣпкую, какъ его многовѣковая исторія, какъ его непобѣдимое стремленіе выйти изъ тьмы и убожества, разогнать тучу «злостіи» и просвѣтленными очами взглянуть на міръ Божій.

СТИХИ ДУХОВНЫЕ

СЛОВЕСА ЗОЛОТЫЯ

Плачь Адама.

Восплакался Адамій, передъ раемъ стоя:

— Ты раю мой, раю, прекрасный мой раю!

— Мене ради, раю, сотворенъ бысть,

— Еввы ради, раю, заключенъ бысть. —

Евва согрѣшила, Адама прельстила,

Законъ преступила, Богу согрubiла,

Умъ свой погрузила во тьму кромѣшнюю,

Весь родъ нашъ отгнала отъ раю святого.

Адамъ вопіяше къ Богу со слезами:

— Увы мнѣ, грѣшному, увy незаконному!

— Уже азъ не слышу архангельскаго гласа,

— Ничто же вкушаю отъ райскія пищи! —

Адамъ вопіяше къ Богу со слезами:

— О, Боже милосердый, помилуй насъ грѣшныхъ!—

Что проговорить Евва, Адаму глаголетъ:

— Адамій, Адамій, ты мой господине!

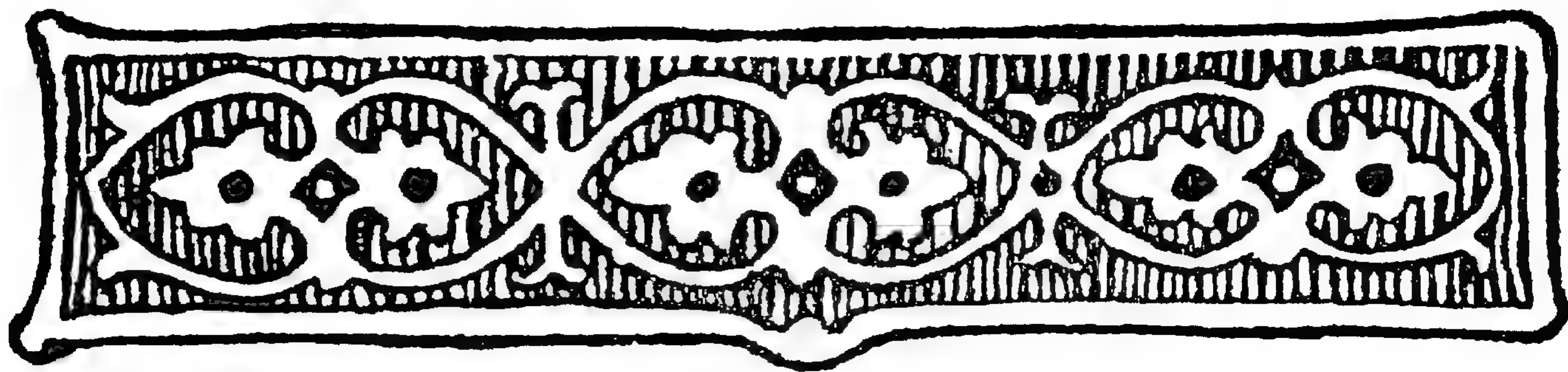
— Не велѣлъ намъ Богъ жити во прекрасномъ раю,

— Ничто же вкушаю отъ райской пищи,

— Сослалъ насъ Господь на трудную землю,

— Намъ хлѣба снѣдати отъ потнаго лица,

— Намъ правдою жити и зла не творити. —

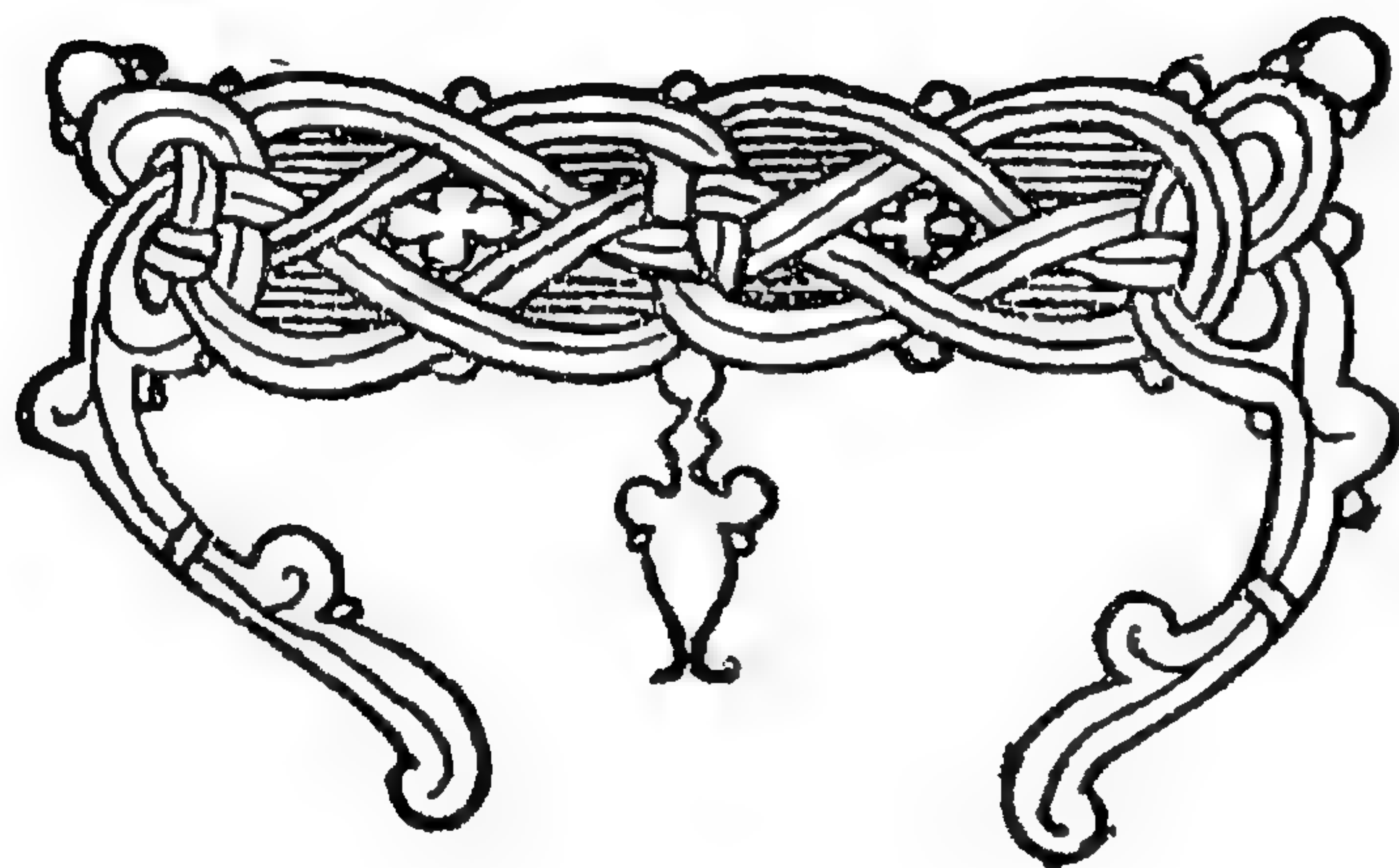

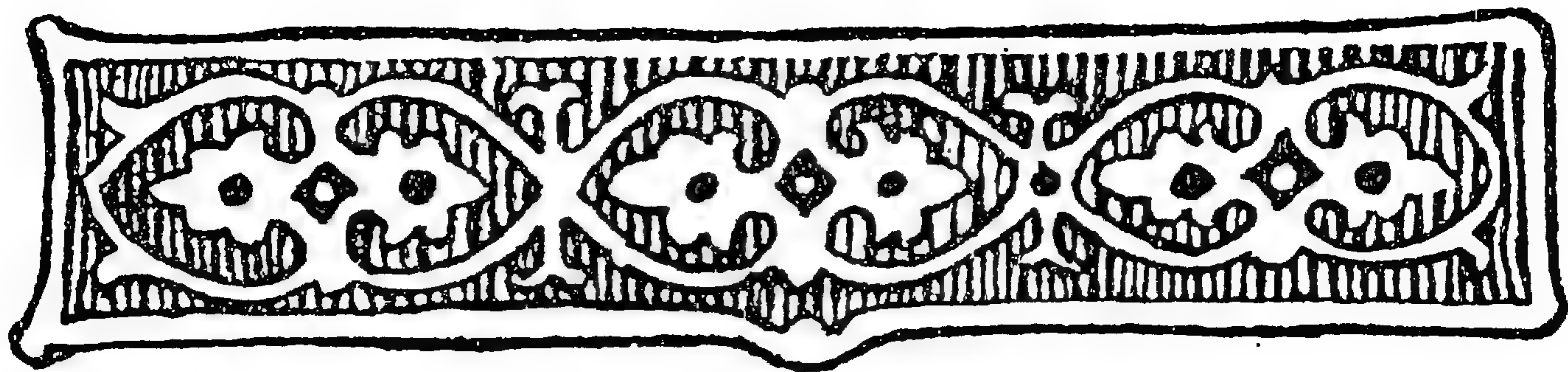
Плачъ Іосифа.

Кому повѣмъ печаль мою,
Кого призову къ рыданію?
Токмо тебе, владыко мой:
Извѣстна тебѣ печаль моя,
Моему творцу, создателю,
Всѣхъ благихъ подателю.
Буду просить я милости
Отъ всея своея крѣпости.
Кто бы мнѣ далъ источникъ слезъ, —
Я плакалъ бы и день, и ночь,
Рыдалъ бы я о грѣсѣхъ своихъ,
Проліялъ бы слезы отъ очію,
Аки рѣки Едемскія,
Погасилъ бы я геенскій огонь.
Кто бы мнѣ далъ голубицу,
Вѣщающую бесѣдами, —
Послалъ бы я ко Іакову,
Отцу моему Израилю:
Отче, отче Іакове,
Святый мужъ Израилевъ!
Пролей слезы ко Господу
О своемъ сынѣ Іосифѣ!
Твои дѣти, моя братія,

Продаша мене во ину землю.
Исчезнуша мои слезы
О моемъ съ тобою разлученіи,
И нѣсть того, кто бы утѣшилъ мя.

Земле, земле,
Возопившая ко Господу за Авеля,
Возопи нынѣ ко Іакову,
Отцу моему Израилю!

Голубиная книга.

Изъ-подъ той страны изъ-подъ восточныя
Выставала туча темная, грозная;
Да изъ той изъ тучи грозной, темныя
Выпадала книга голубиная.
На славную она выпала на Оаворъ-гору,
Ко чудну кресту къ животворящему,
Ко тому ко камню ко бѣлатырю,
Ко честной главы ко адамовой.
Ко этой книги голубиныя
Собирались къ ней, соѣзжались
Сорокъ царевъ, все царевичи,
И премного князей, много князевичей;
Изъ нихъ было пять царевъ набольшихъ;
Былъ Исай царь, другой царь Костянтинъ,
Былъ Василей царь, сынъ Акульевичъ,
Волотоманъ царь былъ Волотомановичъ,
Нашъ премудрый царь Давидъ Евсѣевичъ.
Возговорить Волотоманъ царь Волотомановичъ:
— Государи-братцы, сорокъ царей,
— Кто изъ насъ, братцы, гораздъ по памяти,
— Кто прочелъ бы намъ книгу голубиную:
— Какъ бы намъ узнать, во книгѣ что написано,

— Въ голубиной напечатано. —

Тогда всѣ цари тутъ пріумолкнули.

Имъ отвѣтъ держалъ на то премудрый царь,

Нашъ премудрый царь Давидъ Евсѣевичъ:

— Государи-братцы, сорокъ царей,

— Я вамъ такъ скажу, братцы, по памяти,

— По памяти, какъ по грамотѣ,

— Про эту книгу голубиную.

— Великая книга голубиная!

— Въ долину книга сорока локоть,

— Поперекъ книга тридцати локоть,

— Въ толщину книга десяти локоть.

— Не узнать намъ, во книгѣ что написано:

— На рукахъ держать намъ книгу, не удержать
будеть,

— Умомъ намъ сей книги не сосмѣтити,

— И очамъ намъ книгу не обозрити.

— Великая книга голубиная!

— Писалъ эту книгу святъ Исай пророкъ,

— Читалъ эту книгу Иванъ Богословъ.

— Онъ читалъ эту книгу ровно три года,

— Прочиталъ во книгѣ только три листа. —

Ему вси цари поклонилися:

— Тебе спасетъ Богъ, свѣтъ премудрый царь,

— Нашъ премудрый царь Давидъ Евсѣевичъ.

— Хорошо сказалъ, сударь, намъ по памяти.

— Ты еще, государь нашъ, намъ про то скажи:

— Отчего начался у насъ бѣлый свѣтъ;

— Отчего у насъ солнце красное;

— Отчего у насъ младъ свѣтель мѣсяцъ;

— Отчего у насъ звѣзды частыя;
 — Отчего у насъ зори свѣтлыя? —
 Имъ отвѣтъ держалъ на то премудрый царь,
 Нашъ премудрый царь Давидъ Евсѣевичъ:
 — Начинался бѣлъ свѣтъ отъ Свята Духа,
 — Отъ Свята Духа, самого Христа,
 — Самого Христа, Царя Небеснаго.
 — Солнце красное отъ лица Божья,
 — Младъ свѣтель мѣсяць отъ грудей Божьихъ,
 — Звѣзды частыя — оны отъ ризъ Божьихъ,
 — Зори свѣтлыя отъ очей Божьихъ,
 — Самого Христа, Царя Небеснаго. —
 Ему всѣ цари поклонилися:
 — Тебе спасетъ Богъ, свѣтъ премудрый царь,
 — Нашъ премудрый царь Давидъ Евсѣевичъ.
 — Хорошо сказалъ, сударь, намъ по памяти
 — Про эту книгу голубиную.
 — Ты еще, государь нашъ, намъ про то скажи:
 — Отчего цари зачадилися,
 — И отчего князья со боярами;
 — Отчего крестьяне православные? —
 Имъ отвѣтъ держалъ на то премудрый царь,
 Нашъ премудрый царь Давидъ Евсѣевичъ:
 — Зачадились цари со царицами
 — Отъ честной главы отъ адамовой;
 — Зачадились князья со боярами
 — Отъ честныхъ мощей отъ адамовыхъ;
 — Завелось крестьянство православное
 — Отъ того колѣна отъ адамова. —
 Ему всѣ цари поклонилися:

- Тебе спасеть Богъ, свѣтъ премудрый царь,
 - Нашъ премудрый царь Давидъ Евсѣевичъ.
 - Хорошо сказалъ, государь нашъ, намъ по памяти
 - Про эту книгу голубиную.
 - Ты еще, государь нашъ, намъ про то скажи:
 - Который у насъ городъ городамъ мать;
 - И которая церква надъ церквами мать;
 - И который царь надъ царями царь? —
 - Имъ отвѣтъ держалъ на то премудрый царь:
 - Иерусалимъ-городъ городамъ мать. —
 - Почему Иерусалимъ-городъ городамъ мать? —
 - А стоитъ Иерусалимъ-городъ посреди земли,
 - Посреди земли, во ней пупъ земной.
 - Во начальномъ градѣ, въ Иерусалимѣ,
 - Тутъ построена церковь соборная;
 - Во этой церкви во соборныя,
 - Въ ней содержится гробница Господняя.
 - Она на воздусяхъ, сама на вознесяхъ.
 - Тутъ темьянъ и ладонъ рядомъ курятся,
 - Свѣча теплится неугасимая:
 - Потому Иерусалимъ-городъ городамъ мать,
 - Потому эта церква надъ церквами мать,
 - А нашъ бѣлый царь надъ царями царь. —
 - Ему всѣ цари поклонилися:
 - Тебе спасеть Богъ, свѣтъ премудрый царь,
 - Нашъ премудрый царь Давидъ Евсѣевичъ.
 - Хорошо сказалъ, государь нашъ, намъ по
- памяти
- Про эту книгу голубиную.
 - Ты еще, государь нашъ, намъ про то скажи:

- Которая у насъ земля всѣмъ землямъ мать.
- И которая гора всѣмъ горамъ мать,
- И которое древо всѣмъ древамъ мать? —
- Имъ отвѣтъ держалъ на то премудрый царь,
Нашъ премудрый царь Давидъ Евсѣевичъ:
- Государи-братцы, сорокъ царей:
- Свята Русь-земля — всѣмъ землямъ мать. —
- Почему свята Русь-земля — всѣмъ землямъ
мать? —
- Изукрашена свята Русь-земля Божьимъ
церквамъ;
- На ней строятся церкви соборныя:
- Потому она всѣмъ землямъ мать.
- А Ѡаворъ-гора всѣмъ горамъ мать. —
- Почему-жъ Ѡаворъ-гора надъ горами мать? —
- На славной было на Ѡаворъ-горы
- Преобразился на горѣ самъ Іисусъ Христосъ
- Со двумъ-на-десятью со апостоламъ:
- Потому Ѡаворъ-гора надъ горами мать.
- Кипарисъ-древо всѣмъ древамъ мать. —
- Почему-жъ кипарисъ-древо всѣмъ древамъ
мать? —
- Изъ того изъ древа кипариснаго,
- Изъ него былъ вырѣзанъ пречудный крестъ;
- На томъ крестѣ животворящимъ
- На немъ былъ распятъ самъ Іисусъ Христосъ:
- Потому кипарисъ-древо всѣмъ древамъ мать. —
- Ему всѣ цари поклонилися:
- Тебе спасетъ Богъ, свѣтъ премудрый царь,
- Нашъ премудрый царь Давидъ Евсѣевичъ.

- Хорошо сказалъ, государь нашъ, намъ по
памяти
- Про эту книгу голубиную.
- Ты еще, государь нашъ, намъ про то скажи:
- Которое у насъ море надъ морями мать,
- И которое озеро озерамъ мать,
- И которая рѣка всѣмъ рѣкамъ мать? —
- Имъ отвѣтъ держалъ на то премудрый царь,
Нашъ премудрый царь Давидъ Евсѣевичъ:
- У насъ окіанъ-море всѣмъ морямъ мать.
- Почему окіанъ-море надъ морями мать? —
- Обошло окіанъ-море вокругъ земли,
- Вокругъ земли, всей повселенныя:
- Потому окіанъ-море надъ морями мать.
- А Ильмень-озеро надъ озерами мать.
- Да не тотъ Ильмень, кой подъ Новымъ градомъ,
- И не тотъ Ильмень, кой во Большой Орды,
- А есть тотъ Ильмень, кой въ Турецкой земли;
- Изъ того Ильменя, изъ озера
- Протекаетъ матушка Іорданъ-рѣка:
- Потому Ильмень-озеро — озерамъ мать,
- А Іорданъ-рѣка — надъ рѣками мать, —
- Во славной матушки во Іорданъ-рѣки
- Окрестился въ ней самъ Іисусъ Христосъ:
- Потому Іорданъ-рѣка надъ рѣками мать. —
- Ему всѣ цари поклонилися:
- Тебе спасетъ Богъ, свѣтъ премудрый царь,
- Нашъ премудрый царь Давидъ Евсѣевичъ.
- Хорошо сказалъ, сударь, по памяти
- Намъ про эту книгу голубиную.

- Ты еще, сударь, намъ про то скажи:
- Которая у насъ рыба надъ рыбами мать,
- И которая птица надъ птицами мать,
- И который звѣрь надъ звѣрями звѣрь? —
- Имъ отвѣтъ держалъ на то премудрый царь,
- Нашъ премудрый царь Давидъ Евсѣевичъ:
- У насъ кить-рыба надъ рыбами мать.
- Почему-жъ кить-рыба надъ рыбами мать? —
- На трехъ китахъ, на рыбахъ,
- На тридцати было на малыхъ,
- Основана на нихъ вся сыра-земля,
- И содержится вся повселенная:
- Потому кить-рыба надъ рыбами мать.
- А стрефилъ-птица надъ птицами мать. —
- Почему-жъ она надъ птицами мать? —
- Сидитъ стрефилъ-птица посреда моря;
- Она плодъ плодитъ во сине море,
- А полеть сама держитъ по поднебесью.
- Послѣ полуночи во второмъ часу,
- Какъ стрефилъ-птица — она трепехнется,
- Запоютъ куры у насъ по всей земли;
- Просвѣщается тогда вся вселенная:
- Потому стрефилъ-птица всѣмъ птицамъ мать.
- Единорогъ-звѣрь надъ звѣрями звѣрь.
- Почему единорогъ надъ всѣмъ звѣрямъ
звѣрь? —
- Живетъ единорогъ — во Святой горы,
- Онъ проходъ имѣетъ по подземелью;
- Прочищаетъ всѣ ключи источные.
- Когда единорогъ-звѣрь поворотится,

— Воскипятъ ключи всѣ подземельные:

— Потому единорогъ-звѣрь всѣмъ звѣрямъ

звѣрь. —

Ему всѣ цари поклонилися:

— Тебе спасетъ Богъ, свѣтъ премудрый царь.

— Хорошо сказалъ, сударь, по памяти.

— Ты еще, сударь, намъ про то скажи:

— Который у насъ камень каменямъ мать;

— И которая трава всѣмъ травамъ мать;

— И которымъ грѣхамъ покаянье есть,

— И которымъ грѣхамъ покаянья нѣтъ? —

Имъ отвѣтъ держалъ на то премудрый царь,

Нашъ премудрый царь Давидъ Евсѣевичъ:

— Бѣлъ алатырь-камень каменямъ мать.

— Почему бѣлъ алатырь каменямъ мать? —

— На томъ камнѣ бѣлъ алатырь

— На немъ бесѣдовалъ самъ Іисусъ Христосъ

— Со двумъ-на-десяти со апостоламъ.

— Утверждали вѣру христіанскую;

— Роспускали книгу голубиную

— По всей земли повселенныя:

— Потому бѣлатырь каменямъ мать.

— А плакунъ-трава надъ травами мать.

— Почему плакунъ-трава надъ травами мать? —

— Когда былъ распятъ самъ Іисусъ Христосъ,

— Тогда шла Мать Пресвятая Богородица

— Ко своему сыну ко распятому.

— Она ронила свои слезы пречистыя

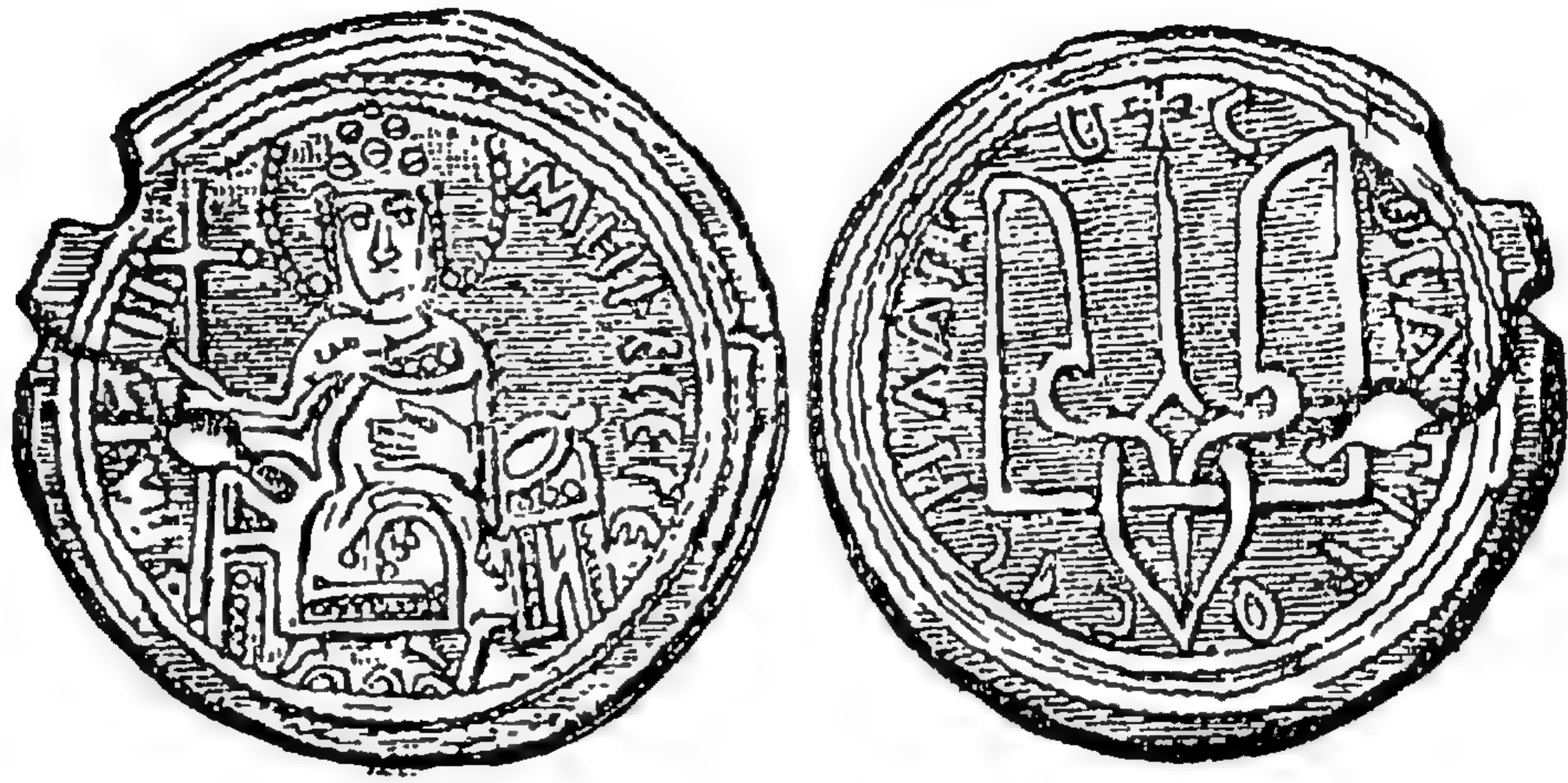
— На матушку на сыру-землю, —

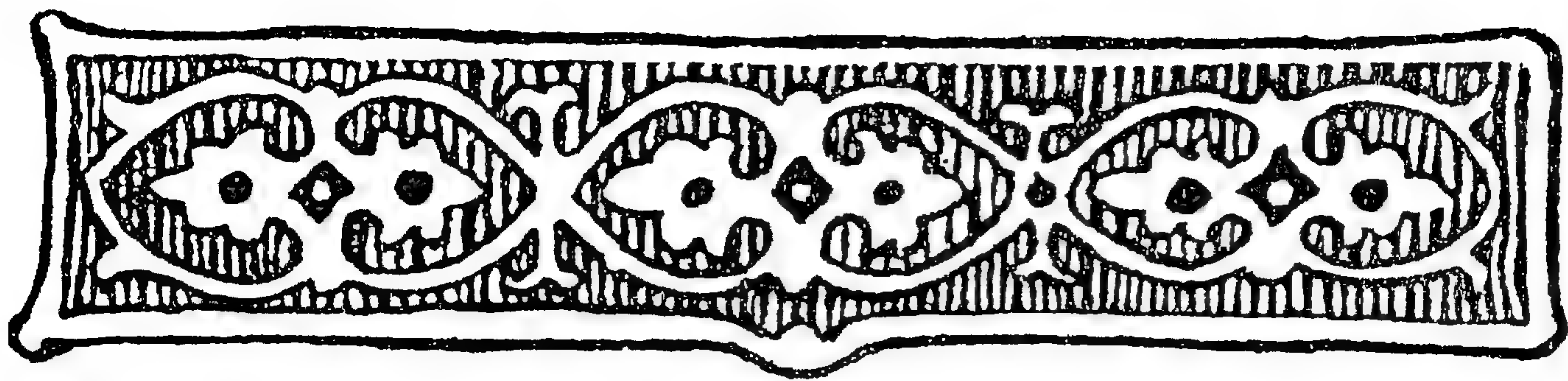
— Отъ ееныхъ слезъ отъ пречистыхъ,

- Зарождалась на земли плакунъ-травѣ.
- Изъ того коренія изъ плакунова,
- Вырѣзають у насъ въ Руси креста чудные,
- Ино тѣмъ у насъ люди спасаются, —
- Всѣ монахи, и старцы, и всѣ юнѣши:
- Потому плакунъ-травѣ надъ травами мать.
- Братцы, всѣмъ грѣхамъ покаянне есть;
- А этимъ грѣхамъ покаяннѣ нѣтъ:
- Который бранить, братцы, Свята Духа;
- И который бранить отца со матерью;
- И который во утробы плодъ запарчиваетъ;
- И кой грѣшитъ кумъ съ кумой крестовою:
- Этимъ грѣхамъ покаяннѣ нѣтъ. —
- Ему всѣ цари поклонилися:
- Тебѣ спасетъ Богъ, свѣтъ премудрый царь.
- Хорошо сказалъ, сударь, по памяти
- Намъ про эту книгу голубиную. —
- Возговоритъ Волотоманъ царь Волотомановичъ:
- Государи-братцы, сорокъ царей,
- Что случилось въ моемъ во чистомъ полѣ;
- Какъ два зайчика собѣгалися —
- Одинъ сѣренькій былъ, другой бѣленькій, —
- И промежду собой оны подралися.
- Быдто сѣрый бѣлаго пріобидѣлъ же:
- Пошелъ бѣленькій во чисто поле,
- Пошелъ сѣренькій во темны лѣса. —
- Тогда всѣ цари пріумолкнули.
- Имъ отвѣтъ держалъ на то премудрый царь,
- Нашъ премудрый царь Давидъ Евсѣевичъ:
- То не зайчики въ полѣ собѣгалися:

- Тутъ сошлася Кривда со Правдою,
- И промежду собою оны подралися.
- Нонѣчь Кривда Правду пріобидѣла:
- Пошла Правда она на вышнія небеса,
- А Кривда оставалась на сырой земли,
- По всему народу православному.
- Она пала намъ всѣмъ на ретиво сердце:
- Оттого у насъ въ мірѣ стало правды нѣтъ;
- Стали беззаконія великія. —
- Ему всѣ цари поклонилися:
- Тебе спасетъ Богъ, свѣтъ премудрый царь,
- Нашъ премудрый царь Давидъ Евсѣевичъ.
- Хорошо сказалъ, сударь, по памяти. —
- Возговоритъ Волотоманъ царь Волотомановичъ!
- Государи-братцы, сорокъ царей,
- Мнѣ ночесе-ночь мало спалося;
- Мнѣ предивный сонъ во снѣ превидѣлся:
- Быдто во моемъ саду во зеленыимъ
- Вырастало тутъ древо сахарное;
- Прилетала пташечка малешенька,
- Распущала перья до сырой земли.
- Ино кто сказалъ бы, братцы, про мой дивный
сонъ, —
- Я-бъ того, сударь, много пожаловалъ. —
- Тогда всѣ цари пріумолкнули.
- Имъ отвѣтъ держалъ на то премудрый царь,
- Нашъ премудрый царь Давидъ Евсѣевичъ:
- Отъ моей царицы отъ благовѣрныя
- Народится сынъ, царь Саломонъ;
- А отъ его царицы отъ благочестивыя

- Народится дочь Саломонидія.
- Мому сыну, царю Соломону,
- На его на дочери быть жениться.
- Черезъ тридцать лѣтъ этотъ сонъ разсудится. —

Евангелистая пѣснь.

Вы люди оные,
Рабы поученые,
Надъ школами выбраны!
Повѣдайте, что есть Единъ?
— Единъ Сынъ у Маріи,
— Царствуетъ и ликуетъ
— Господь Богъ надъ нами. —

Вы люди оные,
Рабы поученые,
Надъ школами выбраны!
Повѣдайте, что есть Два?
— Два тавля Исеевы;
— Единъ Сынъ на Сіонской горѣ,
— Царствуетъ и ликуетъ
— Господь Богъ надъ нами. —

Вы люди оные,
Рабы поученые,
Надъ школами выбраны!
Повѣдайте, что есть Три?
— Три патріарха на землѣ;

- Два тавля Исеевы;
- Единъ Сынъ на Сіонской горѣ,
- Царствуетъ и ликуетъ
- Господь Богъ надъ нами. —

Вы люди оные,
 Рабы поученные,
 Надъ школами выбраны!

Повѣдайте, что есть Четыре?

- Четыре листа Евангельски;
- Три патріарха на землѣ;
- Два тавля Исеевы;
- Единъ Сынъ на Сіонской горѣ,
- Царствуетъ и ликуетъ
- Господь Богъ надъ нами. —

Вы люди оные,
 Рабы поученные,
 Надъ школами выбраны!

Повѣдайте, что есть Пять?

- Пять ранъ безъ вины Господь терпѣлъ;
- Четыре листа Евангельски;
- Три патріарха на землѣ;
- Два тавля Исеевы;
- Единъ Сынъ на Сіонской горѣ,
- Царствуетъ и ликуетъ
- Господь Богъ надъ нами. —

Вы люди оные,
 Рабы поученные,
 Надъ школами выбраны!

Повѣдайте, что есть Шесть?

- Шесть крылъ херувимскіихъ;
- Пять ранъ безъ вины Господь терпѣлъ;
- Четыре листа Евангельски;
- Три патріарха на землѣ;
- Два тавля Исеевы;
- Единъ Сынъ на Сіонской горѣ,
- Царствуетъ и ликуетъ
- Господь Богъ надъ нами. —

Вы люди оные,
Рабы поученые,
Надъ школами выбраны!

Повѣдайте, что есть Семь?

- Семь чиновъ ангельскихъ;
- Шесть крылъ херувимскіихъ;
- Пять ранъ безъ вины Господь терпѣлъ;
- Четыре листа Евангельски;
- Три патріарха на землѣ;
- Два тавля Исеевы;
- Единъ Сынъ на Сіонской горѣ,
- Царствуетъ и ликуетъ
- Господь Богъ надъ нами. —

Вы люди оные,
Рабы поученые,
Надъ школами выбраны!

Повѣдайте, что есть Восемь?

- Восемь круговъ солнечныхъ;
- Семь чиновъ ангельскихъ;
- Шесть крылъ херувимскіихъ;

- Пять ранъ безъ вины Господь терпѣлъ;
- Четыре листа Евангельски;
- Три патріарха на землѣ;
- Два тавля Исеевы;
- Единъ Сынъ на Сіонской горѣ,
- Царствуетъ и ликуетъ
- Господь Богъ надъ нами. —

Вы люди оные,
 Рабы поученые,
 Надъ школами выбраны!

Повѣдайте, что есть Девять?

- Девять въ году радостей;
- Восемь круговъ солнечныхъ;
- Семь чиновъ ангельскихъ;
- Шесть крылъ херувимскихъ;
- Пять ранъ безъ вины Господь терпѣлъ;
- Четыре листа Евангельски;
- Три патріарха на землѣ;
- Два тавля Исеевы;
- Единъ Сынъ на Сіонской горѣ,
- Царствуетъ и ликуетъ
- Господь Богъ надъ нами. —

Вы люди оные,
 Рабы поученые,
 Надъ школами выбраны!

Повѣдайте, что есть Десять?

- Десять Божьихъ заповѣдей;
- Девять въ году радостей;
- Восемь круговъ солнечныхъ;

- Семь чиновъ ангельскихъ;
- Шесть крылъ херувимскихъ;
- Пять ранъ безъ вины Господь терпѣлъ;
- Четыре листа Евангельски;
- Три патріарха на землѣ;
- Два тавля Исеевы;
- Единъ Сынъ на Сіонской горѣ,
- Царствуетъ и ликуетъ
- Господь Богъ надъ нами. —

Вы люди оные,
 Рабы поученые,
 Надъ школами выбраны!

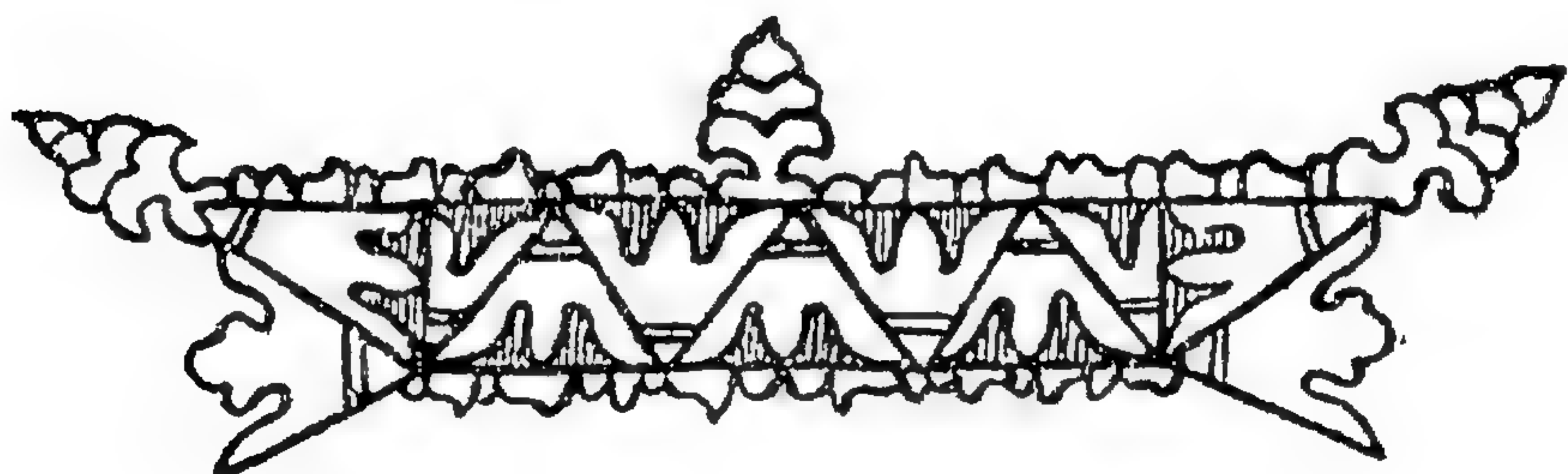
Повѣдайте, что есть Единъ-на-десять?

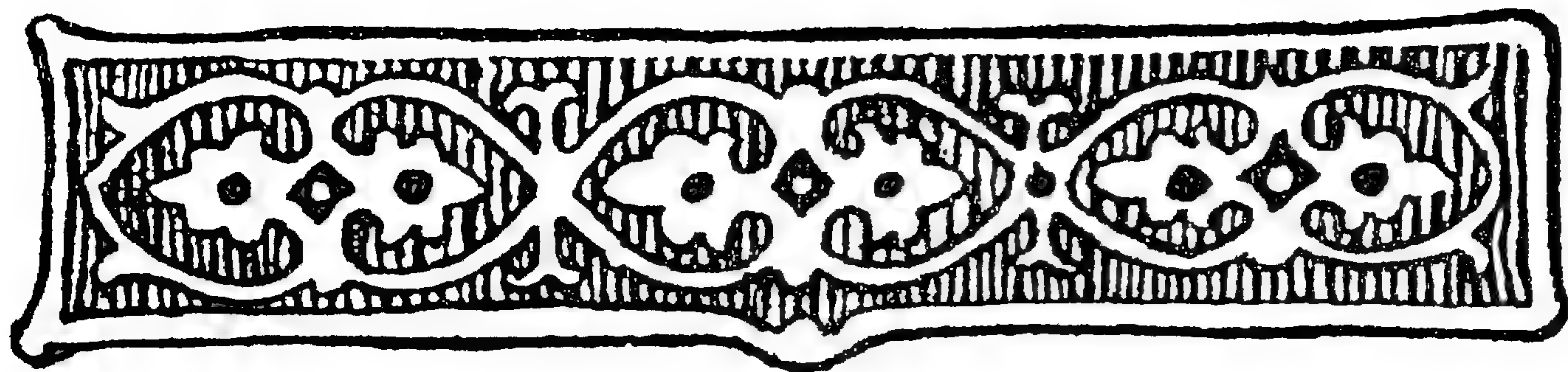
- Единъ-на десять Апостоловъ;
- Десять Божьихъ заповѣдей;
- Девять въ году радостей;
- Восемь круговъ солнечныхъ;
- Семь чиновъ ангельскихъ;
- Шесть крылъ херувимскихъ;
- Пять ранъ безъ вины Господь терпѣлъ;
- Четыре листа Евангельски;
- Три патріарха на землѣ;
- Два тавля Исеевы;
- Единъ Сынъ на Сіонской горѣ,
- Царствуетъ и ликуетъ
- Господь Богъ надъ нами. —

Вы люди оные,
 Рабы поученые,
 Надъ школами выбраны!

Повѣдайте, что есть Два-на-десять?

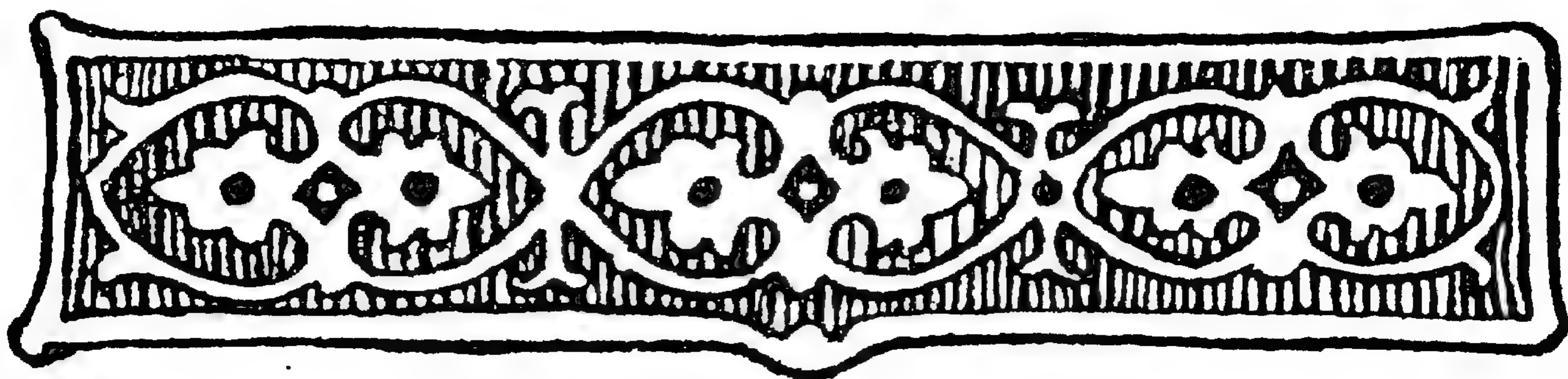
- Два-на-десять въ году мѣсяцевъ;
- Единъ-на-десять Апостоловъ;
- Десять Божьихъ заповѣдей;
- Девять въ году радостей;
- Восемь круговъ солнечныхъ;
- Семь чиновъ ангельскихъ;
- Шесть крылъ херувимскихъ;
- Пять ранъ безъ вины Господь терпѣлъ;
- Четыре листа Евангельски;
- Три патріарха на землѣ;
- Два тавля Исеевы;
- Единъ Сынъ на Сіонской горѣ,
- Царствуетъ и ликуетъ
- Господь Богъ надъ нами.

Рождество Христово.

Во городъ въ Виѳлеемъ
Что со вечера звѣзда восходила,
Со полуночи возсіяла:
Что Пречистая голубица
Что Христа Бога породила,
И во пелены спеленала,
И во ясли Христа Бога полагала.
Приходили къ Нему персидстїи цари,
Приносили Ему честные дары,
Что честные — злато и ливаны.
— Мнѣ не дороги ваши дары,
— А мнѣ дороги ваши души;
— А я буду Богъ надъ богами,
— А я буду Царь надъ царями;
— А я выберу себѣ Апостоловъ,
— А я дамъ-то имъ свою печать,
— А я дамъ-то имъ свое крещенье,
— Разошлю я ихъ по всѣмъ странамъ:
— Кто прїемлетъ ихъ, той спасется,
— А не прїемлетъ ихъ, той мучиться будетъ.

Милостивая жена милосердая.

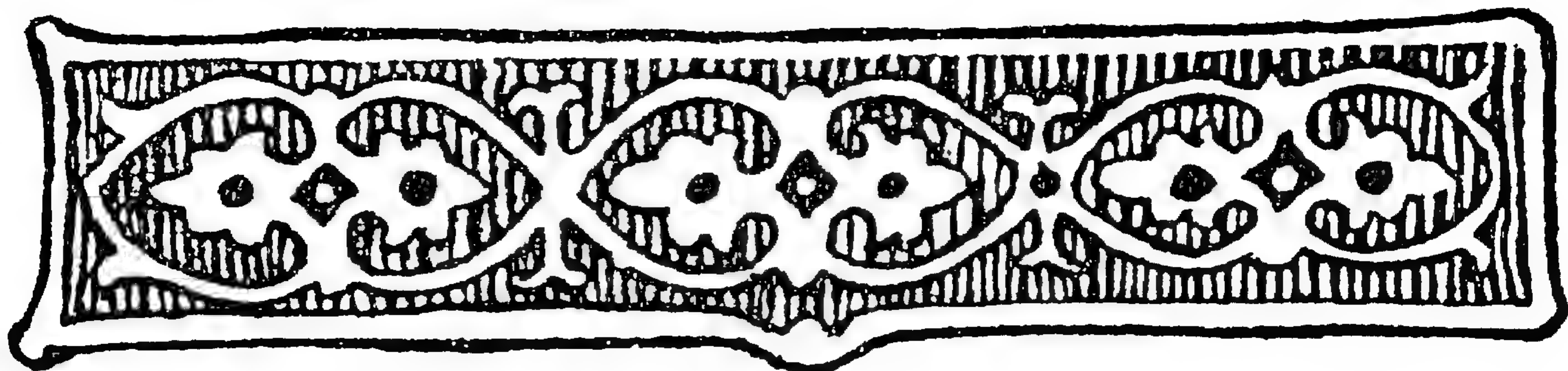
Милосливая жена милосердная
Топила во градъ свою келью,
Держала своего чада на ручахъ.
Къ милосливой къ жены милосердныя
Иде сама Дѣва Пресвятая,
Несе самого Христа Бога на руцахъ:

— Милослива жена милосердная!
— Бросай ты свое чадо въ огонь и пламя,
— Ты бери самого Христа Бога на руци:
— Бѣгутъ жида-супостаты
— Съ оружьямъ и съ вострымъ копіемъ,
— Хотятъ Христа Бога убить. —

Милослива жена милосердная
Бросила свое чадо въ огонь и пламя,
Брала самого Христа Бога на руци.
Жида-супостаты набѣжали
Съ оружьями, съ вострымъ копьемъ,
Жену милосердную жида да спрошали:

— Милослива жена милосердная!
— Давно-ль ты Христа Бога видала? —
Милосливая жена имъ отвѣчала:
— Ой же, жида-супостаты!
— Я теперь Христа Бога поймала,

— Я въ огонь во пламя Его вогнала. —
 Жи́ды къ огненной печи приходили:
 Во печи младенецъ стрепехнулся,
 Показалъ жидамъ онъ руци и ноги.
 Жи́ды-супостаты срадовались:
 — Мы теперь Христа Бога поймали,
 — Мы въ огонь во пламя его загнали,
 — Мѣднымъ заслономъ заслоняли,
 — Желѣзнымъ подпоромъ подпирали! —
 Жи́ды прочь отъ печи отходили.
 Милосливая жена милосердная
 Не могла Христа Бога содержать,
 На Его на свѣтлость наглядѣться:
 Не стало Христа у ней на ручахъ.
 Милосливая жена милосердная
 Къ огненной ко печи приходила:
 — Ужель тамъ сгорѣло мое чадо? —
 Желѣзныи подпоры отпирала,
 Мѣдныи заслоны отслоняла:
 Во печи трава выростала,
 На травѣ цвѣты расцвѣтали,
 Во цвѣтахъ младенецъ играетъ,
 На немъ риза солнцемъ возсіяетъ,
 Евангельскую книгу самъ читаетъ,
 Небесную силу прославляетъ,
 И со ангеламъ, съ херувимы
 И со всею съ небесною силой.
 Милослива жена милосердная
 Она первая въ раю пребываетъ.
 Аллилуя, аллилуя, аллилуя,
 Мы славимъ Тебе, Христа и Бога!

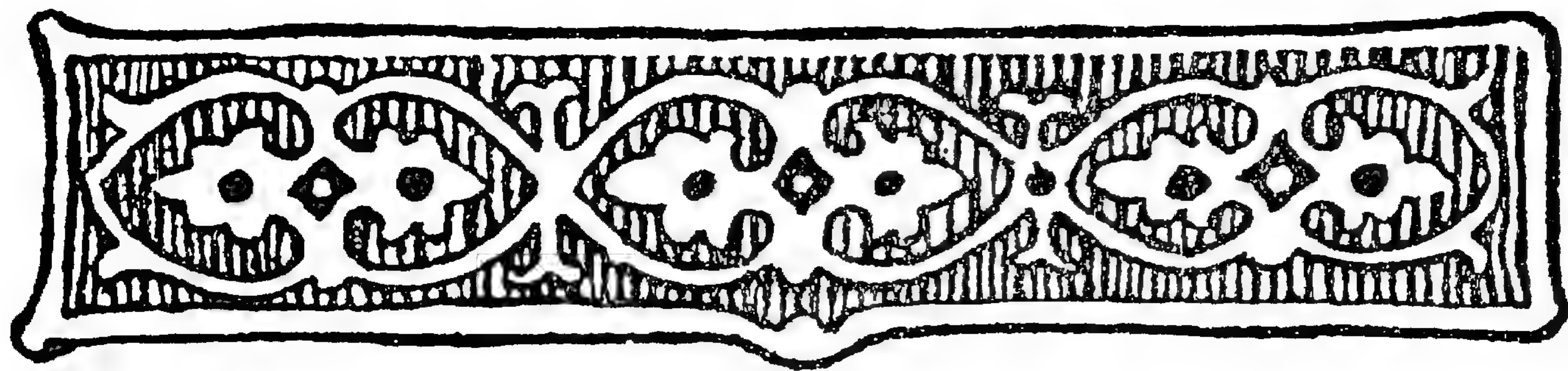

Стихъ о распятіи.

Со страхомъ мы, братіе, мы слушаемъ
Божія писанія, Господнихъ Страстей.
Пророки пророчили за тысящу лѣтъ,
Другіе сказали за триста годовъ,
Во пятой во тысящи, въ пятистахъ,
Рожденіе, страданіе Исуса Христа.
Во мартъ во мѣсяцы, во послѣднихъ днехъ,
Страстныя недѣли во пятничной день,
Во святомъ градѣ Іеросалимѣ,
Плакала-ходила Святая Дѣва.
При ней были три муриносицы жены.
Во градѣ имъ въ стрѣчу грядутъ два жида.
Восплакала, спросила Святая Дѣва:
— Гдѣ вы, жида, были, куды грядете? —
Что отвѣщаютъ Дѣвѣ два жидовина:
— Живемъ мы таперича въ Іеросалимѣ,
— А мы били-мучили Исуса Христа,
— Яже бивше-мучивше, въ темницу всады,
— Въ шестомъ часу въ пятницу распяли Его
— Въ ноги и во длани прибиша гвоздьми,
— Вѣнецъ наложили на главу Его,
— Мученія и ранъ невозможно и счесть.
— Исуса копіемъ ребра прободи,

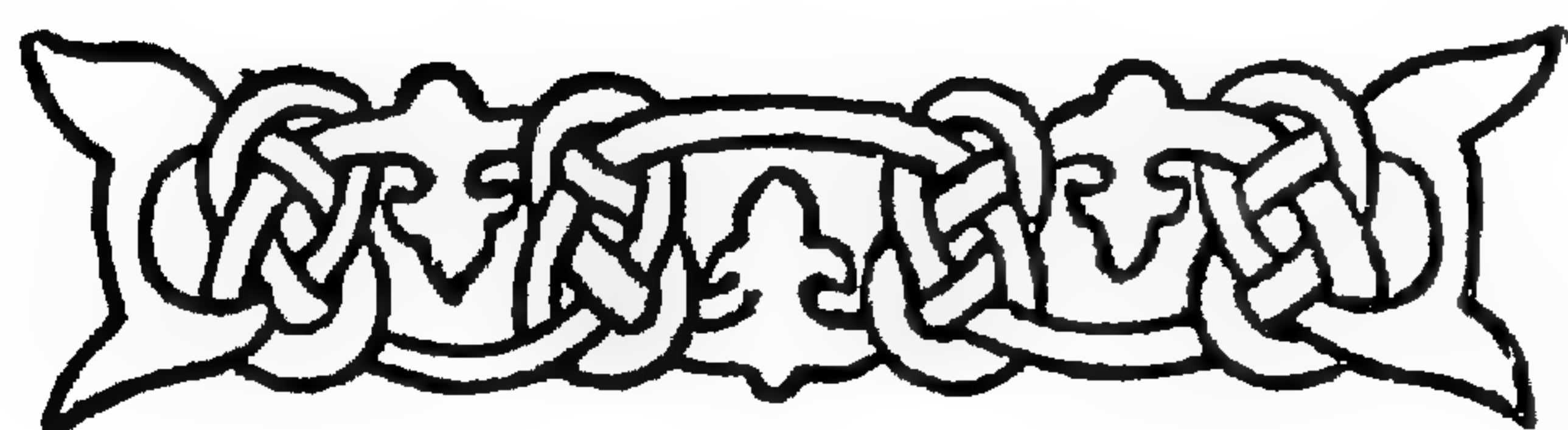
- И земля обогрися отъ крови Его. —
 Услышала глаголы ихъ Святая Дѣва:
 Она бысть безъ памяти и больша часа,
 Ударилась о землю, едва бысть жива:
 Жены соблюдали и были при ней.
 Восплачетъ, востонетъ и въ горести речетъ:
 — Увы мнѣ, сыра земля, возьми мя къ себѣ!
 — Сыне мой любезный, надежда моя,
 — Почто не послушалъ Матери Своей!
 — Нынѣ вижу, Сыне, поругаема:
 — Какое Ты дѣло жидамъ сотворилъ?
 — О, злые ругатели, беззаконные!
 — За кое вы дѣло Христа біете?
 — Вчера не хотѣла отпустить Тебе:
 — Волею поиде на крестную смерть.
 — Плачьте, рыдайте, солнце и луна!
 — Плачьте, стоните, мѣсяцъ со звѣздми!
 — Плачьте, стоните, вдовы, сироты:
 — Наставникъ и учитель вашъ покинулъ васъ
всѣхъ,
 — Сынъ мой любезный, надежда моя,
 — Волею поиде на крестную смерть.
 — Нынѣ сердце мое все терзается,
 — Составы плоти моя раздробляются,
 — Кровію устнѣ мои запекаются:
 — Почто оставляешь едину мя здѣ?
 — Вкупѣ бы вкусила съ Тобою я смерть.
 — Кто мя нынѣ утѣшитъ отъ горькихъ слезъ?
 — Нынѣ Симеона пророчествіа
 — Сбылися во-истину — глаголы его.

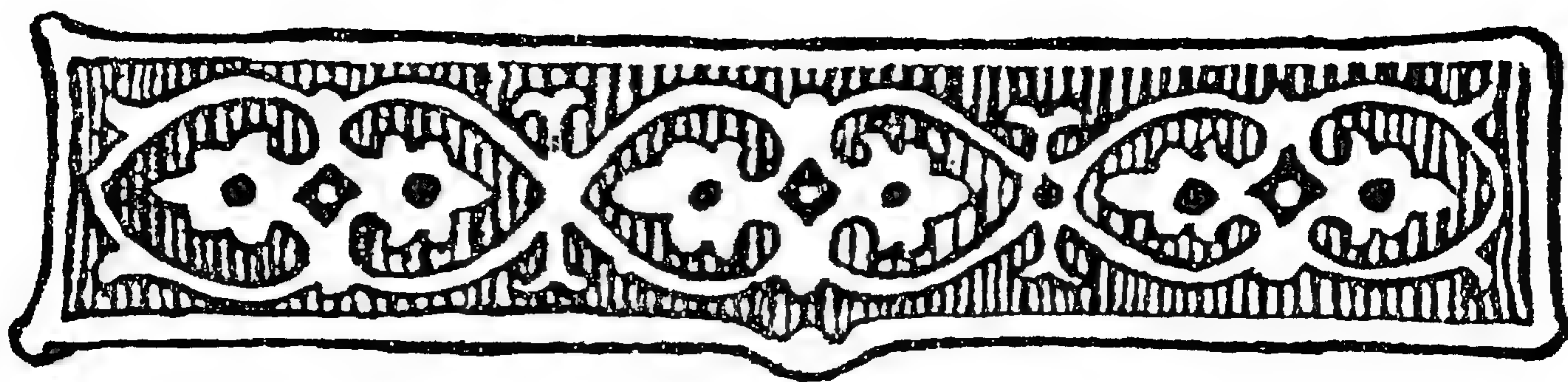
— Со страха великаго и со ужаси
 — Скрылися-бѣжали апостоли вси,
 — Едину оставили мене плакати.
 — Кто ми нынѣ, Сыне, поможетъ въ слезахъ?
 — Архангелъ Гавріиле, помози ты мнѣ:
 — Радость моя соиде во гробъ! —
 Господь проглагола Матери Своей:
 — Любезная мати! не плачь обо Мнѣ:
 — Въ третій день воскресну и прославлю тебе,
 — И радости твоей не будетъ конца. —
 У Божіей церкви, у царскихъ дверей
 Завѣса на двое раздиралася,
 Древа по дубравамъ преклонялися,
 Каменіе на двое распадалися.
 Рыданія и слезы услышалъ Господь:
 Начали трястися небо и земля,
 Солнце и мѣсяцъ не стали свѣтитъ
 Отъ шестаго часа до девятаго.
 Со страха великаго и со ужаси
 Жидовья упали ничкомъ на землю,
 Внѣ ума лежали четыре часа,
 Они, окаянніи, не покаялися —
 За то осудилъ Господь ихъ въ вѣчную тьму,
 И мукамъ ихъ не будетъ конца.
 Со страхомъ мы, братіе, мы восплачемся —
 Мученія-страданія Исуса Христа, —
 Восплачемся на всякъ день и покаемся,
 И Господь услышитъ покаяніе,
 За что и намъ даруетъ царствіе Свое,
 Радости и веселію не будетъ конца.

На горѣ-горѣ.

На горѣ-горѣ, на Сіонской горѣ,
Стоитъ тутъ церковь апостольская,
Апостольская, бѣлокаменная,
Бѣлокаменная, златоглавая.
Какъ во той ли во церкви
Три гроба стоятъ,
Три гроба стоятъ кипарисовые:
Какъ во первомъ во гробѣ Богородица,
А въ другомъ во гробѣ Іоаннъ Предтечъ,
А въ третьемъ гробѣ Самъ Иисусъ Христосъ.
Какъ надъ тѣми гробами цвѣты расцвѣли,
На цвѣтахъ сидятъ птицы райскія,
Воспѣвають онѣ пѣсни архангельскія,
А съ ними поютъ всѣ ангелы,
Всѣ ангелы со архангелами,
Съ серафимами, съ херувимами
И со всею силою небесною;
Воспѣвають онѣ пѣсню: — Христосъ воскресъ!

Стихъ о Вознесеніи.

Опослѣ Христова Воскресенья,
На шестой недѣли Вознесенья,
Вознесся Христосъ Богъ Царь Небесный,
А вознесся Господь на небеса.

Заплакала меньшая братья:

- Милосливъ Владыка, Царь Небесный,
- Куды насъ, убогихъ, оставляешь,
- На кого насъ, убогихъ, покидаешь? —

Проречетъ Господь Царь Небесный:

- Не плачьте, меньшая моя братья,
- Оставлю вамъ гору золотую,
- Оставлю вамъ рѣку медвяную:
- Можете-ль златой горой владати,
- Медвяной рѣкою разливати,
- Между собою раздѣляти? —

Этая меньшая братья

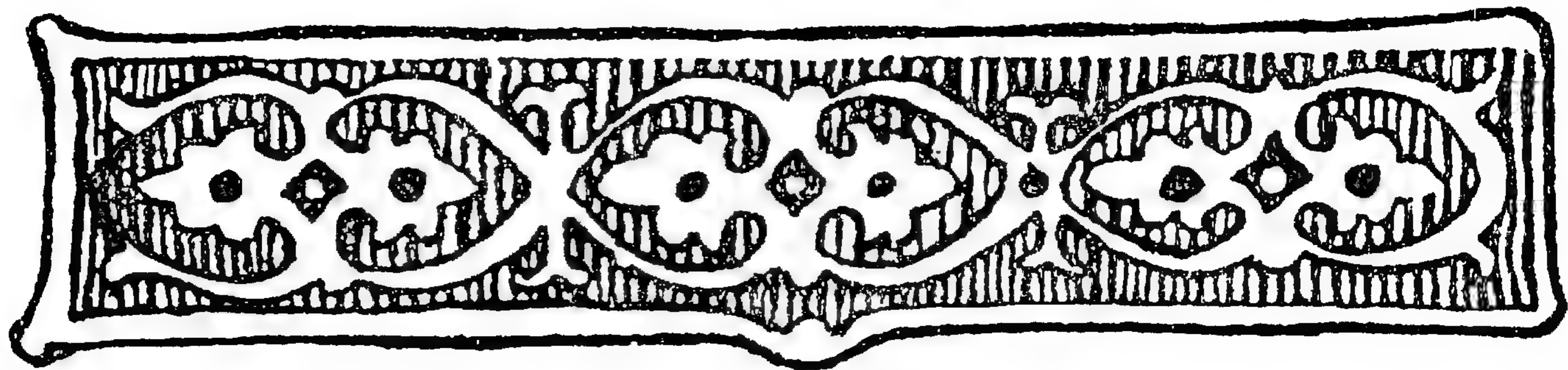
Между собой совѣтъ произлагали:

Златою горою не владати,
Медвяной рѣкой не разливати,
Между собой не раздѣляти, —
Отоймутъ князя и бояра.

Іоанну Богослову доносили:

- Ай же ты, Іоаннъ Богослове,
- Донеси-тко къ Господу къ Исусу

— Обѣ насъ-то, обѣ меньшей братѣи:
 — Златой намъ горою не владати,
 — Медвяной рѣкой не разливати,
 — Между собой не раздѣляти. —
 Этотъ Іоаннъ Богослове
 Доноситъ онъ къ Господу Исусу:
 — Милосливъ Владыко, Царь Небесный,
 — Благослови слово заговорити,
 — За меньшую братѣю заступити!
 — Не оставляй Ты имъ горъ золотыхъ,
 — Не оставляй рѣкъ медвяныхъ:
 — Златою горой имъ не владати,
 — Медвяной рѣкой не разливати,
 — Между собой не раздѣляти, —
 — Отоймутъ князя и бояра, —
 — Помретъ твоя меньшая братѣя
 — Голодною смертию и холодною.
 — Оставь-ко Христово имъ слово,
 — Оставь-ко ихъ по міру ходити,
 — А Господа Христа вспоминати,
 — Имя святое нарекати:
 — Кто ихъ пріодѣнетъ, пріобуеъ,
 — А инный милостинку подасъ,
 — Инный темной ночью спасетъ,
 — На путь на дорогу провожаетъ,
 — Все для-ради имени Христова,
 — И для-ради душевнаго спасенья. —
 И проречетъ Господь Богъ, Царь Небесный:
 — Ай же, Іоаннъ Богослове,
 — Дарую уста твои золотыи
 — За твои за рѣчи за умильни.

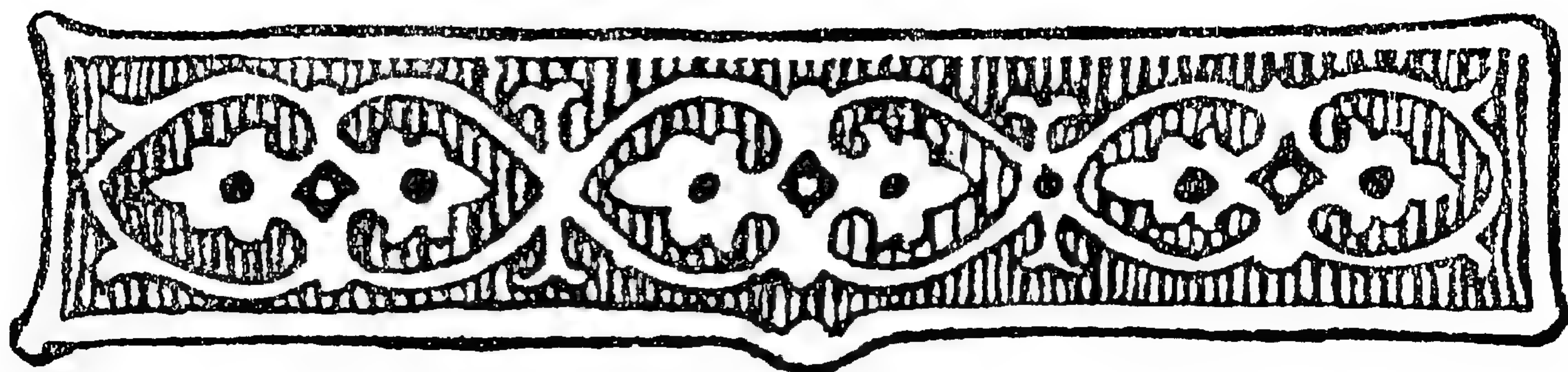
Стихъ о Покровѣ.

Подошли враги къ царству Грецкому,
Угрожаютъ ему войной-гибелью;
Обложенные пришли въ Божій Храмъ,
Плачутъ-молятся, просятъ помощи.
Услышала Мать Божія молитву ихъ:
Она сошла съ небесъ во Божию церковь.
Слава райская храмъ исполнила,
Богородицѣ служатъ ангелы,
И пророки, и апостолы.
— Что жъ Ты, Божій гость, голубица Ты,
— Всепречистая, Благодатная,
— Ты скажи, за чѣмъ прилетѣла къ намъ?
— Аль ужъ свѣтлый рай отъ грѣховъ нашихъ
— Сталъ нерадостенъ, и пришла Ты къ намъ:
— Принесла намъ казнь отъ Создателя? —

— Мнѣ и свѣтлый рай сталъ нерадостенъ,
— Небо ясное помрачилось:
— Ко мнѣ ангелы каждый часъ несутъ
— Слезы горькія христіанскія;
— И смутилась я, опечалилась!
— Теперь къ вамъ пришла въ утѣшеніе,

— Помолить за васъ съ вами Господа. —
 И вознесла Пречистая молитвенный гласъ
 Ко своему Сыну ко Распятому,
 Всѣхъ людей благодѣтелю и защитнику:
 — Сыне мой, Іисусе мой!
 — Услыши Ты насъ съ высоты небесъ,
 — Защити и насъ, грѣшныхъ людей! —
 Въ рукахъ Богородицы былъ омофоръ святой:
 Омофоромъ тѣмъ покрыла Она
 Благодатнымъ души скорбныя.

Стихъ о Страшномъ судѣ.

Расплачемся мы, грѣшники, о чадесахъ своихъ,
Про смертный мы часъ помышляемъ...
При остаточной порѣ и при времѣ
Земля и небо потрясется,
Бѣлое каменье на земли распадется,
Престолы-завѣсы церковныя порушатся,
Солнце и мѣсяцъ померкнетъ,
Часты звѣзды съ неба посвалются.
Отъ Востоку земли и до Западу
Протечетъ Сіона-рѣка огненная.
И сойдетъ на гору Михайло Архангелъ,
Вострубитъ во трубы во золотыя
И станетъ судить живыхъ и мертвыхъ:
— Вы встаньте, живые, отъ гробовъ, и мертвые,
— Ступайте ко второму ко пришествію,
— Ко страшному ко Христову разсужденію! —
И станетъ Христосъ судить живыхъ и мертвыхъ.
Обратится Христосъ къ рабамъ христолюбимымъ,
И проречетъ Христосъ рабамъ христолюбивымъ:
— А ой же вы, рабы Мои христолюбивы!
— Подите во царство во небесное,
— И на житѣ на вѣковѣчное! —

И обратится Христосъ къ рабамъ многогрѣшнымъ,
И проречетъ Христосъ рабамъ многогрѣшнымъ:

— А ой же, рабы Мои многогрѣшные!

— Подите въ пропасти земныя,

— Вамъ будутъ злыя муки превѣчныя,

— И будутъ вамъ огни неугасимыя,

— И будутъ вамъ смолы неутолимыя,

— И будетъ червь вамъ неотсыпающій,

— И будутъ злыя мразы лютые! —

А расплачутся рабы многогрѣшные:

— Господи, Христосъ Царь небесный!

— Почему Ты насъ, рабовъ, прочь отсылаешь,

— Отъ царства отъ небеснаго насъ отлучаешь? —

Проречетъ тутъ Христосъ Царь небесный:

— А ой же, грѣшные рабы Мои, беззаконные!

— Живали вы на вольномъ на свѣтѣ,

— Вы свою волю творили,

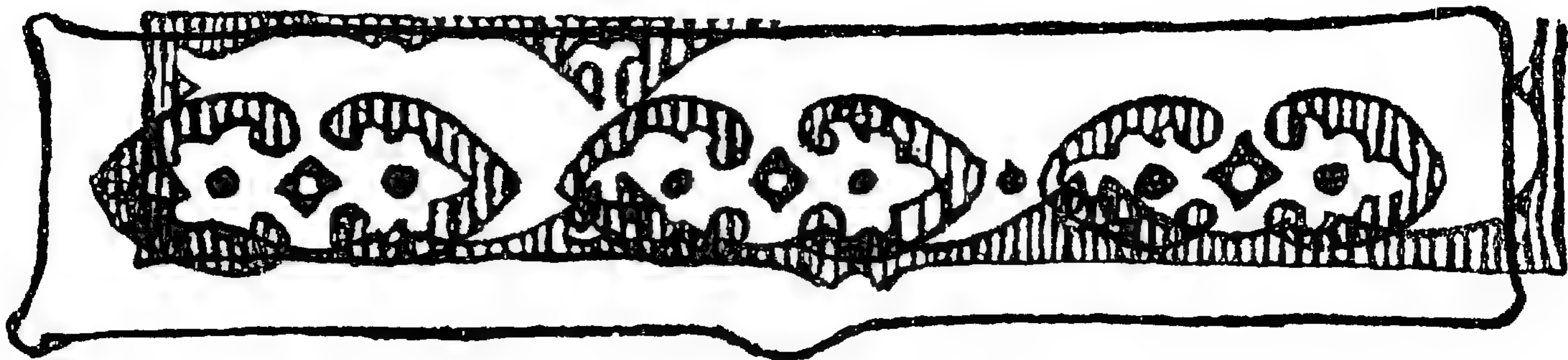
— Колокольнаго звону вы не слыхали,

— Пѣтя церковнаго вы не понимали,

— А даны вамъ были книги Божьи! —

И съ нынѣ и до вѣку, вѣчная память!

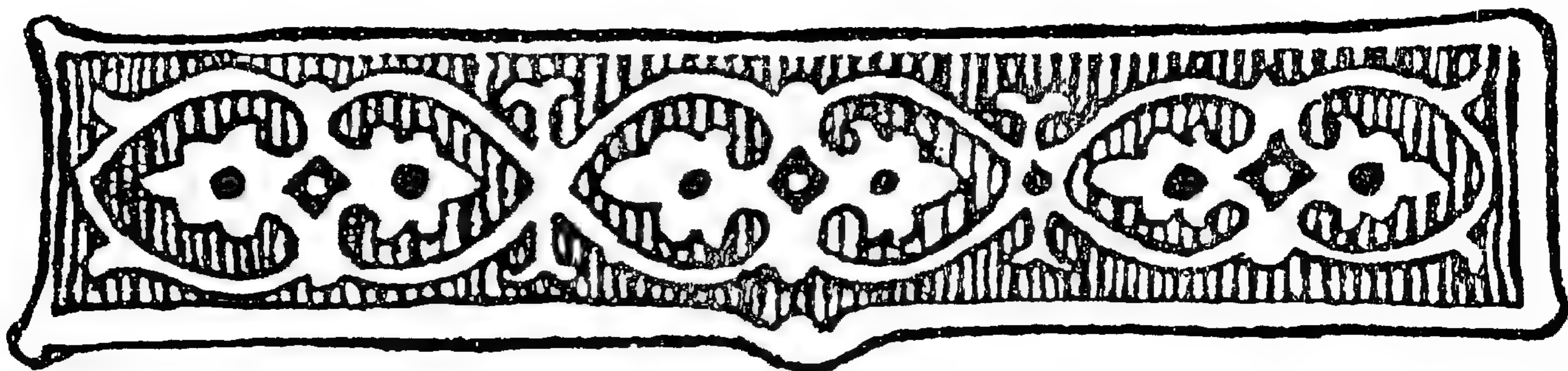
Про Михаила Архангела.

Ужъ ты выйди, человѣче, на Сіонъ на гору,
Посмотри, человѣче, на мать сыру землю, —
Еще чимъ земля да изукрашенная,
Еще чимъ земля да изнаполненная,
Еще чимъ земля да изнакаченная?
Изукрашена земля да Божьима церквами,
Изнаполнена земля да Божьей милостью,
Изнакачена земля да скатнымъ женьчюгомъ.
Протекала тутъ рѣка огненная,
Какъ по той-тамъ рѣки, рѣки огненныя,
Да тутъ ѣздитъ Михайло Архангель-царь;
Перевозитъ онъ души, души праведныя,
Черезъ огненну рѣку ко пресвѣтлому раю,
Ко пресвѣтлому раю да ко предсолнечному,
Да ко Авраму, къ Исаку, къ Іакову въ рай,
Къ самому Христу, царю небесному.
А гласы-ты гласятъ, вить, все ангельскіе,
А пѣсни-те поютъ да херувимскія.
А какъ грѣшны-ты души оставаются,
Ужъ грѣшныя-те души да расплачются:
— Ужъ ты ой еси, Михайло Архангель-царь!
— Што ты насъ не перевозишь черезъ огненну
рѣку,

— Черезъ огненну рѣку да ко пресвѣтлому раю,
 — Ко пресвѣтлому раю да ко предсолнечному,
 — Да ко Авраму, къ Исаку, къ Іакову въ рай? —
 А спроговоритъ Михайло Архангелъ-царь:
 — Ужъ вы, души, вы, души грѣшныя!
 — Ужъ какъ жили вы, были на вольномъ свѣту,
 — Ничего, вить, вы добраго не дѣлывали,
 — Ни среды, ни пятницы не требовали,
 — Ни Христова Воскресенья не праздновали,
 — Въ Божьи вы церкви не хаживали,
 — Вольнаго причастья не принимывали,
 — Нищихъ, убогихъ не поили, не кормили,
 — Нагихъ и босыхъ не одѣвали,
 — И во пути сѣдящихъ не посѣщали,
 — А во гроби умершихъ не провожали.
 — Вы бредите-тко, души грѣшны, черезъ огненну
 рѣку! —
 Побрели какъ души грѣшны черезъ огненну
 рѣку, —

Тѣла-те у ихъ да опаляются,
 А власы-те на главахъ да загораются.
 Покидались, побросались на мать сыру землю:
 — А на што вы насъ, отецъ да мать, породили?
 — А пошто мы во младенчествѣ да не умерли?

Стихъ о грѣшной душѣ.

По морю по синему по Хвалынскому
Тутъ ишли, пробѣгали, черезъ, корабли;
Во этихъ корабляхъ святые ангелы сидятъ;
На встрѣчу имъ самъ Іисусъ Христосъ,
Самъ Небесный Царь.
Сталъ онъ у ангеловъ выпрашивать выпытывать:
— Святые ангелы, архангелы, гдѣ вы хаживали,
— Что слышивали, что виживали? —
— Самъ Іисусъ Христосъ, самъ Небесный Царь!
Мы хаживали на вольномъ на свѣту,
Много слышали, много видѣли,
Какъ душа съ бѣлымъ тѣломъ разставалася,
Разставшись, душа сама прочь пошла,
И, отошедши, душа взворотилася,
Со своимъ съ бѣлымъ тѣломъ попростилася:
— Ты прости, мое тѣло бѣлое,
Прости, беззаконіе мое!
Ты пойдешь, тѣло, во сыру землю,
Червамъ тѣло на источеніе;
Вы, кости, земли на преданіе,
А я, душа, къ самому Христу на спокояніе. —
На встрѣчу души самъ Іисусъ Христосъ:
— Почему же ты, душа, грѣхи угадываешь? —

— Потому я, душа, грѣхи угадываю,
 — Что жила я на вольномъ на свѣту...

Еще душа Богу согрѣшила:

— Изъ коровушекъ молоки я выкликивала,
 — Во сырое коренье я выдаивала.
 — Въ эвтихъ во грѣхахъ Богу не каялася.

Еще душа Богу согрѣшила:

— Смалешеньку дитя своего проклинывала,
 — Во бѣлыхъ во грудяхъ его засыпывала,
 — Въ утробы младенца запарчивала.
 — Въ эвтихъ во грѣхахъ Богу не каялася,

Еще душа Богу согрѣшила:

— Мужа съ женой я поразваживала,
 — Золотые вѣнцы поразлучивала.
 — Въ эвтихъ во грѣхахъ Богу не каялася.

Еще душа Богу согрѣшила:

— По улицамъ душа много хаживала,
 — По подоконью душа много слушивала:
 — Хоть не слышала, скажу — слышала,
 — Хоть не видѣла, скажу — видѣла.
 — Въ эвтихъ во грѣхахъ Богу не каялася.

Еще душа Богу согрѣшила:

— Середы и пятницы не пащивалась,
 — Великаго говлѣнія не гавливалась,
 — Заутрени, вечерни просыпывала я,
 — Въ воскресный день обѣдни прогуливала.
 — Въ полюшкахъ душа много хаживала.
 — Не по-праведну землю роздѣливала:
 — Я межу черезъ межу перекладывала,
 — Съ чужой нивы земли украдывала.

- Въ эвтихъ во грѣхахъ Богу не каялася,
- И отцу духовному не сказывала;
- Безкорыстный грѣхъ себѣ получивала.

Еще душа Богу согрѣшила:

- Не по-праведну покосы роздѣливала,
- Вѣшку за вѣшку позатаркивала,
- Чужую полосу позакашивала.

- Въ эвтихъ во грѣхахъ Богу не каялася.

Еще душа Богу согрѣшила:

- Въ соломахъ я заломы заламывала,
- Со всякаго хлѣба споръ отнимывала.
- Въ эвтихъ во грѣхахъ Богу не каялася.

Еще душа Богу согрѣшила:

- Я во поляхъ, душа, много хаживала,
- Проворы во поляхъ пораскладывала,
- Скотину въ поле понапущивала,
- И добрыхъ людей оголаживала.
- Въ эвтихъ во грѣхахъ Богу не каялася.

Еще душа Богу согрѣшила:

- По свадьбамъ душа много хаживала,
- Свадьбы звѣрьями обрачивала.
- Въ эвтихъ во грѣхахъ Богу не каялася.

Еще душа Богу согрѣшила:

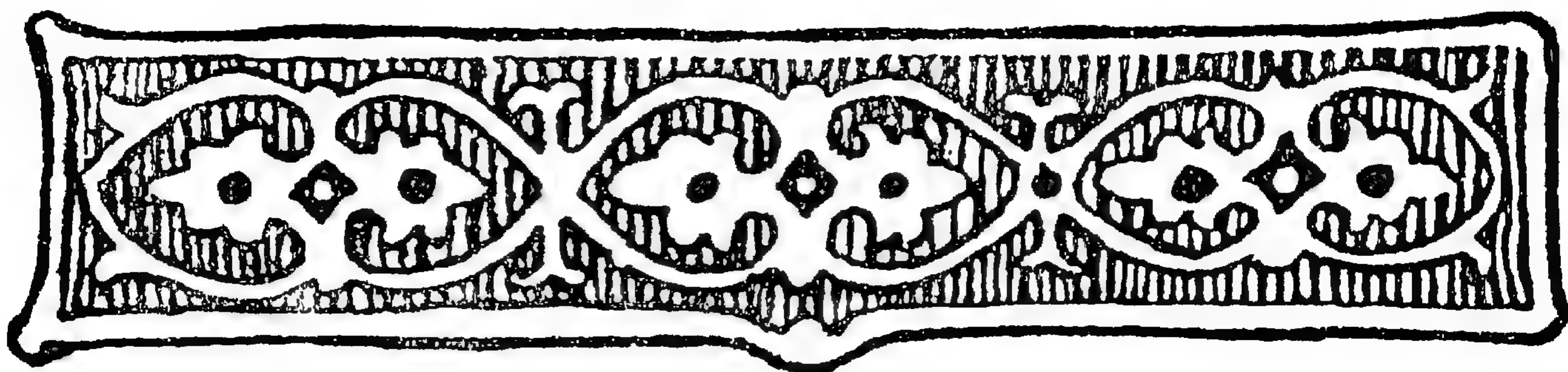
- По игрищамъ душа много хаживала,
- Подъ всякія игры много плясывала,
- Самого сатану воспотѣшивала.
- Въ эвтихъ во грѣхахъ Богу не каялася.

Еще душа Богу согрѣшила:

- Напилася душа зеленого вина,
- Отъ зеленого вина душа пьяна была. —

Померла эта душа безъ покаянія,
Безъ того ли безъ попа безъ духовнаго.
Провалилася душа въ преисподній адъ:
Вѣкъ мучиться душѣ и не отмучиться
За свое великое согрѣшеніе,
За свое великое беззаконіе.

Стихъ о смерти.

Вы приидите, братіе,
Да послушайте писанія Божьяго
Про житіе человѣческое.

Когда человѣкъ да на землѣ живетъ,
Онъ, яко трава въ полѣ, растеть;
А умъ въ человѣкѣ —
Яко цвѣтъ цвѣтетъ.
Со вечера человѣкъ веселился-радовался, —
По утру человѣкъ во гробу лежитъ:
Его рѣзвыя ноги подломилися,
Его бѣлыя руки опустилися,
Не успѣлъ прижать руки
Къ ретиву сердцу...

Человѣче, почто-ради
Твое умершее тѣло обмывать хотятъ?
Не обмылся ты слезами
Передъ Господомъ.

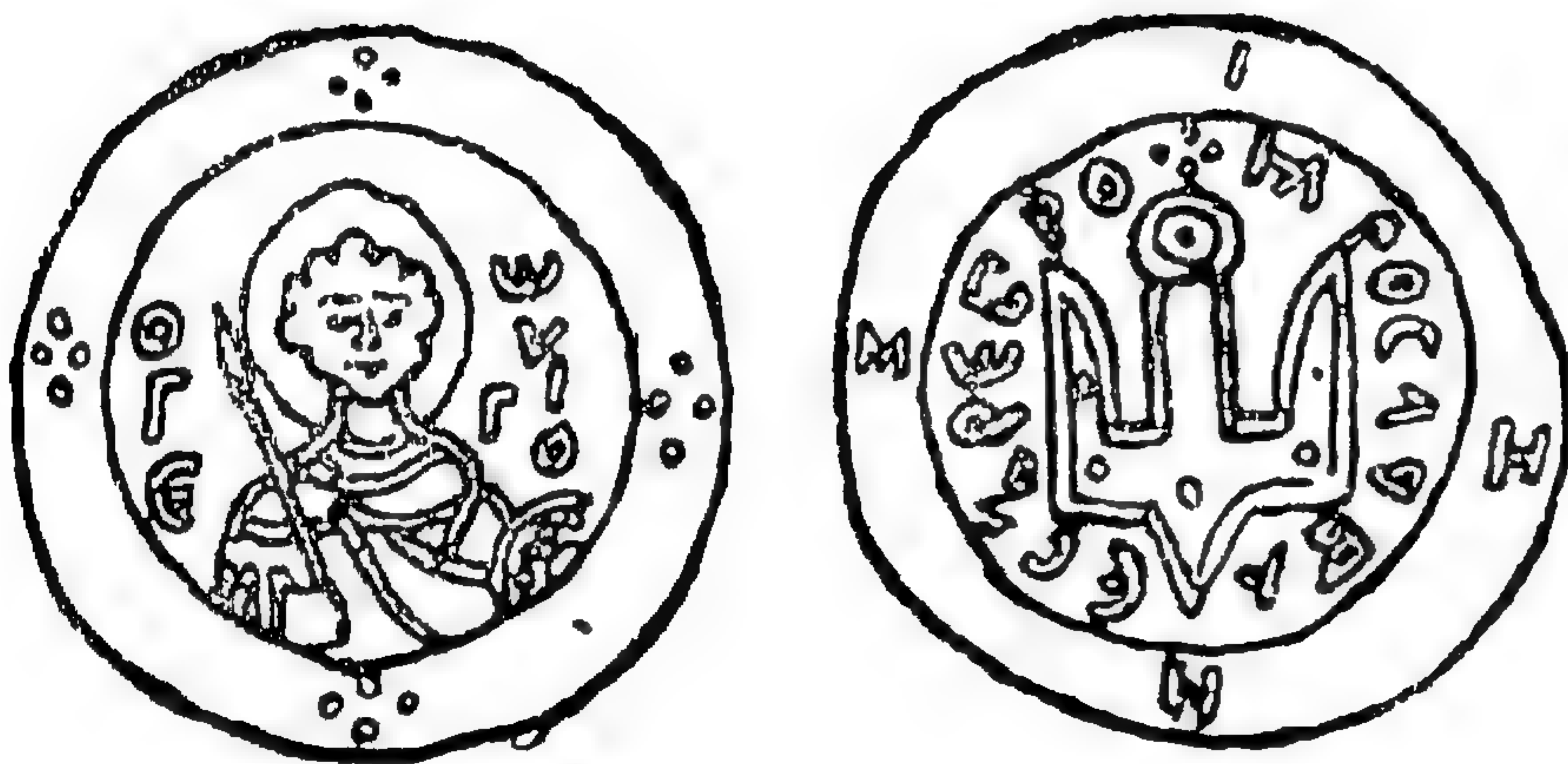
Человѣче, почто-ради
Ризу на тебя надѣвать хотятъ?
Не уготовалъ себѣ ризы душевныя.

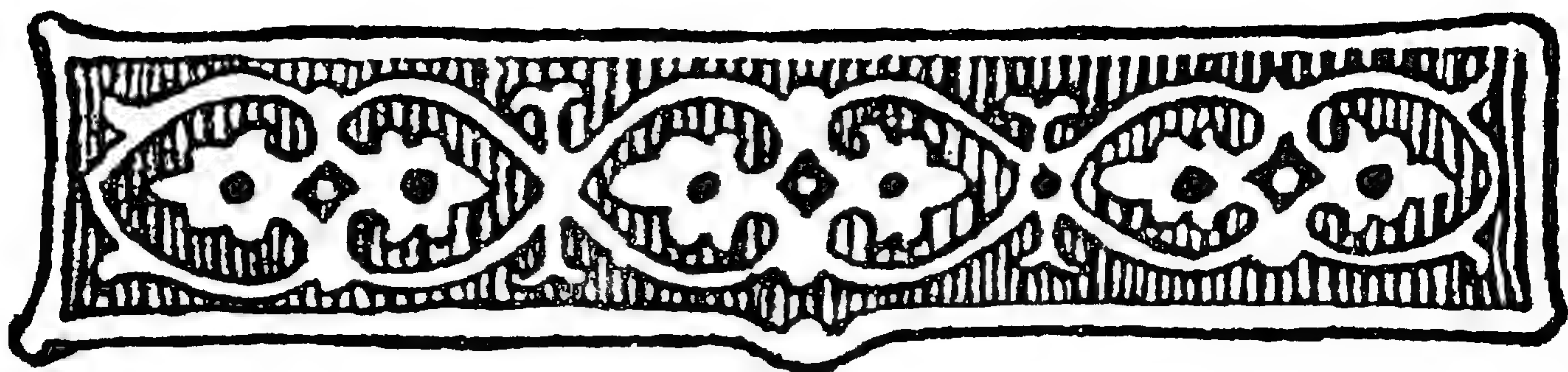
Человѣче, почто-ради
Свѣчи надъ тобою возжигать хотятъ?
Не возжегъ ты свѣтильника усердна

Передъ Господомъ.

Человѣче, почто-ради
Службу надъ тобою совершить хотятъ?
Не совершилъ заповѣди Божія.

Человѣче, почто-ради
Твое умершее тѣло
До Божьей до церкви провождать хотятъ?
Не имѣлъ себѣ отца духовнаго,
Во грѣхахъ своихъ не раскаялся.
Слава твоя вся миновалася,
И богатство на землѣ все оставалось.
Душа съ бѣлымъ съ тѣломъ разставалася.
И умъ съ головою, свѣтъ, прощается.
И во вѣки вѣковъ... О, помилуй насъ!

Лазарь убогой.

Жилъ себѣ на землѣ славенъ-богатъ:
Пилъ-ѣлъ богатый — сахаръ воскушалъ,
Дороги одежды богатъ надѣвалъ.
По двору богатый похаживаетъ;
За нимъ выходила свышняя раба,
Въ руцѣхъ выносила медъ и вино:
— Испей, мой богатый, зелена вина,
— Закушай, богатый, сладкіе меды! —
Выходилъ богатый самъ за ворота;
Инъ предъ воротами передъ богачевыми
Лежить же убогій во Божьемъ труду,
Во Божьемъ труду, самъ весь во гною.
Вскричалъ же убогій брату своему:
— Ой ты, мой братецъ, славенъ-богатъ!
— Сошли, Христа ради, хошь милостыню, —
— Хлѣба и соли, чѣмъ душу питать;
— Про имене Христова напой, накорми.
— Христось тебѣ заплатитъ, самъ Богъ со небесъ,
— На мою на проторь на нищенскую! —
Вскричалъ богатый на брата своего:
— Лежишь ты, убогій, во Божьемъ труду,
— Во Божьемъ труду, самъ весь во гною;
— Ой, осмердилъ ты меня, какъ лютый песъ!

— Что ты мнѣ за братецъ? Что ты за родной?
— Этихъ у меня братьевъ въ роду не было!
— Есть у меня братья, каковъ я и самъ,
— Каковъ я и самъ, князья-бояра;
— Много у братьевъ имѣнья-житья,
— Хлѣба и соли, злата и сребра;
— А твои-то братья — два пса-кобеля:
— По подстолюю они похаживаютъ. —
Вскричалъ же убогій брату своему:
— Потомъ я тебѣ, братецъ, потому родной,
— Что единая матушка насъ породила,
— Что единъ сударь-батюшка вспоилъ, вскормилъ,
— Не одною долею онъ насъ надѣлилъ:
— Большому-то брату богатства тьма,
— Меньшому-то брату убожество и рай. —
Плюнулъ же богатый, въ палаты пошелъ:
— Я не боюсь твоей кропоты,
— Ни злыхъ хуробыихъ, злыхъ уродливыхъ! —
Былъ у богатаго почестный пиръ;
Пили же и ѣли друзья и братія;
Еще у богатаго два лютые псы:
Псы по подстолямъ похаживали,
Обронныя крошечки собиравали,
Къ убогому Лазарю принашивали.
Владыко со небесъ ему самъ душу питалъ,
А псы ему раны зализывали.
Вышелъ убогій въ чисто поле,
Взглянетъ онъ, воззритъ да на небеса,
Воскричалъ убогій громкимъ голосомъ:
— О Господи, Господи, Спасъ милостливый!

— Услыши, Господь Богъ, молитву мою,
 — Сошли ты мнѣ, Господи, грозныхъ ангеловъ,
 — Грозныхъ и несмирныхъ, немилостливыхъ!
 — Чтобъ вынули душеньку сквозь реберъ копье,
 — Положили бъ душеньку да на борону,
 — Понесли бы душеньку въ огонь во смолу:
 — И такъ моя душенька намаялася,
 — По бѣлому свѣту находилася,
 — Какъ, живучи здѣсь на вольномъ свѣту,
 — Мнѣ нечѣмъ, убогому, въ рай превзойти:
 — Нечѣмъ въ убожествѣ душу спасти! —
 Выслушалъ Господь молитву его;
 Принялъ его душу на хвалы къ себѣ:
 Ссылаетъ Господь Богъ святыхъ ангеловъ,
 Тихихъ ангеловъ, все милостивыхъ,
 По его по душеньку по Лазареву.
 Вынимали душеньку честно и хвально,
 Честно и хвально въ сахарны уста;
 Да приняли душу на пелену,
 Да вознесли же душу на небеса,
 Да отдали душу къ Богу въ рай,
 Къ святому Аврамію къ праведному:
 — Вотъ тебѣ, душенька, тутъ вѣкъ вѣковать,
 — Въ небеснымъ царствіи, пресвѣтломъ раю!
 — Съ праведными жить тебѣ, ликъ ликовать! —
 То же было время, все минулося.
 Охочъ былъ богатый торгомъ торговать,
 Прохладенъ былъ богатый въ бесѣдахъ сидѣть:
 Гуляетъ богатый день до вечера.
 Шелъ же богатый путемъ ко двору;

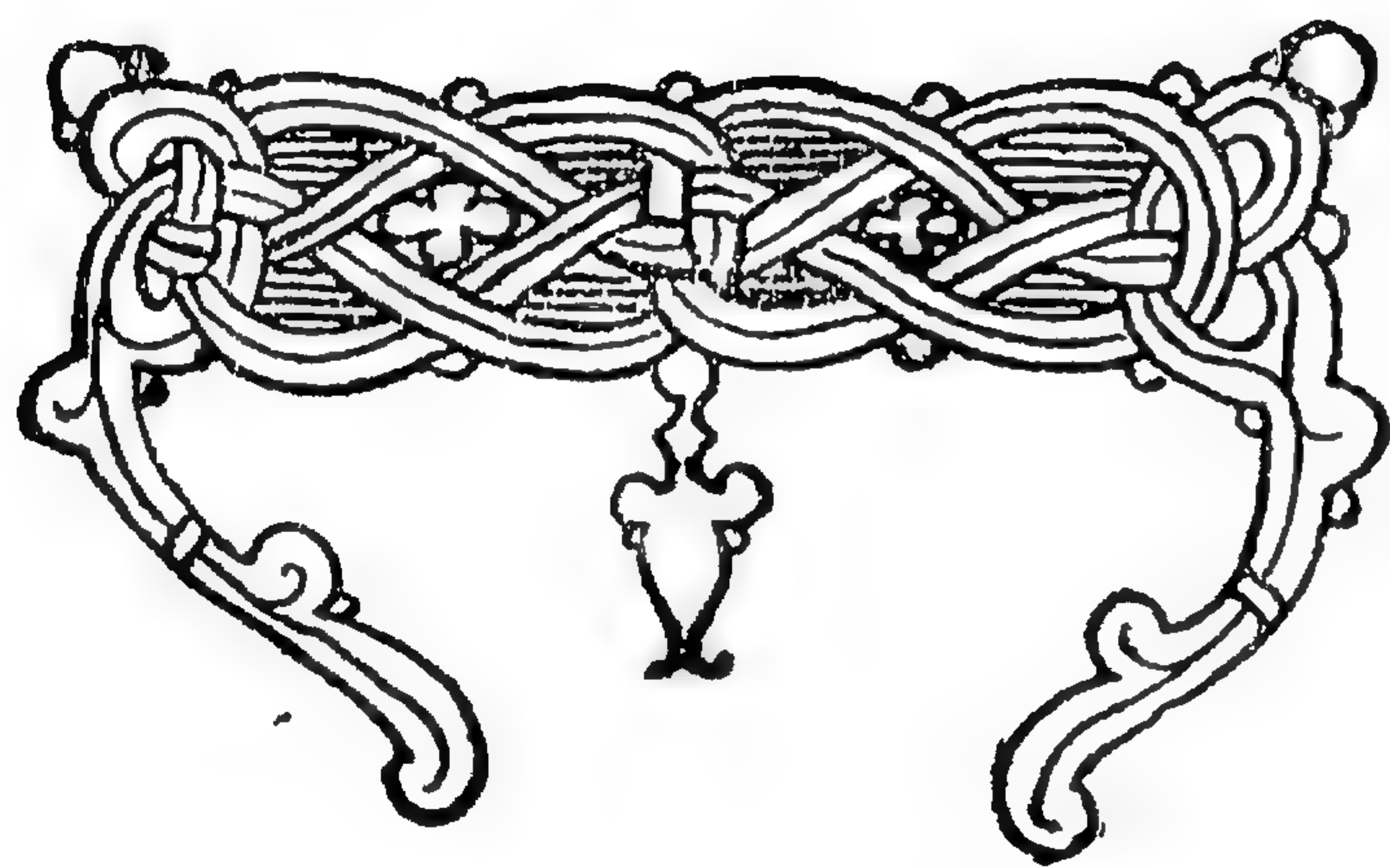
Найдеть на богатаго Божія скорбь,
 Злая хворыбонька, зла-уродливая смерть
 Предъиметь богатаго предвыше его,
 Ударила богатаго объ сыру землю,
 Не взвидить богатый пути предъ собой,
 Не узрѣлъ богатый двора своего,
 Не спозналъ богатый жены и дѣтей.
 Самъ, лежа, богатый молитву творилъ:
 — О, Боже, Владыко, Спасъ милостивый
 — Услыши, Господь Богъ, молитву мою,
 — Молитву мою всю праведную:
 — Приими мою душу на хвалы себѣ!
 — Создай ты мнѣ, Господи, тихихъ ангелей,
 — Тихихъ и смирныхъ и милостливыхъ,
 — По мою по душеньку да по праведную:
 — Чтобъ вынули душеньку честно и хвально,
 — Положили бѣ душеньку да на пелену,
 — Понесли бы душеньку самому Христу,
 — Къ самому Христу, къ Аврамію въ рай!
 — И такъ моя душенька поцарствовала,
 — Живучи здѣсь на вольномъ свѣту,
 — Пила-ѣла душенька, все тѣшилася!
 — Мнѣ есть чѣмъ, богатому, въ рай превзойти,
 — Мнѣ есть чѣмъ, богатому, душу спасти:
 — Много у богатаго имѣнья-житья,
 — Хлѣба и соли, злата и сребра! —
 Не слушалъ же Господь молитву его,
 Молитву его неправедную;
 Сослалъ ему Господь скорую смерть:
 Сослалъ ему Господь грозныхъ ангеловъ,

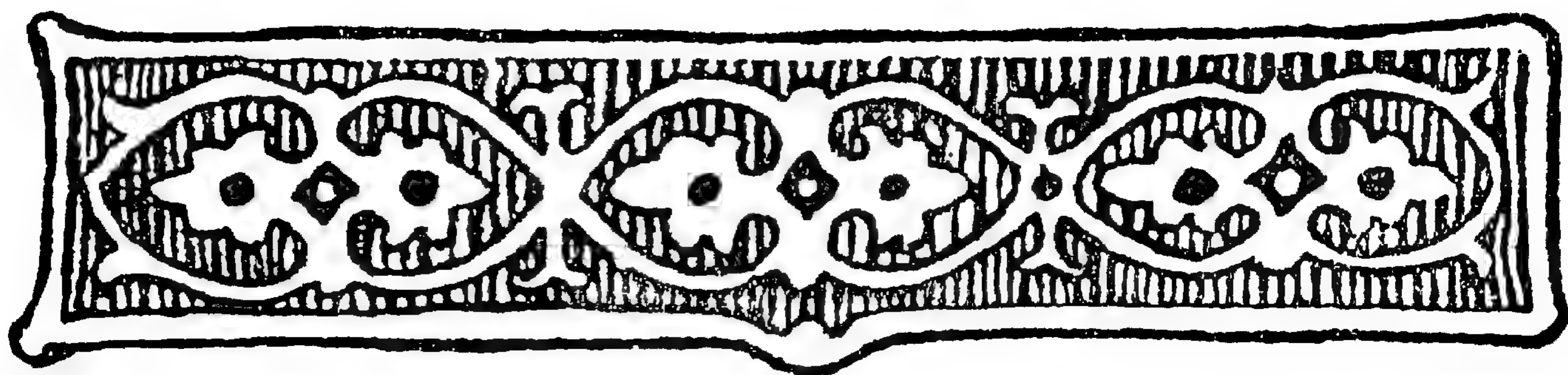
Страшныхъ, грозныхъ, немилостивыхъ,
 По его по душу по богачеву;
 Вынули его душеньку не честно, не хвально,
 Не честно, не хвально скрозь реберь его,
 Да вознесли же душу вельми высоко,
 Да ввергнули душу во тьму глубоко,
 Въ тое злую муку, въ геенскій огонь:
 — Вотъ тебѣ, душенька, вѣчное житье,
 — Вѣчное житье безконечно! —
 — Смотри жъ ты, богатый, предвыше себя! —
 Взираетъ богатый очьми на небо:
 Узрѣлъ богатый Аврамія въ раю;
 Возлѣ Аврамія брата своего,
 Меньшаго брата, Лазаря.
 Вскричалъ богатый, во тьмѣ сидючи:
 — Братецъ мой, братецъ, убогій Лазарь!
 — Какъ я поначаялъ, что ты въ превѣчной мукѣ:
 — Анъ ты, мой родимый, въ пресвѣтломъ раю!
 — Не попомни, братецъ, грубости моей!
 — Помоги, родимый, душѣ пособить:
 — Есть у тебя, братецъ, правая рука,
 — У правой у рученьки мизинный твой перстъ,
 — Обмочи ты, мой братецъ, въ студеной водѣ,
 — Промочи ты мнѣ, братецъ, кровавы уста,
 — Сократи ты, родимый, геенскій огонь:
 — Чтобы мнѣ, богатому, всему не сгорѣть
 — Въ той во злой мукѣ превѣчнейей! —
 Отвѣтъ къ нему держить убогій Лазарь:
 — Ой ты, мой братецъ, славенъ-богатъ!
 — Нельзя, мой родимый, тебѣ пособить:

- Здѣсь намъ, братецъ, воля не своя,
- Здѣсь намъ воля все Господова.
- Егда мы живали на вольномъ свѣту,
- Тогда мы съ тобой Богу не справливали,
- Ты меня, братецъ, братомъ не нарекалъ,
- Нарекъ ты меня, братецъ, лютымъ псомъ;
- Про имене Христова ты не подавалъ,
- Нищихъ-убогихъ ты въ домъ не принималъ,
- Вдовъ-сиротъ, братецъ, ты не призиралъ,
- Ночнымъ ночлегомъ ты не укрывалъ,
- Нагого, босого ты не одѣвалъ,
- На пути сидящему ты не подавалъ,
- Темную темницу ты не просвѣщалъ,
- Въ гробъ умершихъ ты не провождалъ
- До Божіей до церкви всегда бы со свѣчей,
- Отъ Божіей церкви до сырой земли.
- Тѣмъ бы ты призрѣнь отъ Господа былъ! —
- Речетъ же богатый, во тѣмъ сидючи:
- Ой ты, мой братецъ, убогій Лазарь!
- Когда зналъ ты, вѣдалъ про вѣчное житъе,
- Про злую про муку превѣчную,
- Зачѣмъ ты, родимый, мнѣ тогда не сказалъ?
- Охъ, я не жалѣлъ бы имѣнья-житъя,
- Хлѣба и соли, и злата-сребра,
- Про имене Христова я бы подавалъ,
- Тебя бы я братомъ роднымъ нарекалъ,
- Нищихъ-убогихъ въ домъ бы призывалъ,
- Вдовъ-сиротъ, братецъ, я бы призиралъ,
- Ночнымъ ночлегомъ я бы укрывалъ,
- Нагого-босого я бы одѣвалъ,

- На пути сидящему я бы подавалъ,
- Темную темницу я бы просвѣщалъ,
- Во гробъ умершихъ я бы провождалъ
- До Божьей до церкви всегда бы со свѣчей,
- Отъ Божіей церкви до сырой земли.
- Тѣмъ бы я призрѣнь отъ Господа былъ! —
- Отвѣтъ къ нему держать убогій Лазарь:
- Ой ты, мой братецъ, славенъ-богатъ!
- Вспокаялся, братецъ, да не во-время!
- Гдѣ твое, братецъ, имѣнье-житье?
- Гдѣ твое, родимый, злато-сребро?
- Да гдѣ же твое, братецъ, цвѣтное платье?
- Гдѣ твои, братецъ, свышнія рабы? —
- Речетъ же богатый, во тѣмъ сидючи:
- Ой ты, мой братецъ, убогій Лазарь!
- Имѣнье-житье мое все прахомъ взято,
- Злато мое серебро земля пожрала,
- Цвѣтное платье все тлѣнь воспріялъ,
- Друзья мои, братья — всѣ минулися,
- Свышнія рабоньки всѣ врозь разошлись,
- Спесь моя, гордость вся минулася,
- Превѣчная мука мнѣ сготовилася! —
- Речетъ же убогій въ пресвѣтломъ раю:
- Ой ты, мой братецъ, славенъ-богатъ!
- Едина насъ мать съ тобой родила;
- Не одни участи намъ Господь написалъ:
- Тебѣ Господь написалъ богатства тьму;
- А мнѣ Господь написалъ во убожествѣ рай.
- Тебя во богатствѣ врагъ уловилъ;
- Меня во убожествѣ Господь утвердилъ

— Вѣрою, правдою, всею любовію.
— Спасли мою душеньку святы ангели,
— Гдѣ святы ангели ликъ ликуютъ,
— Ликъ ликуютъ ангели на земли,
— Царствуютъ праведники на небесахъ.
— Живи ты, мой братецъ, гдѣ Богъ повелѣлъ;
— А мнѣ жить, убогому, въ пресвѣтломъ раю,
— Съ праведными жить и мнѣ ликъ ликовать! —
Мы нынече Лазарю славу поемъ,
Во вѣкъ его слава не минуется!

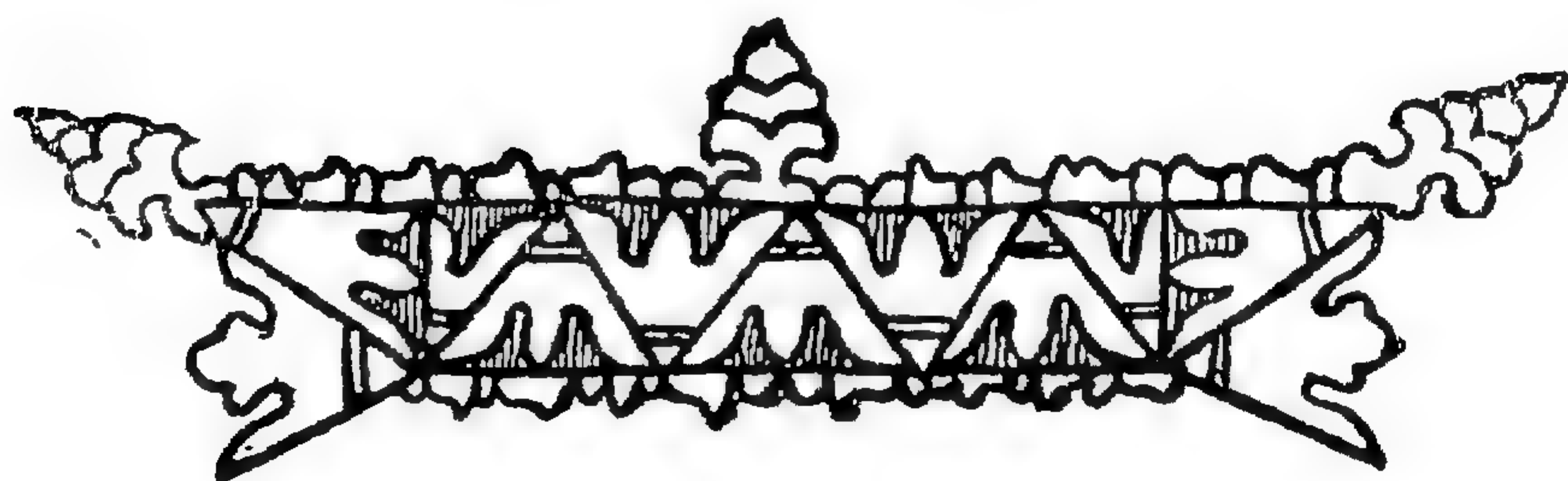

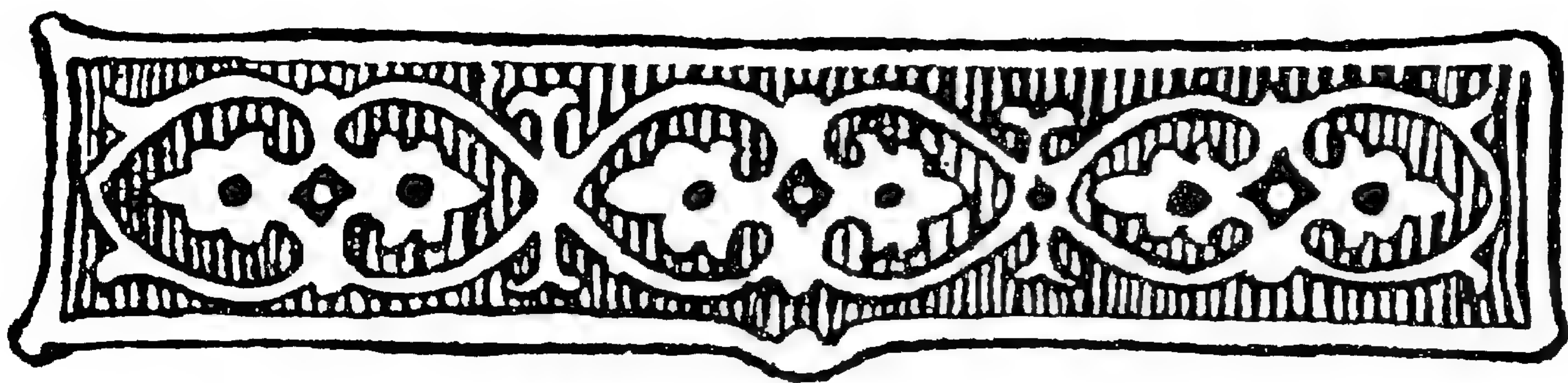
Марко богатый.

Былъ купецъ
Именитый Марка.
Приснилось ему во снѣ,
Во темной во ночи,
Чтобы свое имѣнье
Расточить по нищей братіи
И по бѣднымъ людямъ.
Былъ Марка распростосудительный:
Нищихъ не забывалъ
И бѣдныхъ ссужалъ,
И насмѣшки народу
Не произношалъ.
Почувствовалъ Марка
Свою смерть и кончину;
Нищая братія
Стали у Господа Бога
Просить царствія небеснаго:
— Господи, Господи!
— Создай, Господи,
— Марки смерть, царства небеснаго,
— И смерть, царства небеснаго! —
И стали бѣдные люди просить

Господа Бога:
 — Господи, Господи!
 — Сошлите вы, Господи,
 — Марки ангеловъ-архангеловъ,
 — Вынуть Маркину душу
 — А на бѣлы пелены,
 — За Маркина, Господи,
 — За праведная подаянія,
 — За Маркина за подаянія,
 — За праведную милостину. —
 Сослалъ Господи ангеловъ
 Тихихъ, смиренныхъ,
 Съ бѣлыми пеленами:
 Вынули, Господи,
 Изъ Марки душу —
 Честно-хвально,
 И честно-хвально
 Положили Маркину душеньку
 Во кипарисову гробницу,
 Во кипарисову во гробницу
 Понесли Маркину душу
 На три Сіенскія горы,
 На три Сіенскія горы;
 И постановили Маркину душеньку
 Промежъ трехъ деревьевъ кипарисовыхъ.
 На кипарисовыхъ деревьяхъ
 Сидятъ мелкія птицы,
 Мелкія птицы Господніи;
 Въ буйной во головушкѣ
 Теплются свѣтлыя свѣчи,

Свѣтлыя свѣчи воску яраго;
 А по лѣвую по сторонушку
 Стоять Господніи прислуги:
 Миколая-ть Угодникъ
 И Гаврила Благовѣстникъ,
 Со ладонами со росными —
 Со просвирами со мягкими;
 Семіена-ть Богопріимецъ
 Стоитъ со его со рукописаньемъ:
 Котора душенька его —
 Его добро дѣлала,
 Нищую братію не забывала
 Бѣдныхъ людей
 Да онъ ссужалъ,
 На свѣтлое Христово воскресенье
 По сорокъ яицъ раздавалъ,
 А бѣднымъ людямъ,
 Малымъ сиротамъ
 Хлѣбомъ-солю надѣлялъ,
 Себѣ рай Господень
 И припасалъ.

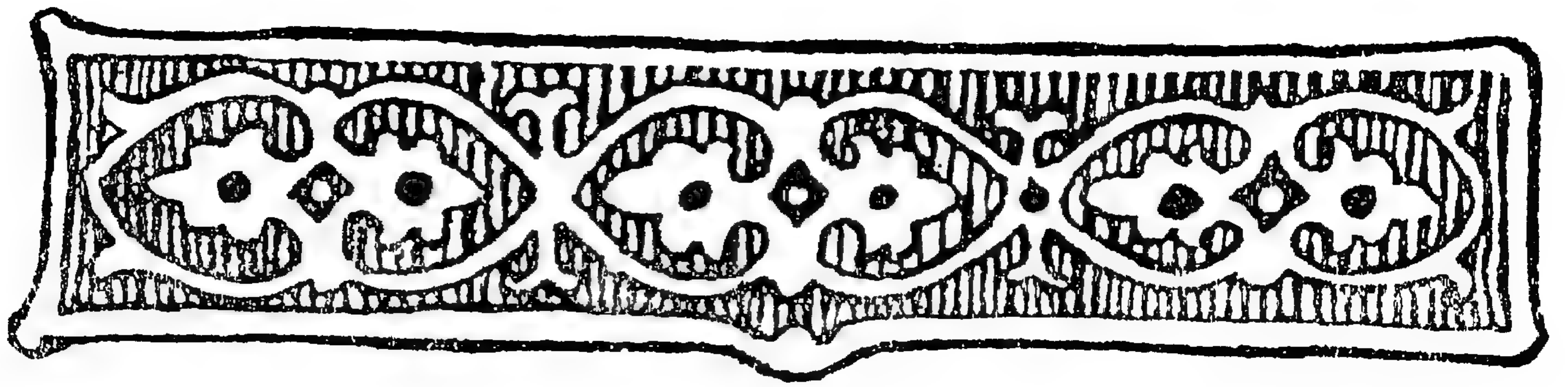
Смерть Аники-воина.

Былъ-жилъ Аника-воинъ богатый,
Проживалъ Аника триста лѣтъ,
А все спасался да берегся чуда чуднаго —
Смерти чудныя, смерти страшныя;
А самъ-отъ все пустыни да монастыри разорялъ.
Положилъ свое злобно намѣренъе
Святая святыхъ да разорити
И по чисту полю бревна развозити.
На встрѣчу-ту Аникѣ чудо чудное, диво дивное:
Ноги-ты у чуда-та звѣриныя,
Голова-та у чуда человѣческа,
А тулово у чуда лошадиное.
Говорилъ Аника таковы слова:
— Что ты тако, чудо чудное,
— Что ты тако, диво дивное?
— Али ты еси царь, али царевичъ ты?
— Али князь еси ты, али княгиня ты?
— Али ты еси паленица да удалая?
— Али ты хресьянина жена хресьянская? —
Отвѣчало чудо чудное, диво дивное:
— Я не царь да и не царица-вить,
— Я не князь да и не княгиня же,

— Я не паленица да удалая,
 — Да не хресьянина жена я хресьянская;
 — А я, вить, есть Смерть, да Смерть престрашная. —
 Становился тутъ Аника противу чуда чуднаго,
 Говорить Аника-воинъ таковы слова:
 — Я, вить, тебя, чудо, конемъ стопчу,
 — Да я, вить, тебя, чудо, копьемъ сколю. —
 Отвѣчало чудо чудное, диво дивное:
 — Были богатыри-то славнѣй тебя:
 — Былъ Самсонъ богатырь — тотъ славнѣй тебя;
 — Былъ Полканъ богатырь — тотъ славнѣй тебя, —
 — И тѣ сдалися, вить, сломилися,
 — Подъ мою, вить, руку приклонилися,
 — Да и тебѣ, Аника, быть подъ моей рукой! —
 А тогда Аника подъ конемъ лежитъ,
 А чудо на Аникѣ наверху сидитъ.
 Какъ просилъ Аника у чуда чуднаго
 Времени только на три годы,
 Чтобы ему имѣнье-богачество
 По пустынямъ и монастырямъ развозить, —
 Отвѣчало чудо чудное, диво дивное:
 — Да не дамъ я те сроку на три годы:
 — У тебя вить имѣнье неправедно,
 — Да твоей душѣ польза не будетъ. —
 Какъ просилъ Аника у чуда чуднаго времени
 Только на три мѣсеца,
 Чтобы ему имѣнье-богачество
 По пустынямъ и монастырямъ развозить
 И спасти ему душа грѣшная, —
 Отвѣчало чудо чудное, диво дивное:

— Да не дамъ я те сроку на три мѣсеца:
 — У тебя, вить, имѣнье несправедно,
 — Да твоей душѣ польза не будетъ. —
 Какъ просилъ Аника у чуда чуднаго
 Только сроку на три часа,
 Чтобы ему имѣнье-богачество
 По пустынямъ и монастырямъ развозить
 Да спасти ему душа, душа грѣшная, —
 Тутъ чудо опять отговаривало:
 — Да не дамъ я те сроку и на три часа:
 Вить твое-то имѣнье несправедно,
 Да твоей душѣ польза не будетъ! —
 Тутова Аника и преставился,
 Тутова Аникѣ и славу поють.

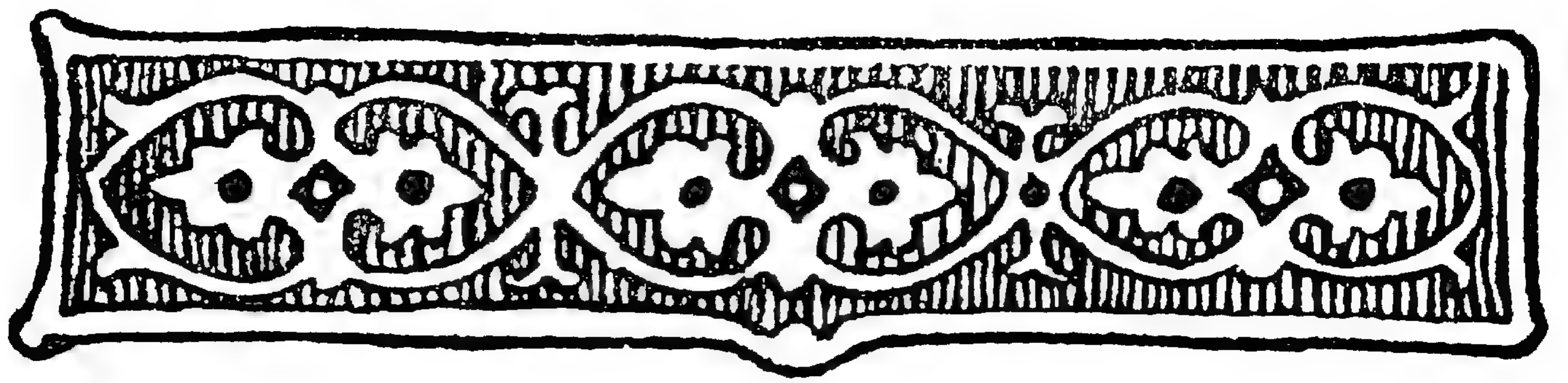

СТИХЪ О ПЯТНИЦѢ.

Пустынникъ-трудничекъ трудился,
Ни ногамъ онъ, ни рукамъ,
Ни свѣтилъ онъ ясными очамъ,
А спасался постомъ да молитвой.
Въявь къ нему Пятенка приходитъ,
Въявь ему рѣчи говоритъ:
— Поди ты, Божій человѣче,
— По всему по бѣлому по свѣту,
— Чтобы были люди справедливы,
— Были бы жены благосливы,
— По средамъ пыли не пылили,
— По пятницамъ золы-бѣ не золили,
— Воскресный день Богу бы молились,
— Во утробѣ младенца не проклинали,
— Некрещенымъ жидомъ не называли, —
— Вѣдь жида въ Христа Бога проклятые,
— Они Христа Бога соимали,
— Въ дубову гробницу укладали;
— Завидѣла Матушка Марія,
— Текетъ, Пресвятая, слезно плачетъ,
— Дубову гробницу обливаетъ:
— О Сыне Ты мой, Христе Боже!

— Устань со гробницы со дубовой,
— Возьми Ты ключи золотые,
— Отомкни Ты пеклу неугасимую,
— Да выпусти души справедливыя,
— Которыя Богу не грѣшили,
— Отцовъ своихъ, матерей почитали
— И родъ да племя уважали. —
— Четыре души согрѣшили:
Первая душа согрѣшила —
Въ утробѣ младенца проклинала,
Некрещенымъ жидомъ называла, —
Эта душа проклятая!
Другая душа согрѣшила —
И златъ вѣнецъ разлучила,
Жену съ мужемъ сокрушила, —
И эта душа проклятая!
Третья душа согрѣшила —
Въ чистое поле выходила,
Матушку рожь заломила,
Во ржи она споръ отъимала, —
И эта душа проклятая!
Четвертая душа согрѣшила —
Ивановски ночи не всыпала,
Въ чисто поле выходила,
Коровушекъ она закликала,
Въ коровахъ молоки отъимала,
Подъ горьку осину выливала, —
Вотъ и эта душа проклятая!

Стихъ про Удачу добраго молодца.

Какъ были жары жаркіе;
Со тѣхъ жаровъ, со жаркіихъ
Заходили тучи грозныя,
Выпадали дожди дробные,
Протекала рѣчушка-Смородушка.
На той на рѣчушкѣ на Смородушкѣ —
Тамъ былъ мостичекъ калиновой.
За той за рѣчкой за Смородовкой —
Тамъ жила-была молода вдова.
У вдовушки, у сиротушки
Былъ одинъ сынокъ, добрый молодецъ.
Онъ по мостичку похаживалъ,
По калиновому самъ погуливалъ.
Онъ самъ себя выхвалявалъ:
— Нѣту удалѣе, ни пригожѣе,
— Нѣту молодцу горюшка и кручинушки. —
Гдѣ ни взялося къ ему Горюшко
Съ-подъ бѣлаго съ-подъ камешка,
Съ-подъ ракитоваго съ-подъ кустышка.
Во отопочкахъ идетъ Горе подобувши,
Мочалиной подпоясавши.

Молодецъ отъ Гора въ старцы пошелъ, —
 За имъ Горе съ шалгуномъ идетъ и костылекъ
 несетъ:

— Ты стой, Удача добрый молодецъ!

— Тебѣ отъ Гора не уйтить будетъ;

— Гора горькаго вѣчно не смыкати. —

Молодецъ отъ Гора во темны лѣса, —

За имъ Горе съ топоромъ идетъ:

— Ты стой, Удача добрый молодецъ!

— Тебѣ отъ горя не уйтить будетъ;

— Гора горькаго вѣчно не смыкати. —

Молодецъ отъ горя въ шелкову траву, —

За имъ горе со косой идетъ:

— Ты стой, Удача добрый молодецъ!

— Тебѣ отъ горя не уйтить будетъ;

— Гора горькаго вѣчно не смыкати. —

Молодецъ отъ Гора во быстру рѣку, —

За имъ Горе съ неводомъ идетъ:

— Ты стой, Удача добрый молодецъ!

— Тебѣ отъ горя не уйтить будетъ;

— Гора горькаго вѣчно не смыкати. —

Молодецъ отъ Гора во солдатушки, —

За имъ Горе со ружьемъ идетъ и ранецъ несетъ:

— Ты стой, Удача добрый молодецъ!

— Тебѣ отъ горя не уйтить будетъ;

— Гора горькаго вѣчно не смыкати. —

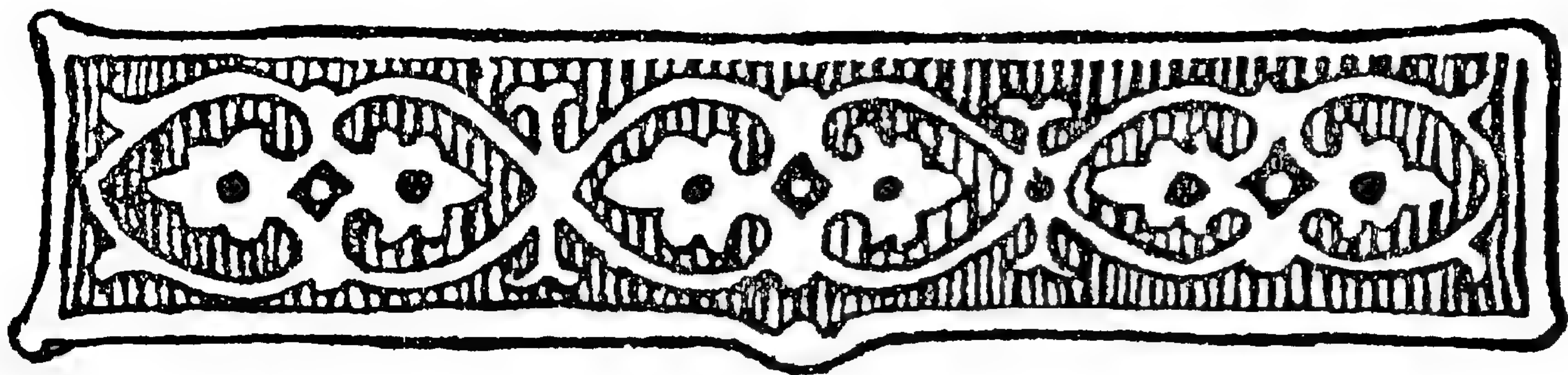
Молодецъ отъ Гора во царевъ кабакъ, —

За имъ Горе съ кошелькомъ бѣжитъ и грошамъ
 бренчить:

— Ты стой, Удача добрый молодецъ!

— Тебѣ отъ горя не уйтить будетъ;
 — Гора горькаго вѣчно не смыкати. —
 Молодецъ отъ Гора во застоичекъ, —
 За имъ Горе со стаканчикомъ, со хрустальнымъ:
 — Ты стой, Удача добрый молодецъ!
 — Тебѣ отъ горя не уйтить будетъ;
 — Гора горькаго вѣчно не смыкати. —
 Молодецъ отъ Гора винца выкушалъ
 И съ того винца во хворобу слегъ, —
 За имъ Горе въ головахъ сидитъ:
 — Ты стой, Удача добрый молодецъ!
 — Тебѣ отъ горя не уйтить будетъ;
 — Гора горькаго вѣчно не смыкати. —
 Молодецъ отъ Гора переставился, —
 За имъ Горе на погостъ идетъ и поповъ ведетъ,
 И съ ладономъ идетъ, и кутью несетъ:
 — Ты стой, Удача добрый молодецъ!
 — Тебѣ отъ горя не уйтить будетъ;
 — Гора горькаго вѣчно не смыкати. —
 Молодецъ отъ Гора во сыру землю, —
 За имъ Горе съ лопатамъ идетъ.
 Передъ имъ Горе низко кланяется:
 — Ты спасибо, Удача добрый молодецъ,
 — Что носилъ Горе, не кручинился и не
 печалился! —

Пошелъ молодецъ въ сыру землю,
 А Горюшко по бѣлу свѣту
 По вдовушкамъ и по сиротушкамъ,
 И по бѣднымъ по головушкамъ.
 Горю слава во вѣкъ не минуется.

Царевичъ Іосафъ Пустынникъ.

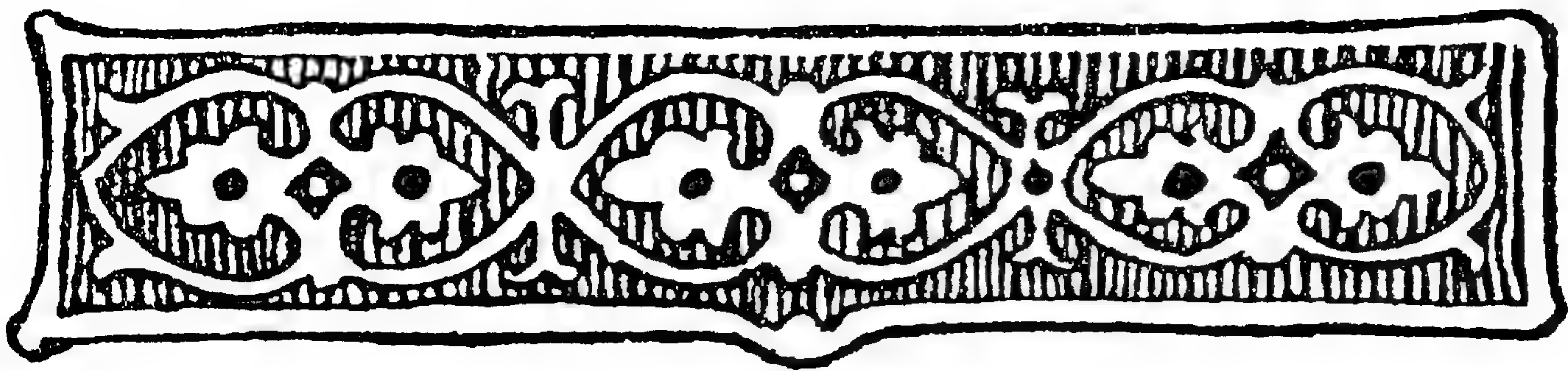
Во дальнеей во долинь
Стояла прекрасная пустыня.
Ко той же ко пустынь приходитъ
Молодой царевичъ Осафій:
— Прекрасная ты пустыня,
— Любимая моя мати!
— Прими меня, мать пустыня,
— Отъ юности прелестныя,
— Отъ своего вольнаго царства,
— Отъ своей бѣлой каменной палаты,
— Отъ своей казны золотыя!
— Научи ты меня, мать пустыня,
— Волю Божию творити!
— Да избави меня, мать пустыня,
— Отъ злыя муки отъ превѣчной!
— Приведи ты меня, мать пустыня,
— Въ небесное царство!—
Отвѣщаетъ прекрасная пустыня
Ко младому царевичу Осафью:
— Ты младый царевичъ Осафій!
— Не жить тебѣ во пустынь:
— Кому владѣть твоимъ царствомъ,

— Твоей бѣлой каменной палатой,
 — Твоей казной золотою? —
 Отвѣщаетъ младый царевичъ,
 Царевичъ Осафій ко пустынѣ:
 — Прекрасная ты пустыня,
 — Любимая моя мати!
 — Не могу я на свое царство зрѣти,
 — Ни на свою каменну палату,
 — И на свою казну золотую.
 — А хочу я пребывать во пустынѣ:
 — Радъ я на тебя работати,
 — Земные поклоны исправляти
 — До своего смертнаго часу! —
 Отвѣщаетъ прекрасная пустыня
 Ко младому царевичу къ Осафью:
 — Ты младый царевичъ Осафій!
 — Не жить тебѣ во пустынѣ,
 — Не моясь во мнѣ, Богу молиться,
 — Не трудясь во мнѣ, Господу трудиться:
 — Нѣтъ во мнѣ царскаго ѣства,
 — И нѣтъ во мнѣ царскаго пойла;
 — Ёсть-воскушать — гнилая колода;
 — Испивать — болотная водица. —
 Отвѣщаетъ младый царевичъ,
 Царевичъ Осафій ко пустынѣ:
 — Прекрасная ты моя пустыня,
 — Любимая ты моя мати!
 — Не страдай ты меня, мать пустыня,
 — Своими великими страстями!
 — Могу я жить во пустынѣ,

— Волю Божію творити,
 — Їсть гнилую колоду:
 — Гнилая колода
 — Лучше царскаго їства;
 — Испивать болотную водицу
 — Лучше царскаго пойла;
 — Житє наше, мати, часовое,
 — А богатство наше, мати, временное;
 — Я радъ на тебя работати,
 — Земные поклоны исправляти
 — До своего смертнаго часу. —
 Отвѣщаетъ прекрасная пустыня
 Ко младому царевичу къ Осафью:
 — Ты младый царевичъ Осафій!
 — Не жить тебѣ во пустынѣ:
 — Придетъ мати весна красна,
 — Лузья-болоты разольются,
 — Древа листьями одѣнутся,
 — И запоютъ птицы райски
 — Архангельскими голосами, —
 — А ты изъ пустыни вонъ изыдешь,
 — Меня, мати прекрасную, покинешь! —
 Отвѣщаетъ младый царевичъ
 Осафій къ прекрасной пустынѣ:
 — Прекрасная мати пустыня,
 — Любимая моя мати!
 — Хоша придетъ мати весна красная,
 — И лузья-болоты разольются,
 — И древа листьями одѣнутся,
 — И запоютъ птицы райски

— Архангельскими голосами:
 — Не прельщусь я на всѣ благовонные цвѣты;
 — Отрощу я свои власы
 — По могучія плечи,
 — И не буду взирать я на вольное царство;
 — Изъ пустыни я вонъ не изыду,
 — И тебя, мать прекрасная, не покину. —
 Отвѣщаетъ прекрасная пустыня
 Ко младому царевичу къ Осафью:
 — Свѣтъ младый царевичъ Осафій,
 — Чадо ты мое милое!
 — Когда ты изъ пустыни вонъ не выдешь,
 — И меня, мать прекрасную, не покинешь,
 — Дарую я тебя золотымъ вѣнцомъ,
 — Возьму я тебя, младый царевичъ,
 — На небеса царствовать,
 — Съ праведными лики ликовати! —
 Всѣ святые, всѣ пустынные жители
 Младому царевичу Осафью вздивовалися,
 Премногому царскому смыслу.
 Поемъ славу Осафію царевичу:
 И во вѣкъ его слава не минуется!

Объ Агликовымъ сынѣ, Василіи.

Человѣчи Божіе!

Придите, послушайте:

Мы про чудную-чуду сказуемъ,
Про Агликова сына, про Василія,
Про Святителю Миколу Чудотворцу.

Какъ во градѣ во славнымъ во Тинфири
Тута жилъ былъ блаженъ благочестивый мужъ съ
женою;

Онъ и вѣровалъ Святителю Миколѣ Чудотворцу;
Посылаетъ своего сына Василія
Во священную, въ соборную, апостольскую
церковь

Ко святителю Миколѣ Чудотворцу.

Церковь отъ града отдалѣла,

Неблизко и недалеко на пять поприщъ.

Будетъ ихъ сынъ Василій

Во священною, въ соборною церкви,

У Святителя у Миколы Чудотворца;

Мѣстныя свѣщи затепляетъ,

Передъ мѣстныя иконы поставляетъ;

На Святителя Миколу со слезами самъ взираетъ:

— Святитель Микола Чудотворецъ!
 — Помилуй насъ отъ бѣдъ, отъ напасти,
 — Сохрани отъ напрасныя смерти! —
 Гдѣ ни возмется невѣрная сила,
 Кругомъ она церковь обступила;
 Много народу поплѣнила.
 Раздѣлили полонъ на три доли:
 Первую долю подъ мечъ преклоняли,
 А вторую-то долю съ собой брали,
 А и третію долю продавали.
 Запродали Агликова сына Василія
 Въ тое ли землю во Сорочицкую,
 Ко тому ли князю ко Гамеру.
 Во то время Агликъ со женою
 Прогнѣвался на Святителя Миколу Чудотворца,
 Прогнѣвался немного и немало на три года.
 Къ нему съѣзжались сродственники, хлѣбоѣдцы;
 Розумильно ему сродственники говорили:
 — Что ты, Агликъ, не вѣришь
 — Миколѣ Святителю Чудотворцу?
 — Микола Чудотворецъ Богомъ силенъ,
 — Онъ всѣмъ святымъ помощникъ;
 — Получить твоего сына Василія
 — И съ тое ли земли Сарачицкой,
 — Отъ того ли отъ князя отъ Гамера. —
 Во то время Агликъ со женою
 Восходилъ въ соборную апостольскую церковь
 Ко Святителю Миколѣ Чудотворцу,
 Мѣстныя свѣщи затепляетъ,
 Предъ мѣстныя иконы поставляетъ,

На Святителя Миколу со слезами самъ взираетъ:
 — Святитель Микола Чудотворецъ!
 — Помилуй насъ отъ бѣдъ, отъ напасти,
 — Сохрани насъ отъ напрасныя смерти;
 — Еще помилуй нашего сына Василия
 — Изъ тое земли изъ Сарачицкою,
 — Отъ того отъ князя отъ Гамера. —
 Во то время былъ ихъ сынъ Василій
 Во Сарачицкія земли,
 У того у князя у Гамера:
 Стоялъ въ бѣлой каменной палатѣ
 Передъ тѣмъ княземъ передъ Гамеромъ,
 Передъ лицомъ его держалъ вина скляницу-пойла,
 Во второй рукѣ чару золотую.
 Во то время находила на Василия Божія воля,
 Поднимало Василия Свѣтымъ Духомъ;
 Невидимо у князя его не стало,
 Въ шестоемъ часу ночи у отца на дворѣ поставляло
 На Василия псы притугали.
 Во то время Агликъ со женою
 Проговорить громкимъ голосомъ:
 — Ой вы гой есте, мое рабы-чароденцы!
 — Вы подите, досмотрите,
 — На кого псы притугаютъ. —
 Выходили рабы его-чароденцы,
 Никого на дворѣ ни усмотрили,
 Того пуще псовъ раздражали.
 Во то время Агликъ со свѣчою
 Выходилъ на крашенное на крылечко;
 Онъ и узрилъ своего сына Василья:

Стоялъ его сынъ Василій въ сорочицкимъ платѣ,
Въ руцѣ держалъ вина скляницу-пойла,
Во второй чару золотую.

Тута Агликъ ужастился.

Проговорить батюшка сыну Василью:

— Не ты ли стоишь, мой сынъ Василій,

— Или стѣнь твоя мнѣ показываетъ? —

Отвѣчаетъ ко батюшкѣ сынъ Василій:

— О ты, батюшка мой родимой!

— Не стѣнь моя тебѣ показываетъ:

— Самъ я здѣсь объявился. —

Ему батюшка родимой взрадовалса,

Принимаетъ его за бѣлыя руки,

Цѣлуетъ его во уста во сахарны,

Повелъ его во свою палату.

Ему матушка родима взрадовалася,

Проговорить матушка Василью:

— О ты, нашъ сынъ Василій,

— Какъ ты, мой сынъ, здѣся объявился? —

Отвѣчаетъ ко матушки сынъ Василій:

— О, матушка родима!

— По батюшкину благословленью,

— По твоей по святой по молитвѣ,

— Былъ я въ Срачицкой земли

— У князя у Гамера.

— Стоялъ я въ бѣлой каменной палаты,

— Передъ княземъ передъ Гамеромъ,

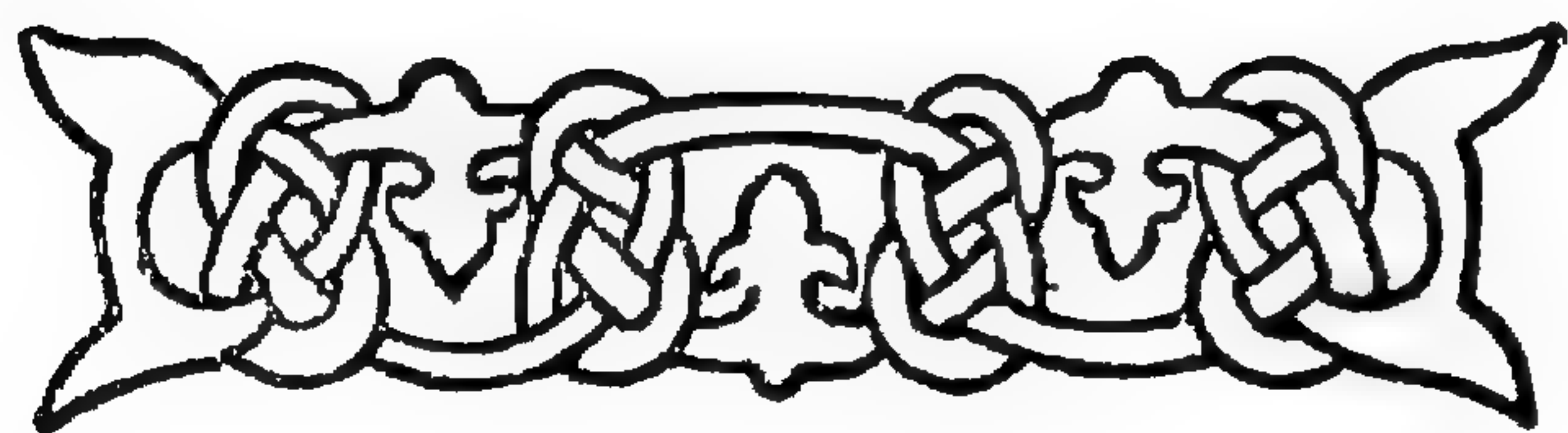
— Передъ лицомъ его держалъ вина скляницу-

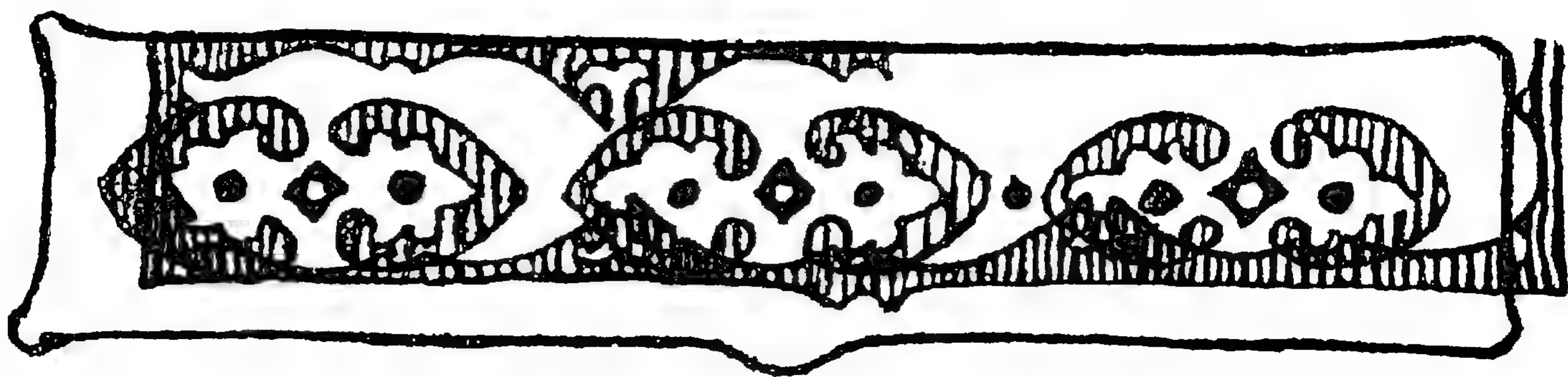
пойла,

— Во второй рукѣ чару золотую;

— Находила на меня Божія воля,
 — Поднимала меня Святымъ Духомъ,
 — Невидимо у князя меня не стало;
 — Ничего передъ собою я не увидѣлъ,
 — Только я видѣлъ передъ собою
 — Святителю Миколу Чудотворца. —
 Во то время Агликъ со женою
 Восходилъ во священную, соборную, апостольскую
 церковь

Ко Святителю ко Миколѣ Чудотворцу;
 Мѣстныя свѣщи затепляетъ,
 Передъ мѣстною иконы поставляетъ,
 На Святителя Миколу со слезами самъ взираетъ.
 Онъ служилъ ему честные молебны,
 Онъ много народу поить, кормить,
 Нищихъ всѣхъ серебромъ одѣляетъ;
 За сына за Василья Богу молить.
 Слава тебѣ, Господу Богу,
 Святителю Миколѣ Чудотворцу,
 Его Агликову сыну Василью,
 Во вѣки вѣковъ.

О святомъ младенцѣ Кирикѣ.

Во славномъ было въ городѣ въ Домостеевѣ.
Жиль-быль невѣрный царь Максиміанъ;
У него была честная жена Улита;
Она вѣру вѣровала ко Господу;
Избѣжала изъ-подъ городу изъ Домостеева
Во тотъ во Евсеевъ городъ.
Невѣрный царь Максиміанъ,
Онъ посланниковъ за нею посылываетъ,
За честною женою Улитою,
Въ тотъ во Евсеевъ городъ.
Еще взяли-возвратили въ Домосеевъ городъ
Ко невѣрному царю Максиміану.
Невѣрный царь Максиміанъ,
Онъ честной женѣ обрадовался;
Вставалъ онъ на ноги, на рѣзвья,
Еще сталъ ее допрашивать:
— Честная жена Улита,
— Будешь ли ты въ мою вѣру вѣровать?
— Будешь ли моимъ идоламъ молиться? —
Честная жена Улита,
Жалко вопіюще, гласить:
— Невѣрный царь Максиміанъ!
— Стала бы твою вѣру вѣровать,

— Стала бы твоимъ идоламъ молитися,
 — Есть у меня святой младенецъ Кирикъ,
 — Трехъ лѣтъ безъ трехъ мѣсяцевъ;
 — То бы онъ сталъ твою вѣру вѣровать,
 — Стала бы твоимъ идоламъ молитися! —
 Невѣрный царь Максиміанъ
 Посланниковъ своихъ посылываетъ
 За святымъ младенцемъ за Кирикомъ.
 Посланники за нимъ походили,
 Нашли его во городѣ Іерусалимѣ,
 У церкви у соборныя,
 У Петра у Павла;
 Читетъ онъ книгу апостольскую.
 Еще взяли-возвратили святаго младенца Кирика
 Во тотъ въ Домосеевъ городъ
 Ко царю ко невѣрному.
 Невѣрный царь Максиміанъ
 Святому младенцу Кирику обрадовался;
 Вставалъ онъ на ноги, на рѣзвья,
 Сталъ онъ его допрашивать:
 — Святый младенецъ Кирикъ,
 — Трехъ лѣтъ безъ трехъ мѣсяцевъ!
 — Станешь ли мою вѣру вѣровать?
 — Будешь ли моимъ идоламъ молитися?
 — Твоя родимая мати
 — Хочетъ мою вѣру вѣровать,
 — Хочетъ моимъ идоламъ молитися. —
 Святый младенецъ Кирикъ,
 Жалко вопіюще, гласитъ:
 — Невѣрный царь Максиміанъ!

- Все это ты меня обманиваешь.
- Когда станетъ моя родимая мати
- Твою вѣру вѣровать,
- Твоимъ идоламъ молитися!
- Велика наша вѣра крещеная,
- Великъ нашъ христiанскій Богъ! —
- Невѣрный царь Максимiанъ
- Приходитъ къ нему съ уложенiемъ,
- Сталь его допрашивать:
- Святой младенецъ Кирикъ,
- Станешь ли мою вѣру вѣровать?
- Будешь ли моимъ идоламъ молитися?
- Я сострою тебѣ свѣтлую свѣтлицу,
- Дамъ тебѣ слугу вѣрную,
- Еще дамъ тебѣ злата-серебра,
- Еще дамъ тебѣ драгоцѣннаго, самоцвѣтнаго
камени. —

- Святой младенецъ Кирикъ,
- Жалко вопiюще, гласить:
- Невѣрный царь Максимiанъ!
- Мнѣ не надо съ тебя свѣтла свѣтлица,
- Мнѣ не надо съ тебя слуга вѣрная,
- Мнѣ не надо съ тебя злата-серебра,
- Мнѣ не надо съ тебя самоцвѣтнаго, драгоцѣн-
наго камени.
- Пропадешь ты на семъ свѣту
- Со златомъ-серебромъ,
- Пропадешь ты съ драгоцѣннымъ, съ самоцвѣт-
нымъ каменемъ.
- Велика наша вѣра крещеная,

— Великъ нашъ христiанскій Богъ! —
 Невѣрный царь Максимiанъ
 На святаго младенца на Кирика
 Онъ на него озлобился,
 Приказалъ онъ его на мученье взять,
 На мученье на великое:
 Приказалъ онъ буйную голову пилить ко каменю.
 Увидѣла честная жена Улита
 Святаго младенца Кирика.
 — Святой младенецъ Кирикъ!
 — Ведутъ тебя на великое мученіе,
 — Пилить буйную голову ко каменю.
 — Для чего ради твое лице не помрачилось?
 — Отъ твоего бѣла лица лучи стоятъ,
 — Какъ отъ солнца отъ праведнаго? —
 Святой младенецъ Кирикъ,
 Жалко вопіюще, гласить:
 — Родимая моя мати,
 — Честная жена Улита!
 — Для того ради мое лицо не помрачилось,
 — Отъ моего бѣла лица лучи стоятъ,
 — Какъ отъ солнца отъ праведнаго:
 — Велика наша вѣра крещеная,
 — Великъ нашъ христiанскій Богъ! —
 Невѣрный царь Максимiанъ
 На святаго младенца на Кирика
 Онъ пуще на него озлобился,
 Приказалъ онъ его на мученье взять,
 На мученье взять на великое,
 Приказалъ онъ ковать обручи желѣзные,

Разжигать жаромъ-огнемъ-пламенемъ.
 Ковали обручи желѣзные,
 Разжигали жаромъ-огнемъ-пламенемъ,
 Наложили ихъ на буйныя главы,
 Со родимою со матерью,
 Съ честной женой Улитою.
 Святой младенецъ Кирикъ,
 Жалко вопіюще, гласить
 Ко царю ко Небесному:
 — Господи, Отецъ, Сынъ, Святый Духъ!
 — Услыште молитву святаго младенца Кирика,
 — Не отдайте на великое мученіе
 — Ко царю ко невѣрному.
 — Соймите съ насъ обручи желѣзные
 — Съ родимою со матерью. —
 Услышалъ Господи молитву
 Святаго младенца Кирика:
 Двухъ ангеловъ на землю посылаваетъ.
 Два ангела на землю соходили,
 Снимали съ нихъ обручи желѣзные;
 Еще взяли на ихъ главы
 Возложили золотые вѣнцы.
 Святой младенецъ Кирикъ,
 Трехъ лѣтъ безъ трехъ мѣсяцевъ,
 Жалко вопіюще гласить:
 — Невѣрный царь Максиміанъ!
 — Погляди-ко: на насъ золотые вѣнцы,
 — Велика наша вѣра крещеная,
 — Великъ нашъ христіанскій Богъ! —
 Невѣрный царь Максиміанъ

На святаго младенца на Кирика
 Онъ пуще на него озлобился,
 Приказалъ онъ пригвоздить къ дереву
 превысокому.

Ковали гвозди желѣзные,
 Разжигали жаромъ-огнемъ-пламенемъ;
 Еще взяли-приводили святаго младенца Кирика
 - Со родимой со матерью,
 Съ честной женой Улитой,
 Ко тому ко древу превысокому.
 Святой младенецъ Кирикъ,
 Жалко вопіюще, глаголетъ
 Ко царю ко Небесному:
 — Господи, Отецъ, Сынъ, Святой Духъ!
 — Услышьте молитву святаго младенца Кирика,
 — Не отдавайте на великое мученіе
 — Ко царю ко невѣрному.
 — Отгвоздите меня отъ древа превысокаго
 — Со родимою со матерью,
 — Ради своея вѣры крещенныя,
 — Ради своего Бога христіанскаго! —
 Услышалъ Господи молитву святаго младенца
 Кирика,

Двухъ ангеловъ на землю посылаваетъ;
 Два ангела на землю соходили,
 Еще взяли-отгвоздили святаго младенца Кирика
 Со родимою со матерью,
 Съ честной женой Улитой;
 На то мѣсто взяли-пригвоздили
 Невѣрнаго царя Максиміана.

Невѣрный царь Максиміанъ
 Святому младенцу Кирику возмолился:
 — Святой младенецъ Кирикъ,
 — Трехъ лѣтъ безъ трехъ мѣсяцевъ!
 — Отгвозди меня отъ древа превысокаго
 — Ради своя вѣры крещеная,
 — Ради своего Бога христіанскаго.
 — Буду я вашу вѣру вѣровати,
 — Буду я вашему Богу молитися.
 — Велика ваша вѣра крещеная,
 — Великъ вашъ христіанскій Богъ! —
 Святой младенецъ Кирикъ,
 Жалко вопіюще, гласить:
 — Невѣрный царь Максиміанъ!
 — Когда ты станешь нашу вѣру вѣровать
 — И нашему Богу молитися?
 — Все ты нашего Бога обманываешь! —
 Святой младенецъ Кирикъ
 Отгвоздилъ его отъ древа превысокаго,
 Разгвоздилъ гвозди желѣзные,
 Ради своя вѣры крещеная,
 Ради Бога христіанскаго.
 Невѣрный царь Максиміанъ
 На святаго младенца на Кирика
 Онъ пуще на него озлобился;
 Приказалъ онъ его на мученье взять,
 На мученье на великое;
 Приказалъ онъ наносить въ котелъ
 Свинцу, смолы и олова,
 Разжигать жаромъ-огнемъ-пламенемъ.

Наносили въ котель свинцу, смолы, олова,
 Разжигали жаромъ-огнемъ-пламенемъ,
 Заревѣлъ-закипѣлъ котель, ровно громъ
 загремѣлъ,

Слышно было на тридцать верстъ.

Устрашилась его родимая мати,

Честная жена Улита:

Она злую думу задумала,

Отстаеъ она отъ Спаса отъ Пречистаго,

Отъ Матери Пресвятыя Богородицы.

Она хочетъ невѣрному царю Максиміану

прилестится,

Она хочетъ его вѣру вѣровать,

Она хочетъ его идоламъ молитися.

Святой младенецъ Кирикъ,

Трехъ лѣтъ безъ трехъ мѣсяцевъ,

Жалко вопіюще, гласить

Ко Царю ко Небесному:

— Господи, Отецъ, Сынъ, Святой Духъ!

— Услышьте молитву святаго младенца Кирика,

— Не отдайте меня на великое мученіе

— Со родимою со матерью

— Ко царю ко невѣрному,

— Уймите мою родимую мать!

— Она злую думу задумала:

— Отстанетъ она Спаса отъ Пречистаго,

— Отъ Матери Пресвятыя Богородицы. —

Услышалъ Господи молитву святаго младенца

Кирика,

Глаголетъ Господи честной женѣ Улитѣ:

— Честная жена Улита!

— Со радости поиди въ котель муку мучиться

— Со святымъ младенцемъ Кирикомъ. —

Оградилъ Господи котель животворящимъ

крестомъ,

Выросла въ котлѣ трава-мурава,

Расцвѣли цвѣты лазоревые.

Святой младенецъ Кирикъ,

Жалко вопіюще, глаголетъ

Ко царю ко невѣрному:

— Невѣрный царь Максиміанъ!

— Погляди-ко у насъ въ котлѣ трава-мурава,

— И расцвѣли цвѣты лазоревые.

— Велика наша вѣра крещеная,

— Великъ нашъ христіанскій Богъ! —

Еще славенъ Богъ прославися,

Прославился святой младенецъ Кирикъ,

Трехъ лѣтъ безъ трехъ мѣсяцевъ,

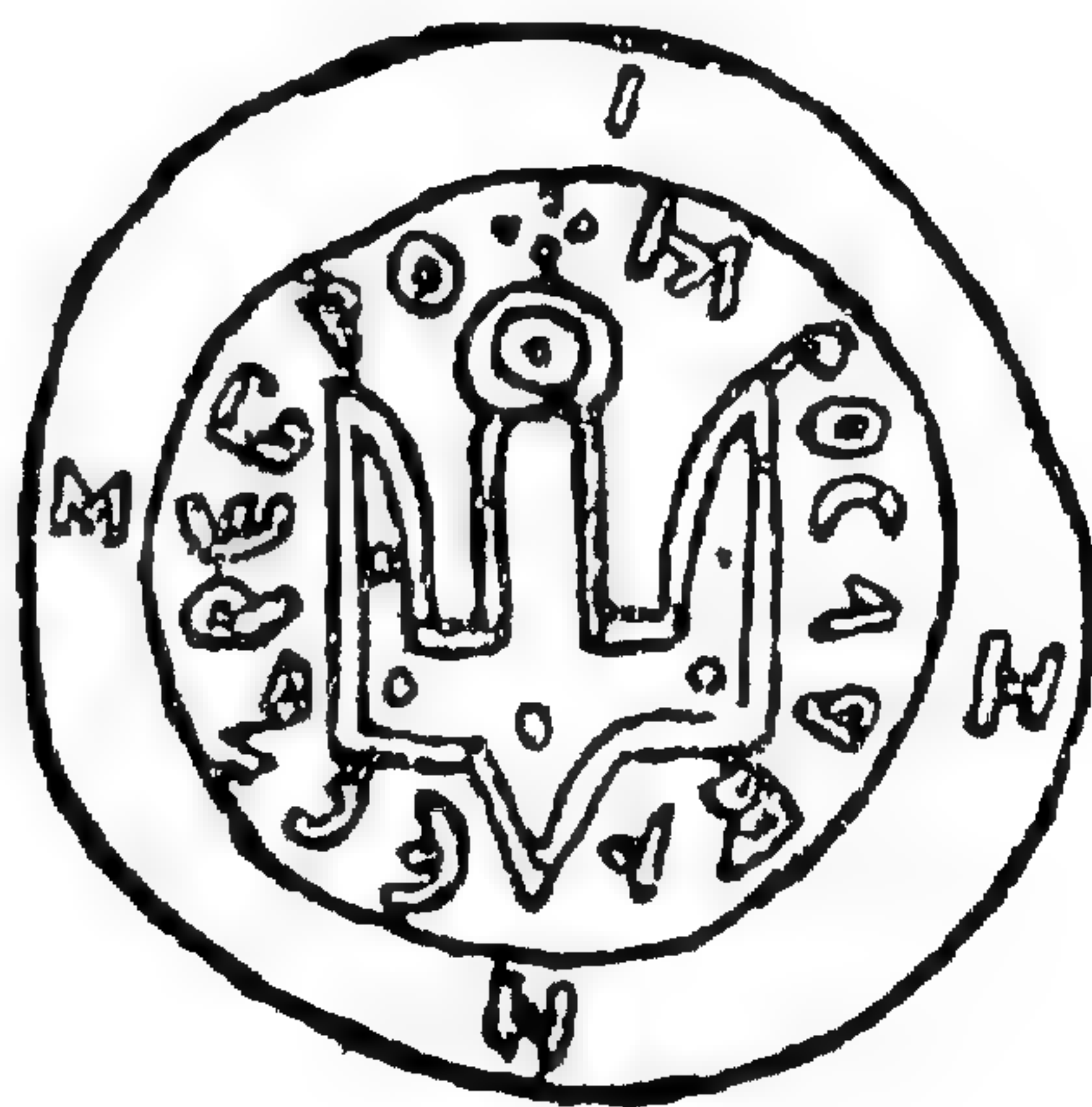
Со родимою со матерью,

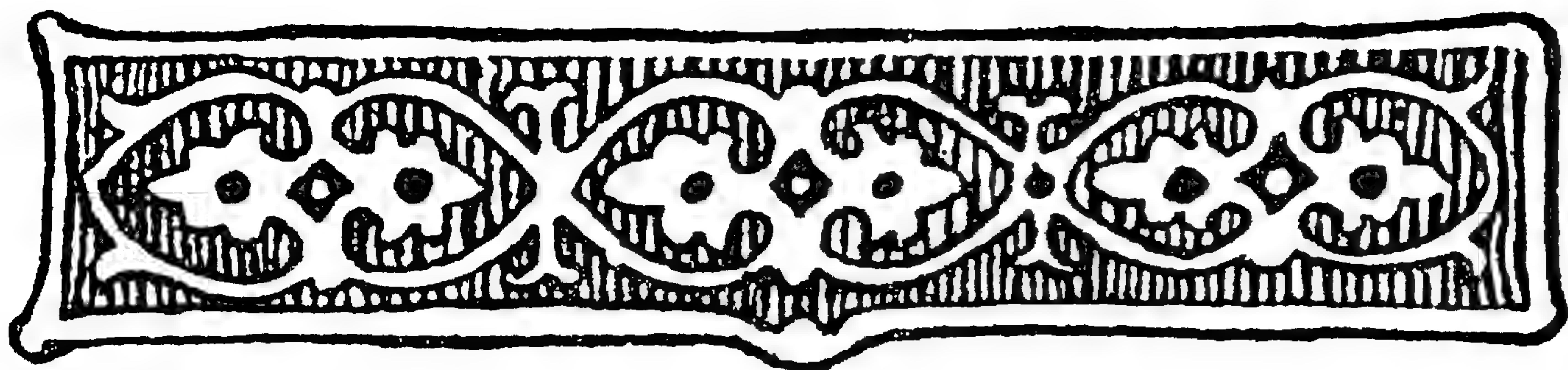
Съ честной женой со Улитой,

Пошла эта слава по всей землѣ,

По всей землѣ, по святой Руси,

Отъ нынѣшняго житья-бытья и до вѣку.

Федоръ Тирянинъ.

Во свѣтломъ въ градъ въ Костянтиновъ
Жилъ царь Костянтинъ Сауйловичъ.
Отстоялъ у честной у всеночной у заутрени
На тотъ на праздничекъ Благовѣщенья;
Со восточныя было стороны,
Отъ царя іудейскаго,
Отъ его силы жидовскія,
Прилетала калена стрѣла:
Становилась калена стрѣла
Супротивъ краснаго крылечка,
У правой ноги у царскія.
Царь Костянтинъ Сауйловичъ,
Подымалъ онъ калену стрѣлу,
Прочиталъ ярлыки скорописныя.
И возговоритъ таково слово:
— Господа вы бояры, гости богатые,
— Люди почестные, христіане православные!
— Да кто у насъ выберется
— Супротивъ царя іудейскаго,
— Супротивъ силы жидовскія? —
Да никто не выбирается:
Старый прячется за малаго,

А малаго за старыми давно не видать.

Выходило его чадо милое,

Младъ человѣкъ Ѳедоръ Тириновъ,

И возговорить таково слово:

— Государь ты мой, батюшко,

— Царь Костянтинъ Сауйловичъ!

— Дай ты мнѣ свое великое благословленіе,

— Дай ты мнѣ сбрую ратную

— И востро копье булатное,

— Дай добра коня неѣзжалаго,

— Сѣделечко новое несиживалое:

— Я поѣду супротивъ царя іудейскаго,

— Супротивъ его силы жидовскія. —

Царь Костянтинъ Сауйловичъ

Онъ возговорить таково слово:

— Ой ты еси, чадо милое,

— Младъ человѣкъ Ѳедоръ Тиринъ!

— Малымъ ты малешенекъ,

— И разумомъ тупешенекъ,

— И отъ роду тебѣ двѣнадцать лѣтъ;

— На бояхъ ты не бывывалъ,

— Кровавыхъ ранъ не видывалъ,

— На добрѣ конѣ не сиживалъ,

— Сбруей ратной не владывалъ. —

Царь Костянтинъ Сауйловичъ

Даетъ свое великое благословленіе

И даетъ сбрую ратную,

И востро копье булатное,

И даетъ добра коня неѣзжалаго,

И сѣделечко ново несиживано.

Младъ челоѣкъ Ѳедоръ Тиринъ,
 Онъ поѣхалъ далече во чисты поля,
 Супротивъ царя іудейскаго,
 Супротивъ силы его жидовскія.
 Онъ и бился-рубился двѣнадцать суточекъ,
 Не пиваючи, не ѣдаючи,
 Со добра коня не слѣзаючи.
 Затопляетъ его кровь жидовская
 По колѣна и по поясъ,
 По его груди бѣлыя.
 Младъ челоѣкъ Ѳедоръ Тиринъ,
 Онъ ударилъ во мать во сыру землю
 Своимъ вострымъ копьемъ булатнымъ,
 И возговоритъ таково слово:
 — Ой ты еси, мать сыра земля!
 — Разступися на четыре стороны,
 — И пожри ты кровь жидовскую,
 — И очисти путь-дорогу
 — Ко граду къ Іерусалиму,
 — Ко гробу Господнему! —
 Разступалася мать сыра земля
 На четыре стороны,
 Пожирала кровь жидовскую,
 Очищала путь-дорогу
 Ко граду къ Іерусалиму,
 Ко гробу Господнему.
 Младъ челоѣкъ Ѳедоръ Тиринъ
 Пріѣзжаетъ къ батюшкѣ на царскій дворъ,
 Привязалъ онъ коня ко столбу бѣлокаменному,
 Ко тому ли кольцу ко серебряному,

Входилъ въ батюшкины бѣлы каменны палаты,
 И садился онъ за столы за дубовые,
 За скатерти за браныя,
 За ѣства сахарныя.
 И ѣстъ онъ и прохлажается,
 Надъ собою ничего на знаетъ и не вѣдаетъ.
 Его родимая матушка,
 Его жалѣючи,
 Добра коня милуючи,
 Отвязала она отъ столба бѣла каменнаго
 Отъ того отъ кольца отъ серебрянаго,
 Повела коня на сине море.
 Гдѣ не взялся Змѣй огненный,
 Объ двѣнадцати головахъ,
 Объ двѣнадцати хоботахъ,
 Унесъ его родимую матушку
 За море за синее,
 За горы высокія,
 За луга за зеленые,
 За лѣса за темные,
 Во тѣ во пещеры бѣлы каменныя
 Своимъ дѣтямъ на съѣденіе.
 Приходили его слуги вѣрныя,
 Младу человѣку Ѳедору возвѣщали:
 — Ой ты еси, младъ человѣкъ Ѳедоръ Тириновъ!
 — Пьешь ты, прохлажаешься,
 — Надъ собой ничего не знаешь и не вѣдаешь:
 — Твоя родимая матушка,
 — Тебя жалуючи, добра коня милуючи,
 — Повела коня на сине море;

— Гдѣ не взялся Змѣй огненный,
 — Обѣ двѣнадцати головахъ,
 — Обѣ двѣнадцати хоботахъ,
 — Унесъ твою родимую матушку
 — За моря за синія,
 — За горы высокія,
 — За луга за зеленые,
 — За лѣса за темные! —

Младѣ челоуѣкъ Ѳедорѣ Тиринѣ,
 Вставалѣ онѣ изъ-за столоуѣ изъ-за дубовыхъ,
 Изъ-за скатертей изъ-за бранныхъ,
 Изъ-за ѣствъ изъ-за сахарныхъ,
 И беретѣ онѣ свою сбрую ратную,
 И востро копье булатное,
 И беретѣ онѣ книгу Еуангелѣе,
 И пошелѣ онѣ путемѣ и дорогою.
 И приходитѣ онѣ ко синю морю,
 Становилсѣ на крутѣ берегѣ
 И возговоритѣ такоуо слово:

— Ой ты еси, Китѣ-рыба!

— Станѣ, Китѣ-рыба, поперекуѣ синѣ моря. —

Гдѣ не взяласѣ Китѣ-рыба,
 Становиласѣ поперекуѣ синѣ моря.

Младѣ челоуѣкъ Ѳедорѣ Тиринѣ,
 Онѣ пошелѣ по синю морю яко по суху.
 Переходилѣ онѣ синѣ море,
 Пошелѣ онѣ за тѣ за горы высокія,
 За тѣ луга зеленые,
 За тѣ за лѣса за темные,
 Во тѣ во пещеры бѣлы каменные.

Онъ увидѣлъ свою родиму матушку
 У двѣнадцати змѣношевѣ на съѣденіи:
 Сосуть ея груди бѣлыя.
 Младъ человѣкъ Ѳедоръ Тиринъ,
 Онъ убилъ змѣношевѣ и приколотъ,
 И взялъ свою родиму матушку
 За ручку за правую,
 И посадилъ на плечико на могучее,
 И пошелъ изъ тѣхъ изъ пещеръ изъ бѣлыхъ
 каменныхъ.

И шелъ онъ путемъ и дорогою,
 И возговорить его родимая матушка:
 — Ой ты еси, мое чадо милое,
 — Младъ человѣкъ Ѳедоръ Тиринъ!
 — Змѣй летить, яко гора валить:
 — Топерь мы съ тобой погибли,
 — Топерь мы съ тобой не воскресли! —
 Младъ человѣкъ Ѳедоръ Тиринъ
 Возговорить таково слово:
 — Государыня ты моя матушка!
 — Мы съ тобой не погибнемъ,
 — Мы съ тобой воскреснемъ:
 — Съ нами сбруя ратная
 — И востро копье булатное,
 — И съ нами книга Евангелъе! —
 И налетѣлъ Змѣй огненный
 На млада человѣка Ѳедора Тирина:
 И младъ человѣкъ Ѳедоръ Тиринъ
 Змѣю огненному головы отбилъ
 И Змѣя огненнаго въ море погрузилъ.

И пошелъ съ своей съ родимой матушкой
По морю яко по суху.

И возговорить таково слово

Младъ человѣкъ Ѳедоръ Тиринъ:

— Государыня ты моя матушка,

— Ѳедорина Никитишна!

— Стоитъ ли мое похождение

— Противъ твою рожденія? —

И возговорить его родима матушка:

— Ой ты еси, мое чадо милое,

— Младъ человѣкъ Ѳедоръ Тиринъ!

— Твое похождение

— Наипаче мово рожденія. —

И ко тому граду Костянтинову,

И ко своему ко батюшкѣ къ родимому.

Царь Костянтинъ Сауѣловичъ

Увидѣлъ своего чаду милаго

И съ родимой съ его съ матушкой,

И закричалъ онъ слугамъ вѣрнымъ:

— Ой вы, слуги вѣрные!

— Благовѣстите въ колокола благовѣстные,

— Подымайте вы иконы мѣстныя,

— И служите молебны почестныя,

— И встрѣчайте мово чаду милаго

— И съ его съ родимой съ матушкой! —

Младъ человѣкъ Ѳедоръ Тиринъ

Возговорить таково слово:

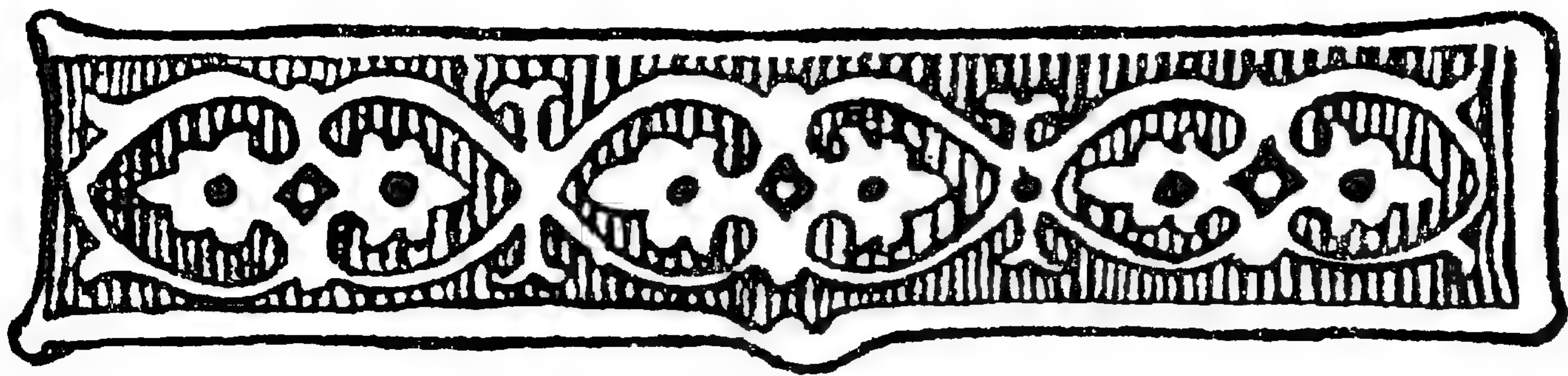
— Ой вы, слуги вѣрные!

— Не благовѣстите въ колокола благовѣстные,

— Не подымайте вы иконы мѣстныя,

— Не служите молебны почестные:
 — А кто первую недѣлю великаго поста
 — Будетъ поститься постомъ и молитвою,
 — Смирениемъ и кротостью,
 — Да тотъ будетъ избавленъ отъ смерти-убіенія. —
 Поемъ славу Ѳеодорову,
 Его слава во вѣкъ не минуется.

Алексѣй божій человекъ.

Во славномъ во гради во Римѣ,
При царѣ было при Онорѣи,
Жилъ великій князь Еѡимьяне
Со своей обручною княгиней.
У того велика князя Еѡимьяна
Не было дѣтища едина.
Великій князь Еѡимьяне
Со своей обручною княгиней
Молился онъ Господу Богу:
— Дай ты намъ, Господи, хоть дѣтище едино,
— При младости лѣтъ на утѣшенье,
— При старости намъ на сбереженье,
— При послѣ кончины на поминъ души. —
Услышалъ Господь ихъ моленье,
Даровалъ имъ дѣтище едино:
Въ ту пору княгиня понеслася,
Оброчное время проносила,
Спородила дѣтища-сына.
Былъ радостенъ князь Еѡимьяне:
Священниковъ въ домъ онъ призываетъ,
Младенцу имя нарекали,
Нарекали ему имя Алексіемъ,

Во святой купели окрестили,
Златой крестъ ему наложили.
Росъ Алексій до семи лѣтъ;
Великій князь Еѡимьяне
Давалъ его грамоты учить:
Грамота ему, свѣту, далася,
Онъ скоро писать обучился.
Будетъ Олексій на возрости:
Великій князь Еѡимьяне
Произволилъ младого женить,
Прибралъ ему младую княгиню
Во славномъ гради своемъ Римѣ.
Во Божію церковь ихъ приводили:
Подъ златыми вѣнцами стояли,
Златыми перстнями обручались,
Единъ чуденъ крестъ цѣловали,
Весь Божій законъ принимая.
Вышелъ Олексій изъ Божьей церкви
Въ свою бѣлокаменну полату:
Садилъ его, свѣта, за трапезу
Со молодой обручною княгиней.
Сидитъ Олексій за трапезой —
Хлѣба-соли онъ не вкушаетъ,
Медвяна питья не испиваетъ,
Уливается горючими слезами.
Будетъ во второмъ часу ночи,
Ставалъ Олексій со ложницы,
Снималъ съ себя шелковой поясъ,
Со правой руки злаченъ перстень,
Даетъ онъ ихъ обручныя княгини:

— Возьми, моя младая княгиня,
— Мой шелковый поясъ,
— Со правой руки злаченъ перстень;
— Трудися ты, Господу молися
— За свои за младыя лѣта;
— Ты тогда меня увидашь,
— Когда шелковъ поясъ расплетется,
— Злаченъ перстень распаится. —
Княгиня предъ нимъ промолчала,
Отвѣта Олексію не давала,
Уливалась горючими слезамы.
Олексій на слезы не взираетъ, —
Пошелъ Олексій ко синю морю,
Во тое во Индѣйское царство:
Садился во малый корабликъ, —
Понесло корабль во сине море,
Во это Индѣйское царство.
Выходилъ Олексій изъ судна,
Приходитъ во Божію церковь,
Становится въ церкви на паперти:
Онъ молится Богу со слезамы,
Земныи поклоны исправляя.
Великій же князь Еѡимьяне
Схватился про любезнаго сына,
Олексія Божья челоуѣка,
Посылалъ рабовъ его искати
По всѣмъ градамъ, по всимъ пустынямъ.
Искальщики долго ходили, —
Приходятъ ко городу Индѣю:
Нашли Олексія и не узнали,

Милостыней его надѣляли.

Олексій отъ нихъ принимаетъ,

По нищей братѣи раздѣляетъ,

За нихъ Господа онъ молить.

Молился онъ здѣсь лѣтъ семнадцать;

Каждую недѣлю исповѣдался,

Всякую субботу причащался,

Кушалъ Олексій со укропомъ.

Богородица гласъ ему гласила:

— Рабъ ли, Олексій челоуѣкъ Божій!

— Ты пришелъ ко мнѣ, свѣтъ, помолился,

— За младыя лѣта потрудился:

— До Господа Бога ты доходишь,

— И молитва твоя Богу пріятна.

— Полно прогнѣвлять тебѣ отца-матерь

— И младу обручную княгиню:

— Поѣзжай ты во свой Римъ градъ

— Ко своему отцу Еѡимьяну.

— Отецъ-мать тебя дома не узнають,

— Ни млада обручная княгиня. —

Гласу Олексій удивился,

Самъ, стоячи, прослезился;

Выходилъ изъ соборныя церкви,

Садился во малый корабликъ:

Съ трудомъ корабль переносить

Его во славное Римское царство.

Выходитъ Олексій изъ корабля,

Приходитъ въ соборную церковь,

Молится Богу со слезами,

Земныи поклоны исправляя.

Великій князь Еѡимьяне

Выходитъ отъ соборной обѣдни:

Князь милостыней всѣхъ надѣляетъ,

Любимаго сына воспоминаетъ,

Олексія Божья человѣка.

Олексій отъ отца принимаетъ,

Самъ онъ, свѣтъ, отцу поклонился,

И, стоячи тутъ, прослезился:

— Великій князь Еѡимьяне!

— Напой-накорми меня хлѣбомъ-солью,

— Построй мнѣ, убогому, келью

— Ради имени Христова,

— За любимаго сына Олексія. —

Гласу Еѡимьянъ князь удивился

И самъ, стоячи, прослезился:

— Рабъ ли ты мой, Божій человѣче!

— Чѣмъ радостну вѣсть возвѣщаешь

— Про любимаго сына Олексія?

— Самъ я про его, свѣта, не знаю,

— Семнадцать лѣтъ его поминаю:

— Въ которой странѣ онъ пребываетъ,

— Въ которомъ царствѣ проживаетъ? —

Олексій отцу отвѣчаетъ:

— Великій ты князь Еѡимьяне!

— Какъ мнѣ твоего сына не знати?

— Въ одной странѣ съ нимъ пребывали,

— Въ одной мы пустынѣ проживали,

— За одной трапезой мы вкушали,

— За одно мы Господу молились,

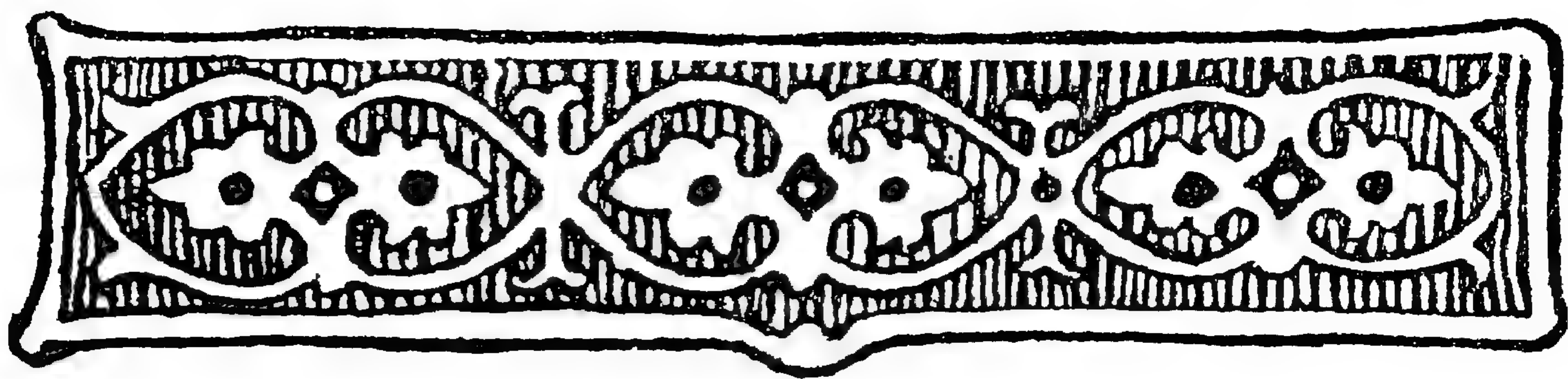
— За едино мы спасенье получали. —

Великій же князь Еѡимьяне
 Велѣлъ взять его во палаты,
 Велѣлъ накормить хлѣбомъ-солью,
 Построилъ убогому келью
 Близъ своей бѣлокаменной палаты;
 Далъ ему молодого келейника —
 Убогаго сберегати,
 Келейку ему топити,
 Ключеву воду носить;
 Что самъ князь воскушаетъ,
 Тыи и убогому яства посылаетъ.
 Но злы были у князя вѣдь рабы его:
 Сами они яства пріѣдали,
 Къ Олексію въ келью не доносятъ;
 Блюда и посуду вымывали,
 Помой на келью выливали;
 Олексій на то не прогнѣвился:
 Со радостью нужду принимаетъ,
 Святымъ духомъ сытъ пребываетъ.
 Молился онъ Господу, трудился
 Тридесять лѣтъ и четыре.
 Свѣдалъ Олексій житію кончину,
 Посылалъ онъ молодого келейника:
 — Рабъ ли ты мой, вѣрный ты келейникъ!
 — Принеси чернилъ и листъ бумаги,
 — Не ходи три дня и по три ночи,
 — За тебя я Богу помолюся,
 — За твои за младыя лѣта. —
 Рабъ ли его, вѣрныя келейникъ,
 Принесъ ему чернилы и бумагу.

Нейдетъ по три дни и по три noci —
 Началъ Олексій житіе писати:
 Въ которомъ царствѣ онъ родился,
 Въ какой странѣ Богу молился.
 Написалъ Олексій рукописанье:
 Написавши, свѣтъ, онъ преставился.
 Темьяномъ и ладаномъ запахло
 По всему по граду по Риму;
 Святой гласъ въ церкви явился:
 — Взыщите во градѣ святаго
 — Близъ дому князя Еѳимьяна! —
 Въ ту пору Онорій царь поднялся
 Со святѣйшимъ патріархомъ
 И со всѣмъ священнымъ соборомъ;
 Царь до мощей доступаетъ,
 Патріархъ къ мощамъ приложился:
 — Святые Божьи мощи!
 — Издайте изъ рукъ рукописанье!
 — По чему тебя намъ, свѣта, знати
 — И какъ намъ тебя именовать? —
 Рукописанье тутъ отдалося,
 И началъ патріархъ его читати,
 Чудеса являетъ всему міру.
 Взялъ тутъ Еѳимьянъ князь дочитати:
 Дознался онъ любезнаго сына,
 И началъ онъ жалобно плакать,
 Цвѣтныя ризы раздираетъ,
 Горючія слезы проливаетъ:
 — Свѣтъ ты, мое любезное чадо,
 — Святой Олексій человекъ Божій!

— Для чего ты отцу мнѣ не сказался,
 — Пришедъ изъ великія пустыни?
 — Я бы сдѣлалъ тебѣ келью не такую
 — И не на томъ бы сдѣлалъ мѣстѣ. —
 Мать ли его благовѣрная княгиня
 Идетъ ко святому, — сама плачетъ,
 Мощи слезами обливаетъ,
 Свой жалостный гласъ испущаетъ:
 — Свѣтъ ты, мое любезное чадо,
 — Святой Олексій человѣкъ Божій!
 — Пришедъ изъ великія пустыни,
 — Для чего ты мнѣ, матери, не сказался?
 — Я бы сама къ тебѣ приходила,
 — Сахарны бы яства приносила,
 — Одежды на тебѣ перемѣняла,
 — Въ черни бы тебя не держала. —
 Провѣдала обручная княгиня, —
 Схватила за шелковый поясъ,
 За свой злаченой перстень, —
 Шелковъ поясъ расплелся,
 Злачень перстень распаялся;
 Идетъ ко святому, сама плачетъ,
 Мощи слезами обливаетъ,
 Свой жалостный гласъ испущаетъ:
 — Аль ты, мой мужъ возлюбленный,
 — Женише ты мой обрученный,
 — Святой Олексій человѣкъ Божій!
 — Пришедъ изъ великія пустыни,
 — Для чего ты мнѣ, молодой, не сказался?
 — Я бы втай къ тебѣ приходила,

— За одно-бъ съ тобой Богу я молилась,
 — И чистое бы дѣвство мы сохраняли,
 — И былъ бы между нами святой духъ. —
 Олексія Божья челоѣка,
 Олексіевы святыи мощи
 Принесли къ святой соборной церкви.
 Множество народу собиралось, —
 Нельзя святыхъ мощей проносить:
 Самого князя народъ не пропуститъ
 До любимаго сына Олексія.
 Великій тутъ князь Еѡимьяне
 Приказалъ казну свою истощати,
 По улицамъ деньги розсыпати:
 Но мѣръ на злато не польстился,
 Принимались всѣ за святыя мощи.
 Отъ слѣпоты давалъ тутъ Богъ прозрѣнье,
 Глухимъ давалъ Богъ прослышанье,
 Разслабленнымъ тутъ было здравье,
 Немошнымъ-болящимъ исцѣленье,
 Грѣшнымъ душамъ было прощенье,
 Праведнымъ душамъ было спасенье.
 Олексія Божья челоѣка
 Со славою, свѣта, погребали
 Во славномъ во градѣ во Римѣ,
 При святой соборныя церкви,
 У свята Нифантія Чудотворца.
 Лико его пишутъ на иконахъ,
 А житѣе Олексіево въ книгахъ.

Димитрій Солунскій.

Сопущались съ небесъ два ангела, да два архангела
Ко Димитрію Селунскому, свѣту-чудотворцу:

— Гой еси, нашъ батюшка, Димитрій Селунскій
чудотворецъ!

— И хочуть твой градъ весь повызорить,

— И всѣхъ людей твоихъ повыгубить,

— И Божіи дома на дымъ пустить. —

Отвѣчаетъ Димитрій Селунскій, свѣтъ-чудотворецъ:

— И не дамъ свой городъ я повызорить,

— И не дамъ своихъ людей всѣхъ повыгубить,

— И Божіи церкви на дымъ пустить. —

И отколь взялся Мамай невѣрные, безбожные,
Невѣрный, нечестивый,

И принималъ онъ силы много множество.

Увидалъ Димитрій Селунскій, свѣтъ-чудотворецъ;

Имаеть онъ себѣ добраго коня,

И покидаетъ онъ ковры сорочинскіе,

Береть онъ копье булатное,

Выѣзжаетъ къ Мамаю невѣрному, нечестивому:

По арміи-то онъ гуляетъ,

И сколько онъ копьемъ колетъ,

А вдвое-втрое конемъ топчетъ,

И пригубилъ онъ силушки много множество,

Три тьмы, три тьмы и четыре тысячи.

И только Мамай невѣрный, нечестивый барышу
получилъ:

Двухъ русскихъ сестеръ во полонъ залучилъ,
Увозилъ онъ къ себѣ да во полатушки:

— Ой вы гой еси, двѣ русскія сестры полоняночки!

— Вы скажите мнѣ про могучаго богатыря:

— Какой есть у васъ могучій богатырь,

— Сколько онъ у меня силушки погубилъ,

— Выпишите мнѣ и вырисуйте мнѣ

— На коврѣ на шолковомъ. —

Онѣ пишутъ и рисуютъ съ утра и до вечера,

Со вечера да до полуночи;

Со полуночи горько плачась, Богу молилися,

На коверъ онѣ спать ложилися:

— Ужъ ты ой еси, батюшко,

— Димитрій Селунскій, свѣтъ-чудотворецъ нашъ!

— И не прогнѣвайся на насъ на грѣшныхъ здѣсь,

— И не изъ волюшки пишемъ, изъ-подъ

неволюшки. —

Онѣ легли, да всѣ и заснулися.

И поднималася вьюга страшная,

Подымала со полать верхи,

Выносило-то двухъ русскихъ сестеръ да

*
полоняночекъ

И уносило ко Димитрію Селунскому,

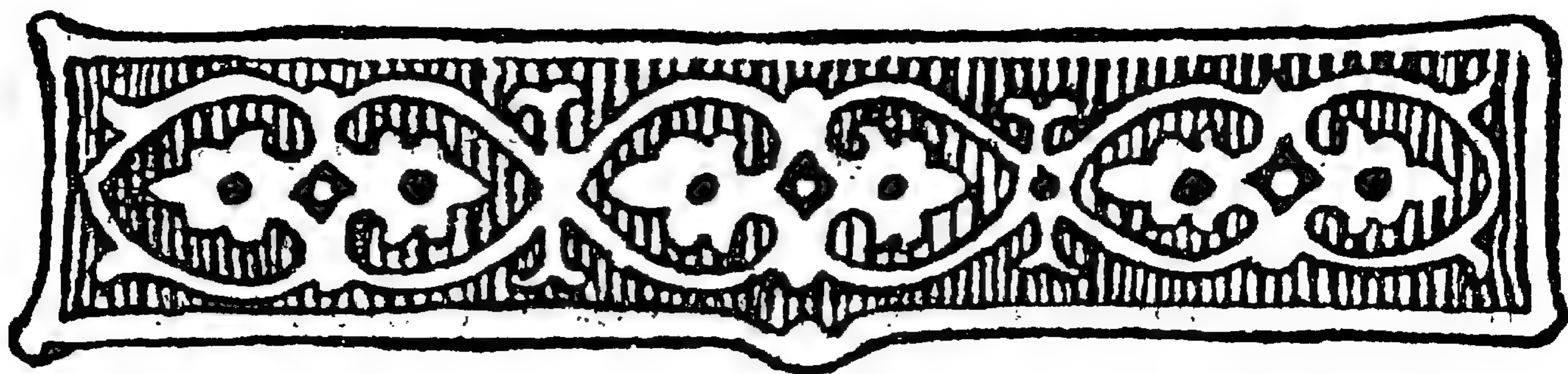
Свѣту-чудотворцу да во Божью церкву.

Поутру онѣ да пробудилися,

Димитрію Селунскому да помолилися:

Онѣ очувствовались у Димитрія Селунскаго

Во Божьей церкви.

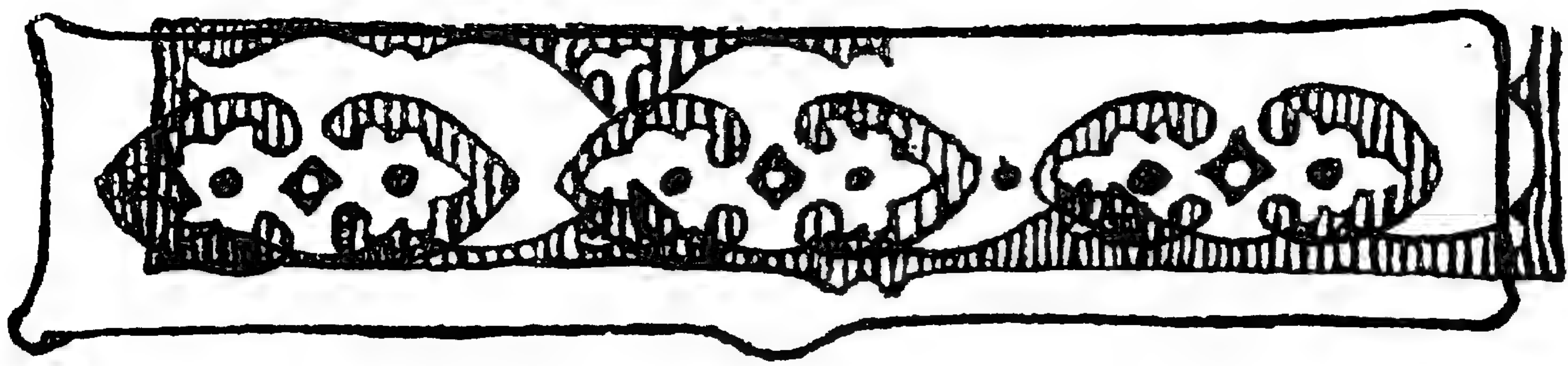

О Егоріи свѣтохрабромъ.

Въ восьмомъ году въ девятой тысячѣ
Наѣзжалъ царище Кудріанище,
Воевалъ царище Іеросалимъ-градъ.
Онъ вѣдь всихъ князей-бояръ повырубилъ,
Благовѣрнаго да царя Ѳедора
Онъ подъ мечъ клонилъ да голову срубилъ.
Оставалось да чадо милое,
Чадо милое, дите единое —
Егорій-свѣтъ храбрый.
Онъ даетъ Егорью да двѣнадцать мукъ.
И вси муки даетъ разныя,
Муки разныя, муки кровавыя.
Онъ началъ Егорьюшка пилой пилить.
Во пилы зубья да приломались,
Приломались да прищепались,
А Егорью-свѣтушку ништо не льнетъ,
Ништо не льнетъ, да ништо не беретъ.
А того царище не пытается,
Аще все, невѣрный, похваляется.
Онъ началъ Егорьюшка въ топоры рубить.
Топоры острые да приломались,
Приломались да прищепались.

Онъ началъ Егорьюшку въ ступы толочъ.
Во ступѣ песты да приломалися,
Приломалися да прищепалися.
А Егорій-свѣтъ стоемъ-стоитъ,
Онъ стихи поетъ да херувимскіе,
Онъ други поетъ да монастырскіе,
Онъ славу поетъ да самому Христу,
Самому Христу, Царю небесному.
Онъ началъ Егорьюшку въ котли варить,
Въ котли варить да въ смолы кипятить:
Подъ котломъ растетъ да трава шолкова,
На травы растутъ цвѣты лазоревы.
Во въ котли Егорій онъ сѣжа-сидитъ,
Онъ сѣжа-сидитъ да самъ стихи поетъ,
Онъ стихи поетъ да херувимскіе,
Онъ други поетъ да монастырскіе,
Онъ славу поетъ да самому Христу,
Самому Христу, Царю небесному.
А того царище не пытается,
Аще все, невѣрный, похваляется.
Привязалъ Егорью онъ горючъ камень,
Онъ спустилъ Егорья во сине-море,
Во сине-море да съ синимъ камешкомъ.
Во мори Егорей гоголемъ пловетъ,
Во мори пловетъ да самъ славу творить:
— Славу Богу, нонь, да слава Господу! —
Перенесъ Господь черезъ сине-море.
А того царище не пытается,
Аще все, невѣрный, похваляется.
Подкопалъ Егорьюшки онъ широкъ погребъ,

Глубиной погребъ сорока сажонъ,
 Шириной погребъ тридцати сажонъ,
 Долиной погребъ двадцати сажонъ.
 Онъ побросилъ Егорьюшка въ широкъ погребъ,
 Онъ пенъемъ-колодьемъ заворачивалъ,
 Бѣлыма камешкама призакачивалъ,
 Онъ желтымъ пескомъ да призасыпливалъ,
 Въ погреби Егорей да стоемъ-стоитъ,
 Онъ стоемъ-стоитъ да самъ стихи поетъ,
 Онъ стихи поетъ да херувимскіе,
 Онъ други поетъ да монастырскіе,
 Онъ славу поетъ да самому Христу,
 Самому Христу, Царю небесному:
 — Слава Богу, нонъ, да слава Господу!
 — Сбавилъ Господь да отъ великихъ мукъ. —
 А того царище не пытается,
 Аще все, невѣрный, похваляется:
 — Не бывать Егорью на святой Руси,
 — Не видать Егорью свѣта бѣлаго,
 — Не видать Егорью солнца краснаго,
 — Не видать Егорью отца-матери,
 — Отца-матери да роду-племени! —
 А Егорій тамъ да самъ стоемъ-стоитъ,
 Самъ стоемъ-стоитъ да самъ славу творить:
 — Поразвѣйтесь-ко, да вѣтры-вихори,
 — Вы со всихъ съ четырехъ сторонушекъ! —
 А пенье-колодые приразворочались,
 Бѣлы камешки прираскатилися,
 Повысталъ Егорьюшко на бѣлый свѣтъ...

О спасеніи Елисавіи Арахлин- ской царевны.

На три города Господь прогнѣвался,
На три города да три невѣрныхъ,
А и на первый городъ — Арахлинъ-городъ,
На другой городъ,—на Соломъ-городъ,
А на третье царство Сарофимское.
Сарофимъ-городъ Богъ огнемъ сожгетъ,
Соломъ-городъ сквозь землю пройдетъ.
На Арахлинско царство напустилъ Господь,
Напустилъ Господь да змѣю лютую,
Змѣю лютую — девятиглавую.
А и стала змѣя да поналетывать,
По головушкѣ да стала схватывать,
По головушкѣ да по куриной:
Стало мало куръ во градѣ ставиться.
А и стала змѣя да поналетывать,
А и стала змѣя да понасхватывать
По головушкѣ да по скотинной:
Стало мало скота въ градѣ ставиться.
А и стала змѣя да поналетывать,
А и стала змѣя да понасхватывать
По головушкѣ да человѣческой:

Стало мало людей въ градѣ ставиться.
 Арахлински да были мужики,
 Собиралися да на зеленый лугъ,
 Становилися да во единый кругъ,
 Оны думали да думу крѣпкую.
 Рыли жеребья да промежду-собой:
 Да кому идти ко синю-морю,
 Ко синю-морю да на ту сходню,
 Да на ту сходню да на змѣвиную
 Ко лютой змѣи да во съядѣніе.
 Выпалъ жеребій да на царской дворъ
 Да на того царя да на Агапія.
 Пошелъ-вѣдь царь да закручинился,
 Закручинился да запечалился,
 Онъ повѣсилъ свою голову
 Ниже плечъ своихъ ниже могучіихъ,
 Онъ спустилъ свои ясны-очи
 Во матушку во сыру-землю!
 Онъ пошелъ въ свои палаты бѣлокаменны.
 Пострѣтатъ его да молода-жена,
 Молода жена да Елисавія,
 Говоритъ ему да таковы слова:
 — Ай же что же, царь, да закручинился,
 — Закручинился да запечалился,
 — Ты повѣсилъ свою голову
 — Ниже плечъ своихъ могучіихъ,
 — Ты спустилъ свои ясны-очи
 — Во матушку да во сыру-землю? —
 Говоритъ царь да таковы слова:
 — Ай же ты молода жена,

- Молода жена да Елисавія!
- Какъ же мнѣ да не печалиться?
- Надо мнѣ пойти да ко синю-морю,
- Ко синю-морю да на ту-сходню,
- На ту сходню да на змѣиную
- Ко лютой змѣи да во съядѣніе, —
- Мнѣ оставить царство Арахлинское! —
- Говорить ему да молодая жена:
- Не кручинься, царь, да не печалуйся:
- Есть у насъ кимъ замѣнутися,
- Есть у насъ да единая дочи,
- Единая дочи да Елисавія:
- Она не нашу да вѣру вѣруе,
- Не по-нашему да Богу молится —
- Она вѣруе вѣру хресъянскую,
- Она молится да самому Христу,
- Самому Христу да Богу распятому:
- Она другому — Егорью Свѣтохрабромъ;
- Она третьему — Миколѣ Святителю.
- Можетъ, тыи боги ю помилуютъ... —
- Говорить царь да таковы слова:
- Свеселила ты мою буйну голову! —
- А вовходитъ царь да во палатушку
- Онъ заходитъ царь до своей дочи,
- Говорить ей да таковы слова:
- Ай же ты, единая дочи!
- Единая дочи да Елисавія!
- Тебе сватаютъ да трои сватова.
- Первый сватова да въ землю въ Русію,
- Други сватова да въ землю невѣрную,

— Третьи сватова да въ орду темную!

— За котораго ты замужъ пойдешь? —

Говорить ему да едина дочи,

Единая дочи да Елисавія:

— Я замужъ пойду да въ землю въ Русію! —

— Ты замужъ пойдешь да въ землю въ Русію,

— Перво платьице возьми вѣнчальное,

— Другое платьице возьми печальное,

— Третье платьице возьми дорожное! —

Аще тутъ дѣвица срадовалася,

Да всю ночь она Богу молилася,

Написала вона да три листа,

Три листа ербовоей бумаженьки.

Аще первый листъ Егорью Храбромъ,

Другой листъ самому Христу,

Самому Христу Царю распятому,

Она третій листъ Миколѣ Святителю.

Говорить то ей Агапій-царь:

— Ай же ты, да едина-дочи!

— Единая дочи да Елисавія!

— Ты вставай утромъ ранешенько,

— Умывайся-ка ты бѣлешенько,

— Утирайся-ка ты скорешенько,

— Поворотъ держи да молодецкій! —

Уходилъ вѣдь царь отъ своей дочери,

Отъ своей дочери да съ ейной комнаты.

Тутъ дѣвица спать ложилася.

И проснулася она ранешенько,

Умывалася она бѣлешенько,

Утиралася она скорешенько,

Собирала она свои платица:
 Первы платица взяла вѣнчальныя,
 Вторы платица взяла печальныя,
 Третьи платица взяла дорожныя.
 Выходила она да на крылечко,
 На крылечко на переное.
 У крылеченка да у перенаго,
 Тамъ стоитъ каретушка вѣдь темная,
 Запряженъ жеребчикъ неучоный,
 Тамъ сидитъ Ванюша повареный.
 Аще тутъ дѣвица испугалася,
 Подломились ейны рѣзвы ноженъки,
 Говоритъ она да таковы слова:
 — Дайте строку мнѣ да вѣдь немножечко,
 — Хоть на маленьку да на минуточку
 — Сходить да мнѣ да свою комнатку,
 — Взять-то мнѣ да свои платица! —
 Приходила она да въ свою комнату,
 Поклонилась она да Егорью Храброму,
 Другому Миколѣ Святителю,
 Третьему да самому Христу,
 Самому Христу-Царю распятому.
 Говоритъ дѣвица да таковы слова:
 — Ты спаси, Господь, да отъ съядѣнія,
 — Ты поспѣй, Егорей, ко синю-морю,
 — Ко синю-морю да на ту сходню,
 — На ту сходню да на змѣиную! —
 И взяла дѣвица свои платица,
 Выходила она со своей комнаты.
 Аще тутъ дѣвица прирасплакалась,

Поклонилась дѣвица на три стороны,
Говорить дѣвица таковы слова:

— Обманулъ меня да родный батюшка:

— Онъ послалъ меня да ко синю морю,

— Ко синю-морю да на ту сходню,

— Да на ту сходню да на змѣиную. —

Тутъ садилась дѣвица во каретушку,

Во каретушку да въ темную.

Повезли дѣвицу ко синю-морю,

Ко синю-морю да на ту сходню,

Ко лютой змѣи да на съядѣніе.

Выходила дѣвица со каретушки,

Со каретушки да со темной.

Откуль-не-откуль да доброй конь бѣжить,

Онъ со всей сбруей да съ лошадиной,

Онъ со палицей да со булатной.

На кони теперь да молодецъ сидитъ,

Молодецъ сидитъ Егорей Свѣтохрабрый.

Пріѣзжалъ Егорій ко дѣвицушки,

Говорить Егорій таковы слова:

— Для тебя, дѣвица, притомилъ коня,

— Ты садись со мной да на зеленой лугъ.

И заснулъ Егорій нонъ во крѣпкій сонъ.

Стало морюшко да колыбаться,

Стали омуты да подниматься.

Говорить змѣя да таковы слова:

— Слава Богу, слава Господу:

— Три головушки да во съядѣніе —

— Аще первая глава да лошадиная,

— Дви головушки да человѣческихъ! —

Аще тутъ дѣвица прирасплакалась,
 Выпала слезинка на бѣло лицо,
 На бѣло лицо Егорью Свѣтохраброму.
 И проснулся свѣтъ да со крѣпкаго сна.

Онъ встаетъ на ножки рѣзвья,
 Говоритъ змѣѣ да таковы слова:

— Ты не радуйся, да змѣя лютая!

— Не твои это головушки во съядѣніе

— Ужъ ты стань, змѣя, да тиха-кротка,

— Тиха-кротка да что скотинѣнка!

— А не станешь ты тиха-кротка,

— Тиха-кротка да что скотининка,

— Я сожгу тебя да нонѣ на пепелокъ! —

Онъ бралъ, Егорій, да змѣю да въ бѣлы руки,

Привязалъ онъ, свѣтъ, на шелковъ поясъ,

Подаетъ змѣю дѣвицы во бѣлы руки.

— Принимай, дѣвица, змѣи-лютыя,

— Ты сведи змѣю да нынѣ лютую,

— Ты сведи змѣю да въ Арахлинъ-городъ,

— Привяжи змѣю да ко родительску,

— Да ко крылеченку да ко переному,

— Да ко колеченку да золоченому,

— Говори отцу, своему отцу да ты родителю:

— Ужъ вы вѣруйте вѣру хресъянскую,

— Вы молитесь да самому Христу,

— Самому Христу, Царю небесному!

— Вы состройте церковь богомольною!

— Какъ состройте церковь богомольною,

— Я сведу змѣю да ко синю-морю,

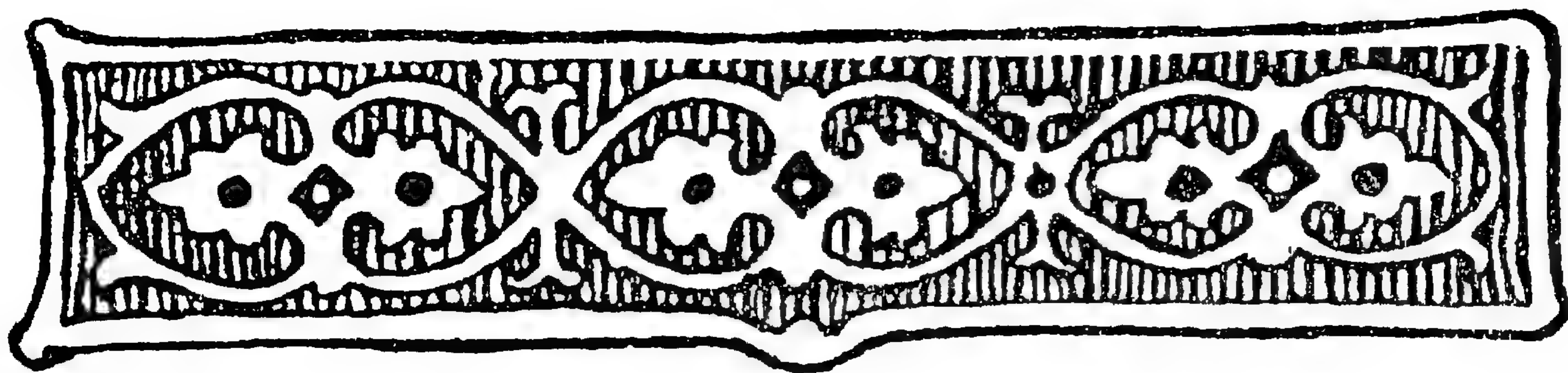
— Распущу змѣю я на малыя да на гаденыши,

- Я на тоненьки на веретенши.
- Распущу змѣю да по всей Русіи.
- Не состроите церковь богомольною,
- Я спущу змѣю да взадъ по старому! —

Говоритъ-то ей Агапій царь:

- Ай же ты, едина дочи, Елисавія да Агапіевна!
- Не спусти змѣю да взадъ по старому!
- Я сострою три церкви богомольныя
- Не по своему да по хотѣнью,
- А по вашему да по велѣнью,
- Ужъ мы перву — Егорью Свѣтохрабромъ,
- Ужъ мы другу — Миколѣ Святителю,
- Ужъ мы третью — самому Христу-Царю
небесному!
- Будемъ вѣровать вѣру хрестыанскую,
- Оставимъ-ка вѣру проклятую! —

Егорій храбрый.

Во святой землѣ, православной,
Нарождается желанное дѣтище
У тоя ли Премудрыя Софіи;
И нарекаетъ она по имени
Свое-то дѣтище Георгій,
Во прозваньицу Храбрый.
Возрастаетъ Георгій Храброй
Промежъ трехъ родныхъ сестеръ,
Отъ добра дѣла не отходячи,
Святымъ словомъ огражаючи,
Міру крещеному угожаючи.
Какъ и сталъ онъ, Георгій Храброй,
Во матеръ возрастъ приходити,
Умъ-разумъ спознавати,
И учалъ онъ во тѣ поры
Думу крѣпкую оповѣдати
Своей родимой матушкѣ,
А и ей ли, премудрой Софіи:
— Соизволь, родимая матушка,
— Осударыня Премудрая Софія,
— Ъхать мнѣ ко землѣ свѣтло-русской
— Утверждать вѣры христіанскія. —

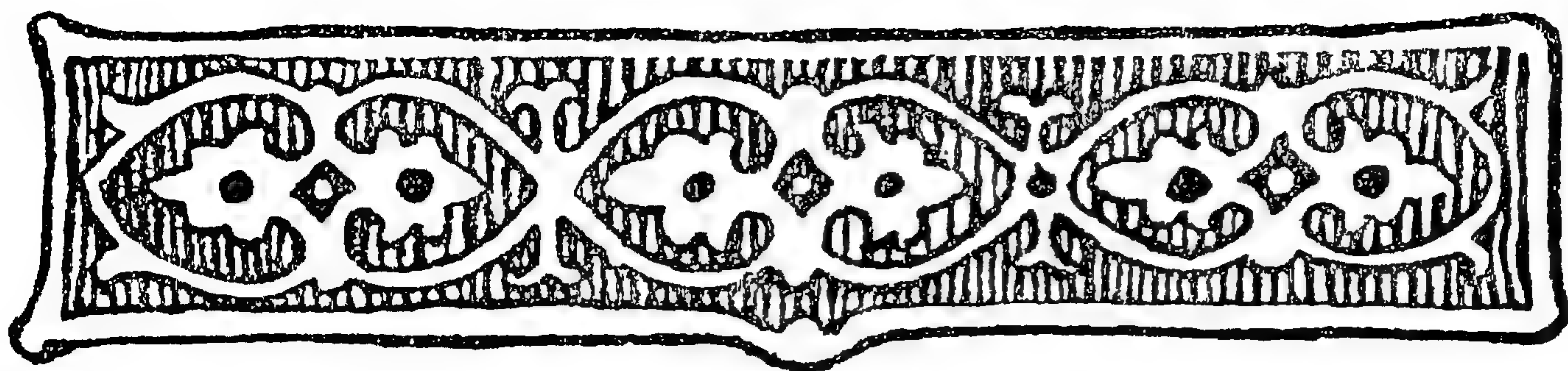
И даетъ ему родимая матушка,
 Она ли осударыня Премудрая Софія,
 Свое благословленіе великое:
 Ъхать ко той землѣ свѣтло-русской,
 Утверждать вѣры христіанскія.
 Ъдетъ онъ, Георгій Храброй,
 Ко той землѣ свѣтло-русской,
 Отъ востока да запада поѣзжаючи,
 Святую вѣру утверждаючи,
 Бесерменскую вѣру побѣждаючи.
 Наѣзжаетъ онъ, Георгій Храброй,
 На тѣ лѣса на темные,
 На тѣ лѣса на дремучіе;
 Хочетъ онъ, Георгій, туто проѣхати,
 Хочетъ онъ, Храброй, туто проторити;
 Нельзя Георгію туто проѣхати,
 Нельзя Храброму туто подумати.
 И Георгій Храброй проглаголуеъ:
 — Ой вы, лѣса, лѣса темные;
 — Ой вы, лѣса, лѣса дремучіе!
 — Зароститесь, лѣса темные!
 — По всей землѣ свѣтло-русской,
 — Раскиньтєся, лѣса дремучіе,
 — По крутымъ горамъ по высокіимъ,
 — По Божьему все велѣнью,
 — По Георгіеву все моленью! —
 По его слову, Георгіеву,
 По его ли, Храбраго, моленію,
 Заростали лѣса темные
 По святой землѣ свѣтло-русской,

Раскидалися лѣса дремучіе
 По крутымъ горамъ, по высокіимъ.
 Наѣзжаетъ онъ, Георгій Храброй,
 На тѣ горы на высокія,
 На тѣ холмы на широкіе;
 Хочетъ онъ, Георгій, туто проѣхати,
 Хочетъ онъ, Храброй, туто проторити;
 Нельзя Георгію туто проѣхати,
 Нельзя Храброму туто подумати.
 И Георгій Храброй проглаголуеъ:
 — Ой вы, горы, горы высокія!
 — Ой вы, холмы, холмы широкіе!
 — Разсыпьтеся, горы высокія,
 — По всей землѣ свѣтло-русской,
 — Становитесь, холмы широкіе,
 — По степямъ-полямъ зеленыимъ,
 — По Божьему все велѣнію,
 — По Георгіеву все моленію! —
 По его ли слову, Георгіеву,
 По его ли, Храбраго, моленію,
 Разсыпалися горы высокія
 По всей землѣ свѣтло-русской,
 Становилися холмы широкіе
 По степямъ-полямъ зеленыимъ.
 Наѣзжаетъ онъ, Георгій Храброй,
 На тѣ на моря глубокія,
 На тѣ рѣки на широкія;
 Хочетъ онъ, Георгій, туто проѣхати,
 Хочетъ онъ, Храбрый, туто проторити:
 Нельзя Георгію туто проѣхати,

Нельзя Храбромѹ тутѡ подумати.
 И Георгій Храброй проглаголуеть:
 — Ой вы, моря, моря глубокія!
 — Ой вы, рѣки, рѣки широкія!
 — Потеките, моря глубокія,
 — По всей землѣ свѣтло-русской,
 — Побѣгите, рѣки широкія,
 — Отъ востока и до запада,
 — По Божьему все велѣнію,
 — По Георгіеву все моленію! —
 По его слову ли, Георгіеву,
 По его ли, Храбраго, моленію,
 Протекали моря глубокія
 По всей землѣ свѣтло-русской,
 Пробѣгали рѣки широкія
 Отъ востока да и до запада.
 Наѣзжаетъ онъ, Георгій Храброй,
 На тѣхъ на звѣрей на могучіихъ,
 На тѣхъ на звѣрей на рогатыхъ;
 Хочетъ онъ, Георгій, тутѡ проѣхати,
 Хочетъ онъ, Храброй, тутѡ проторити:
 Нельзя Георгію тутѡ проѣхати,
 Нельзя Храбромѹ тутѡ подумати.
 И Георгій Храбрый проглаголуеть:
 — Ой вы, звѣри, звѣри могучіе!
 — Ой вы, звѣри, звѣри рогатые!
 — Заселитесь, звѣри могучіе,
 — По всей землѣ свѣтло-русской,
 — Плодитесь, звѣри рогатые,
 — По степямъ-полямъ безъ числа,

— По Божьему все велѣнію,
 — По Георгіеву все моленію! —
 И онъ, Георгій Храброй, заповѣдуетъ
 Всѣмъ звѣрямъ могучіимъ,
 Всѣмъ звѣрямъ рогатыимъ:
 — А и есть про васъ на съѣдомое
 — Во поляхъ трава муравчата,
 — А и есть про васъ на пойлицо
 — Во рѣкахъ вода студеная. —
 По его ли слову, Георгіеву,
 По его ли, Храбраго, моленію,
 Заселялися звѣри могучіе
 По всей землѣ свѣтло-русской,
 Плодилися звѣри могучіе
 По степямъ-полямъ безъ числа,
 Они пьютъ-ѣдятъ повелѣнное,
 Повелѣнное, заповѣданное
 Отъ него, Георгія Храбраго.
 Наѣзжаетъ онъ, Георгій Храброй,
 На то стадо на змѣиное,
 На то стадо на лютое;
 Хочетъ онъ, Георгій, туто проѣхати,
 Хочетъ онъ, Храброй, туто проторити, —
 И стадо змѣиное возговоритъ
 Ко тому ли Георгію Храброму:
 — Али ты, Георгій, не вѣдаешь,
 — Али ты, Храброй, не знаешь:
 — Что та земля словомъ заказана,
 — Словомъ заказана, заповѣдана?
 — По той землѣ заповѣданной

— Пѣшъ человѣкъ не прохаживалъ,
 — На коню никто не проѣзживалъ.
 — Уйми ты, Георгій, своего коня ретиваго,
 — Воротися ты, Храброй, назадъ. —
 Вынималъ Георгій саблю острую,
 Нападалъ Храброй на стадо змѣиное.
 Ровно три дня и три ночи
 Рубить-колетъ стадо змѣиное;
 А на третій день ко вечеру
 Посѣкъ-порубилъ стадо лютое.
 Наѣзжаетъ онъ, Георгій Храброй,
 На ту землю свѣтло-русскую,
 На тѣ поля, рѣки широкія,
 На тѣ высоки терема, златоверхіе.
 Хочетъ онъ, Георгій, туто проѣхати,
 Хочетъ онъ, Храброй, туто проторити.
 Какъ и тутъ ли ему, Георгію,
 Выходятъ на встрѣчу красны дѣвицы,
 Какъ и тутъ ли ему, Храброму, проглаголютъ:
 — А и тебя ли мы, Георгій, дожидаячись,
 — Тридцать три года не вступаючи
 — Съ висока терема златоверхаго,
 — А и тебя ли мы, Храбраго, дожидаячись,
 — Держимъ на роду великъ обѣтъ:
 — Отдать землю свѣтло-русскую,
 — Принять отъ тебя вѣру крещеную. —
 Пріимаетъ онъ, Георгій Храброй,
 Ту землю свѣтло-русскую
 Подъ свой великъ покровъ,
 Утверждаетъ вѣру крещеную
 По всей землѣ свѣтло-русской.

Борисъ и Глѣбъ.

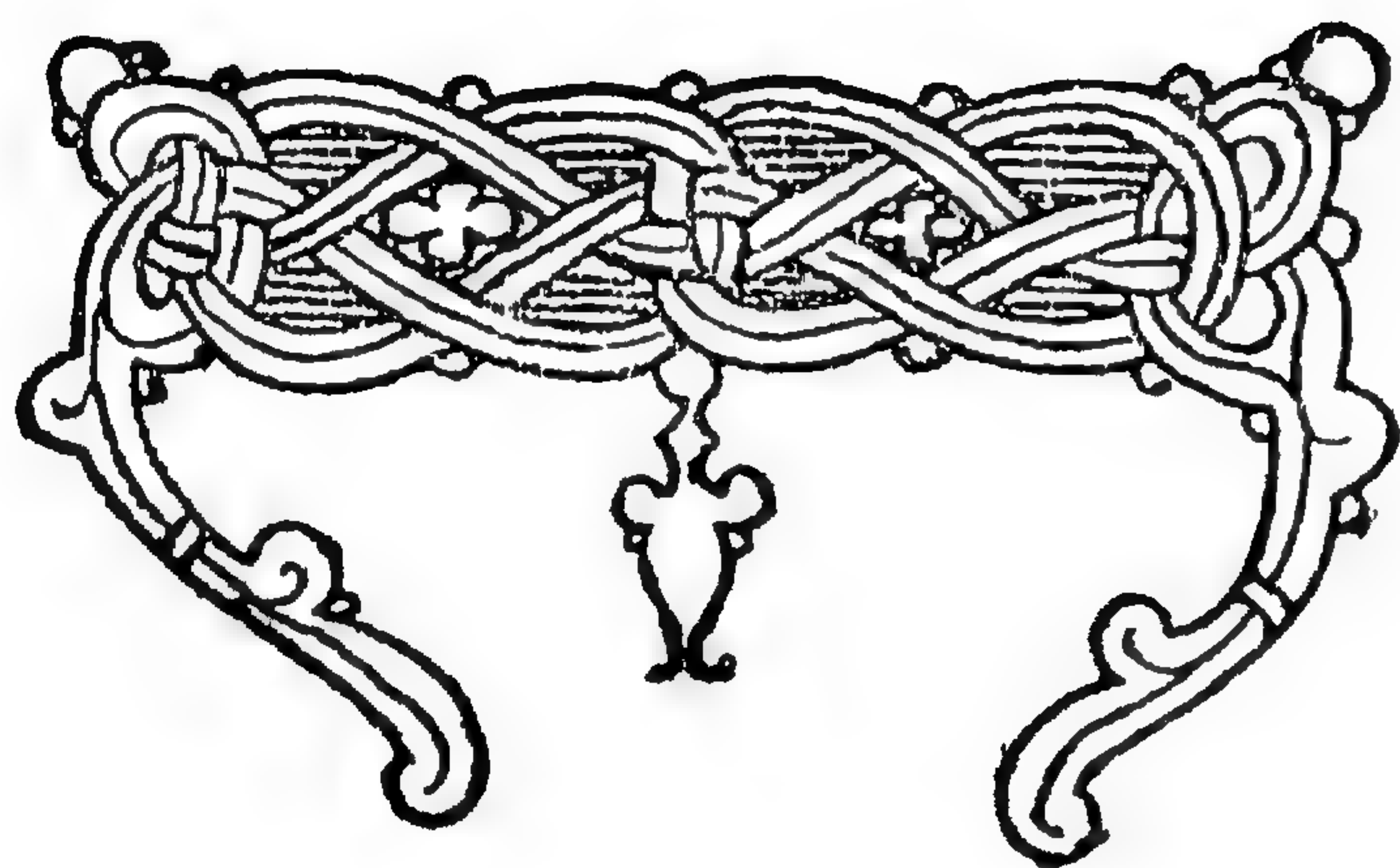
Со восточнаго держанія,
Во славномъ Кіевѣ градѣ,
А жилъ себѣ Володиміръ князь,
Имѣлъ себѣ да трехъ сыновъ,
А трехъ сыновъ возлюбленныхъ:
Старѣйшій братъ, Святополкій князь,
А меньшіе Борисъ и Глѣбъ.
Живши-бывши, Володиміръ князь
Сталъ своихъ чадовъ благословляти,
Удѣльными градами надѣляти.
Доставался Черниговъ градъ
Старѣйшему брату Святополкію,
А двумъ братьямъ Борису и Глѣбу
Словесный Кіевъ градъ.
Живши-бывши Владиміръ князь,
Во домѣ своемъ переставился.
Чада его возлюбленны
Со славой его, свѣта, погребали,
Погребали, похороняли.
Разъѣзжались въ разныя страны:
Старѣйшій братъ въ Черниговъ градъ,
А меньшіе братья, два брата Борисъ и Глѣбъ,

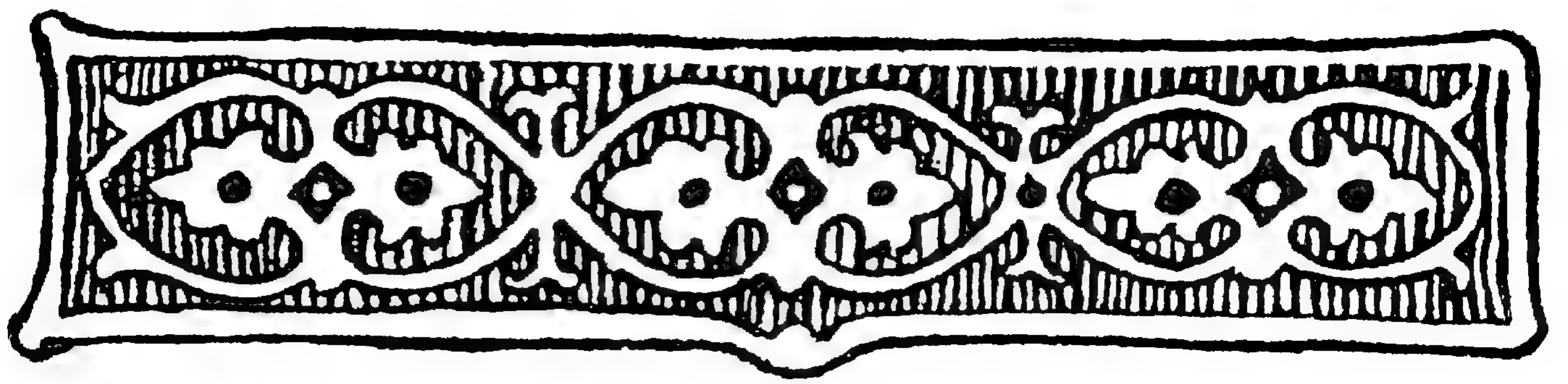
Во славный Кіевъ градъ.
 Живши-бывши, старѣйшій братъ,
 Живши-бывши, Святополкій князь
 Въ умѣ своемъ разумѣ смѣшался.
 Онъ пишетъ князь злописаніе
 Двумъ братьямъ Борису и Глѣбу:
 — А меньшіе вы мои братіе,
 — Святые князья вы благовѣрные,
 — Два брата Бориса и Глѣба!
 — Прошу я васъ на пиръ къ себѣ,
 — Почестный вамъ пиръ пировати,
 — Отца въ моемъ домѣ поминати. —
 Послы его приходяжали,
 Посыльный листъ приношали
 Двумъ братьямъ Борису и Глѣбу.
 Два брата Бориса и Глѣба
 Посыльный листъ принимали,
 Передъ матушкой прочитали;
 Начали плакати-рыдати,
 А жалобнымъ гласомъ причитати.
 Имъ матушка говорила:
 — Чада мои возлюбленны,
 — Святые князья благовѣрные,
 — Два брата Борисе и Глѣбе!
 — Не ѣздите къ большому брату въ гости,
 — Къ старѣйшему брату Святополкію:
 — Святополкій князь ненавистный-злой,
 — Не на пиръ онъ васъ зоветъ пировати,
 — Не отца въ своемъ домѣ поминати,
 — Онъ хочетъ, злой, затребити,

— Всею Россей завладати,
 — Со всѣми со удѣльными городами,
 — Со всѣми со вѣрными со слугами. —
 Они матушки не слушались,
 Садились на добрыхъ коневъ,
 Поѣхали къ большому брату въ гости.
 Святополкій князь, ненавистный-злой,
 Не въ домѣ онъ братіевъ встрѣчаетъ,
 Встрѣчаетъ далече въ чистомъ полѣ,
 Свирѣпо на братьевъ взираетъ,
 Онъ зрѣтъ на нихъ, яко разбойникъ.
 Два брата Бориса и Глѣба
 Видють они напасть свою,
 Слѣзали со добрыхъ коневъ,
 Упали большому брату въ ноги,
 Старѣйшему брату Святополку;
 Борисъ упалъ въ правую ногу,
 А Глѣбъ упалъ во лѣвую;
 Начали плакати-рыдати,
 А жалобнымъ гласомъ причитати:
 — Любимый нашъ старѣйшій братъ,
 — Старѣйшій братъ, набольшій князь!
 — Не срѣжь наши главы незрѣлыя,
 — Не пролей ты крови христіанской понапрасно,
 — Возьми ты насъ къ себѣ въ рабы,
 — Работай ты нами, какъ рабами! —
 Набольшій князь, ненавистный-злой,
 Ни на что, злодѣй, онъ не взираетъ,
 Ни на плаканье, ни на рыданье,
 Ни на жалобное причитанье:

Борису взялъ — копье вружилъ,
А Глѣба взялъ — ножомъ зарѣзалъ;
А тѣ тѣла, Борисово,
Борисово и Глѣбово,
Повелѣлъ въ темны лѣса затощати,
На разны колоды разложить.
Садился злой на добрый конь;
Онъ ѣздитъ, самъ похвалялся:
— Топерича вся наша Росея
— Со всѣми со удѣльными городами,
— Со всѣми со вѣрными со слугами! —
Господь хвалы не слушаетъ:
Сослалъ Господь да двухъ ангеловъ
Со копѣемъ, со вострымъ;
Повелѣлъ Господь землю подрѣзати,
Подрѣзати и потрясати;
Земля съ кровію смѣшалася,
Какъ въ синіемъ морѣ волны.
А тѣ мощи, Борисово,
Борисово и Глѣбово,
Лежали они ровно тридцать лѣтъ:
Ни звѣрь ихъ, ни птица не тронула,
Ни солнечное восхожденіе,
Ни мрачное попеченіе.
Явилось явленіе
Отъ земли есть и до неба,
Явился столбъ бѣлый-каменный;
Къ тому столбу бѣлу-каменну
Сходилися-сѣзжались
Цари и славны патріархи,

И всѣ православные христіане;
Служили молебны почестны
Тѣмъ тѣламъ, Борису и Глѣбу.
Поемъ славу Борисову,
Борисову и Глѣбову,
Во вѣкъ ихъ слава не минуется,
И во вѣки, аминь.

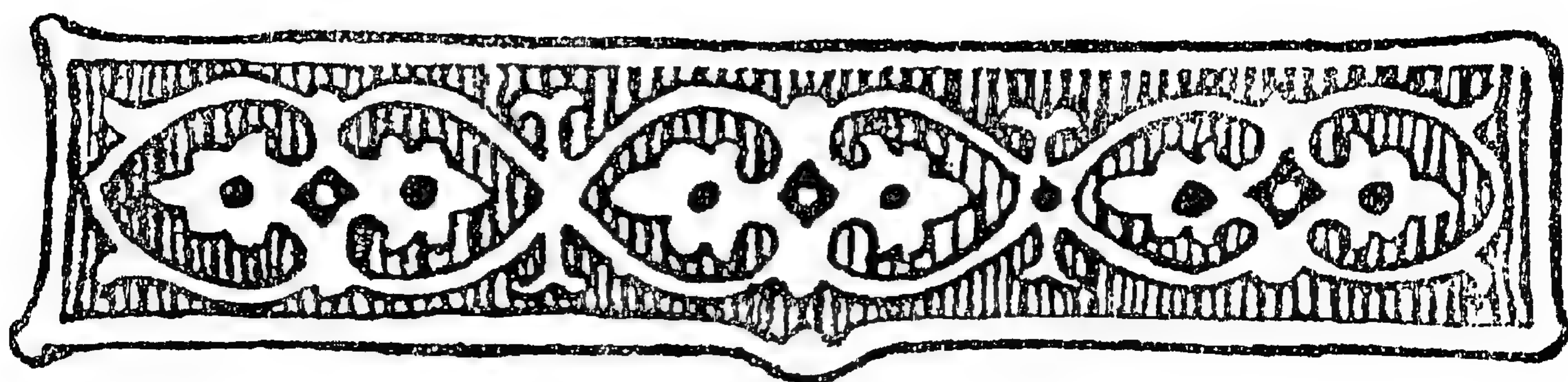

Къ плоти.

Плоть моя невоздержанная,
Я боюсь тебя: погубишь меня,
Выгонишь изъ темныхъ лѣсовъ,
Изъ темныхъ лѣсовъ изъ дремучихъ,
Изъ зеленой изъ дубровушки,
Изъ прекрасной изъ пустынюшки.
Не унывай, душе моя многогрѣшная,
Уповай, душе моя, на Господа,
И на Спаса Вседержителя,
И на Мать Божию, Богородицу,
И на Ангела на хранителя!
Подъ моремъ, подъ землею,
Мучатся души грѣшныя,
Онѣ мучатся и день и ночь,
Онѣ плачутся — что рѣки льются,
Возрыдають — что ручьи ревутъ:
— Есть ли у насъ отецъ и мать?
— Есть ли у насъ и братъ и сестра?
— Есть ли у насъ и родъ и племя?
— Повѣдали-бы имъ муку вѣчную.
— Тошно намъ въ огнѣ горѣть,
— Грустно намъ въ смолѣ кипѣть,

— Еще тово тошнѣй — черви точать,
 — Всего то тошнѣй — діавола зрѣть. —
 Какъ расплачется и растужится
 Мать сыра-земля передъ Господомъ:
 — Тяжело-то мнѣ, Господи, подъ людьми стоять,
 — Тяжелѣй того — людей держать,
 — Людей грѣшныхъ беззаконныхъ,
 — Кои творять грѣхи тяжкіе,
 — Досады чинятъ отцу, матери,
 — Убійства и татьбы дѣють страшныя,
 — Повели мнѣ, Господи, разступитися,
 — И пожрать люди-грѣшницы, беззаконницы. —
 Отвѣщаетъ земли Ісусъ Христосъ:
 — О мати ты, мать-сыра земля!
 — Всѣхъ ты тварей хуже осужденная,
 — Дѣлами человѣческими оскверненная!
 — Потерпи еще время моего пришествія страшнаго
 — Тогда ты, земле, возрадуйся,
 — Убѣлю тебя снѣгу бѣлѣй,
 — Прекрасный рай проращу на тебѣ,
 — Цвѣты райскія пушу по тебѣ,
 — Люди моя избранная, веселитесь во вѣки!

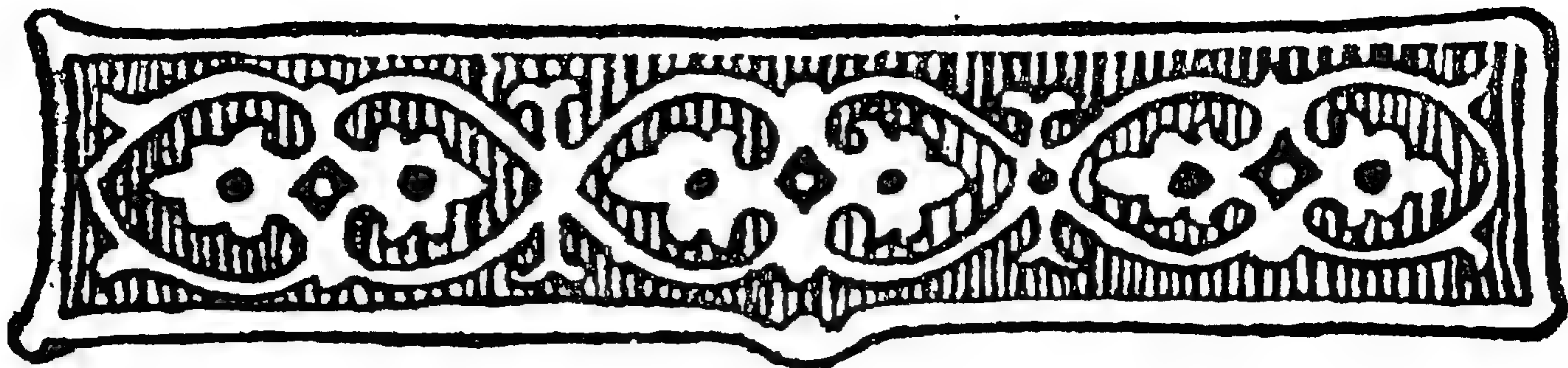

Въ неволѣ на чужой сторонѣ.

Не отъ пламечка, не отъ огничка
Загоралася въ чистомъ полѣ ковыль-трава;
Добирался огонь до бѣлаго до камешка;
Что на камешкѣ сидѣлъ младъ ясенъ соколъ.
Подпалило-то у ясна сокола крылья быстрыя;
Ужъ какъ пѣшь ходитъ младъ ясенъ соколъ по
чисту полю.

Прилетали къ ясну соколу черны вороны;
Они граяли, смѣялись ясну соколу;
Называли они ясна сокола вороною:
Ахъ, ворона ты, ворона, младъ ясенъ соколъ!
Ты зачѣмъ, зачѣмъ, ворона, залетѣла здѣсь?
Отвѣтъ держать младъ ясенъ соколъ чернымъ
воронамъ:

Вы не грайте, вы не смѣйтесь, черны вороны;
Какъ отрощу я свои крылья соколиныя,
Поднимусь-то я, младъ ясенъ соколъ,
высокошенько,
Высокошенько поднимусь я, младъ ясенъ соколъ,
по поднебесью;
Опущусь я, младъ ясенъ соколъ, по сырой землѣ,
Разобью я ваше стадо, черны вороны,

Сорокъ каликъ со каликою.

Собиралося сорокъ каликъ со каликою,
Самъ атаманъ Ёома сударь Ивановичъ.
Собиралися калики на зеленый лугъ,
Садилися калики во единый кругъ,
И думаютъ думушку добрую,
И совѣтуютъ совѣты хорошіе:
Итти ко городу Еросолиму,
Ко святой святынѣ помолиться,
Ко Господню гробу приложиться.
И положили они заповѣдь великую:
— Кто обворуетъ али въ блудъ войдетъ, —
— Бить клюхами каличьима,
— Тянуть языкъ со теменемъ,
— И копать очи ясныя косицами,
— И копать во сыру землю по бѣлымъ грудямъ, —
И пошли они, — котомочки бархатны,
Изъ чернаго бархата заморскаго,
И повышили краснымъ золотомъ,
И повысадили скатнымъ жемчугомъ;
У котомочекъ лямочки семи шелковъ;
На ножкахъ сапожки турецъ-сафьянъ;
На головушкахъ шляпы земли греческой;

И взяли они по камушку-яхонту.
 И скоро калики въ походъ пошли,
 День идуть по красному по солнышку,
 Ночь идуть по камушку-яхонту,
 И выходили они на чисто поле,
 И садилися они въ единый кругъ,
 Думали думушку добрую,
 Совѣтують совѣты хорошіе:
 Зайти ко городу ко Кіеву,
 Поѣсть-попить, хлѣба покушати.
 И приходили ко городу ко Кіеву,
 И закричали калики громкимъ голосомъ:
 — Свѣтъ ты, надежда, князь Владиміръ стольно-
 Кіевскій!

— Пошли мы ко Еросолиму,
 — А зашли ко городу ко Кіеву
 — Поѣсть-попить, хлѣба покушати. —
 И тая бѣда учинилася:
 Дома князя не случилось.
 Выходила Опракса королевична,
 Бьетъ челомъ, поклоняется:
 — Ай-же вы, калики перехожіе!
 — Пойдите въ столовую богатырскую
 — Поставлю столы дубовые,
 — Постелю скатерти браныя,
 — И дамъ вамъ ѣствушекъ сахарныхъ,
 — И дамъ питьецевъ медвяныхъ:
 — Ъшьте до сыта и пейте до любви! —
 И шли во столовую богатырскую:
 Поставили имъ столы дубовые,

Постлали скатерти браныя,
 Поставили ѣствушекъ сахарныхъ
 И дали питьецевъ медвяныхъ:
 Ёли калики до сыта и пили до любви,
 И много они благодарствуютъ:
 — Благодарствуешь, Опракса королевична,
 — За хлѣбъ за соль, за всѣ кушанья. —
 Дарила ихъ Опракса королевична
 Чистымъ серебромъ и краснымъ золотомъ,
 А самого-то атамана скатнымъ жемчугомъ.
 И проговорить Опракса королевична:
 — Ай же ты, атаманъ, сударь, Ёома сударь
Ивановичъ!
 — Мнѣ-ка ты, Опраксѣ, во любовь пришелъ. —
 Проговорить Ёома сударь Ивановичъ:
 — Ай же ты, Опракса королевична!
 — Пошли мы ко городу Еросолиму
 — И положили заповѣдь великую:
 — «Кто обворуетъ, кто во блудъ войдетъ,
 — «Бить клюхамы каличьима,
 — «Тянуть языкъ со теменемъ,
 — «И копать очи ясныя косицамы,
 — «И копать во сыру землю по бѣлымъ
грудьямъ.» —

Эты ей рѣчи не слюбилися,
 И скорешенько бѣжить въ особливъ покой,
 И хватаетъ чашу княженецкую,
 И положила въ сумочки каличи.
 И скоро калики въ походъ пошли,
 И выходили на чисто поле,

Садились калики во единый кругъ,
 И тутъ калики порасхвастались:
 — Были во городъ во Кіевъ,
 — Кормила насъ Опракса королевична,
 — Дарила насъ чистымъ серебромъ,
 — А самого атамана скатнымъ жемчугомъ. —
 И проговорить Опракса королевична:
 — Ъсть да пить, — такъ во Кіевъ,
 — А постоять за Кіевъ, — такъ некому! —
 Повыскочить Чурилушка сынъ Пеленковичъ:
 — Ай же ты, Опракса королевична!
 — Пойду я ко кругу каличьему.
 — Сдѣлаю обыски великіе
 — Я отыщу чашу княженецкую. —
 И приходитъ къ кругу каличьему,
 Не бьетъ челомъ, не поклоняется,
 И говоритъ не съ упадкою:
 — Ай же вы, калики перехожіе!
 — Были вы во градъ во Кіевъ,
 — Ъли-пили, много хлѣба стрескали,
 — И украли чашу княженецкую:
 — Сдѣлайте обыски великіе
 — И отыщите чашу княженецкую. —
 Эты имъ рѣчи не слюбилися,
 Скочили калики на рѣзвы ноги
 И въ за-горбъ ему клюхамы натыкали:
 — Пойди ко городу ко Кіеву
 — И неси на насъ жалобу великую. —
 И приходитъ Чурила сынъ Пленковичъ:
 — Ай же ты, Опракса королевична!

— А не калики есть, все воры-грабители. —
 Проговорить Опракса королевична:
 — Ъсть да пить, — такъ во Кіевѣ,
 — А постоять за Кіевъ, — такъ некому! —
 Повыскочить Алеша Поповичъ сынъ Ивановичъ:
 — Ай-же ты, Опракса королевична!
 — Пойду я ко кругу каличьему,
 — Сдѣлаю обыски великіе
 — И отыщу чашу княженецкую. —
 И приходитъ къ кругу каличьему,
 Не бьетъ челомъ, не поклоняется,
 И говоритъ не съ упадкою:
 — Ай же вы, калики перехожіе!
 — Были вы во городѣ во Кіевѣ,
 — Ъли-пили, много хлѣба стрескали,
 — И украли чашу княженецкую:
 — Сдѣлайте обыски великіе
 — И отыщите чашу княженецкую. —
 Эты имъ рѣчи не слюбились,
 Скачили калики на рѣзвы ноги
 Наклескали по-за-горбу долонями:
 — Пойди ко городу ко Кіеву
 — И неси на насъ жалобу великую. —
 И приходитъ ко Опраксы королевичной:
 — Ай же ты, Опракса королевична!
 — А не калики есть, все воры-грабители. —
 Проговорить Опракса королевична:
 — Ъсть да пить, — такъ во Кіевѣ,
 — А постоять за Кіевъ, — такъ некому! —
 Повыскочить Добрыня Никитичъ:

— Ай же ты, Опракса королевична!
 — Пойду я къ кругу каличьему,
 — Сдѣлаю обыски великіе
 — И отыщу чашу княженецкую. —
 И приходитъ къ кругу каличьему,
 И бьетъ челомъ, поклоняется:
 — Ай же вы, калики перехожіе!
 — Были вы во городъ во Кіевъ,
 — Ъли-пили, хлѣба кушали,
 — У насъ чаша княженецкая затерялася:
 — Сдѣлайте обыски великіе,
 — Отыщите чашу княженецкую. —
 Сдѣлали обыски великіе,
 Отыскали чашу княженецкую
 У того атамана Ѡомы сударь Ивановича.
 И били его клюхамы каличьима,
 И копали очи ясныя косицами,
 И тянули языкъ со теменемъ,
 И копали въ сыру землю по бѣлымъ грудямъ.
 И пошли оны, калики, по чисту полю.
 Напустилъ Господь на ясны очи:
 И пошли они по чисту полю
 Не дорогою, бездорожицею.
 А за его, Ѡомы, правду великую
 Послалъ Господь съ небеси двухъ ангеловъ,
 И вложили душеньку въ бѣлы груди,
 И приставили очи ясныя къ бѣлу лицу,
 И пошелъ атаманъ Ѡома сударь Ивановичъ по
 чисту полю.
 И ходять калики — кричатъ по чисту полю,

Не дорогою ходять, бездорожицею.

Закричалъ Оома сударь Ивановичъ:

— Ай-же вы, калики перехожіе!

— Что же вы ходите не дорогою, — бездоро-
жицей? —

И кричатъ всѣ калики громкимъ голосомъ:

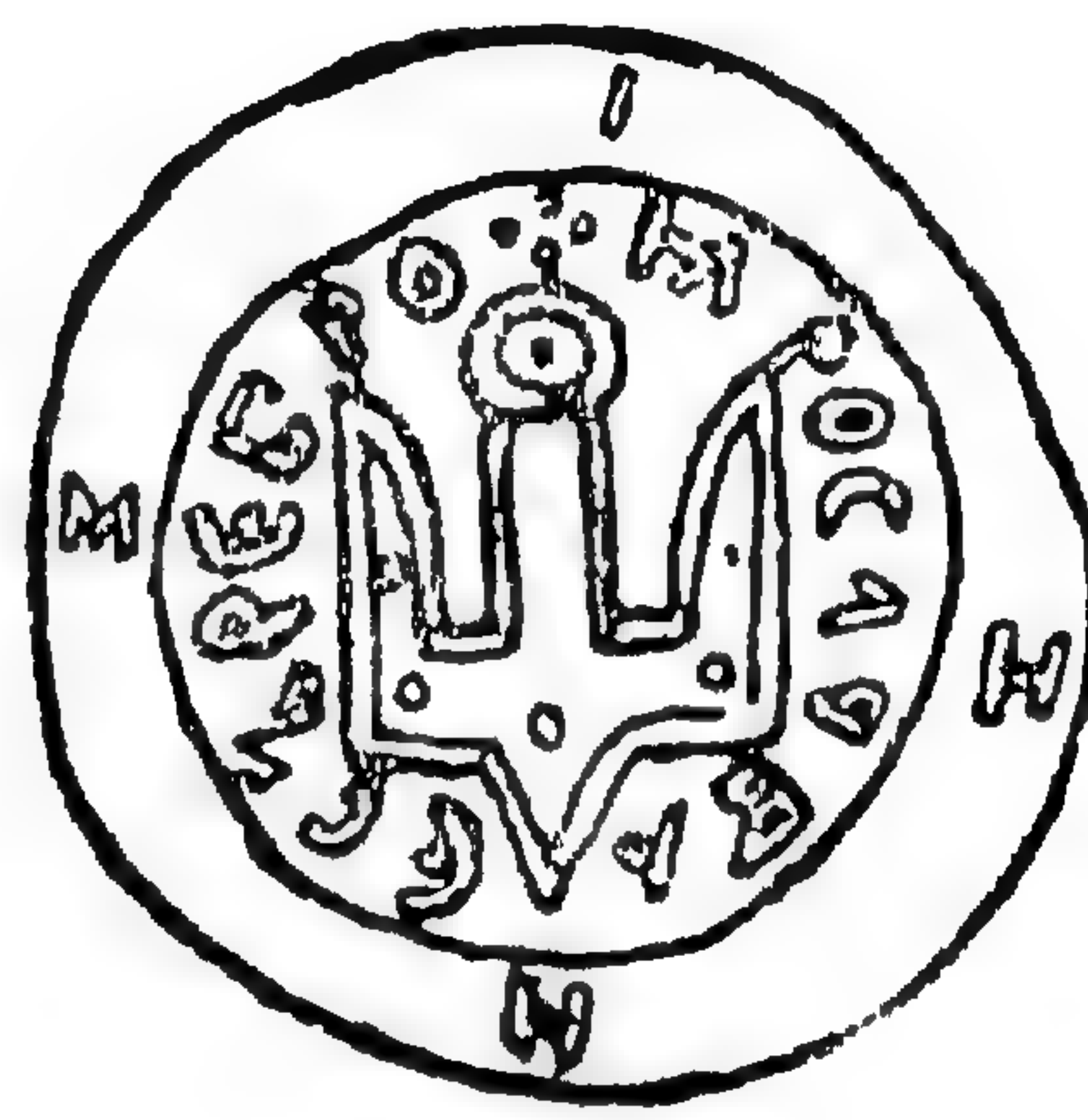
— Ай же ты, Оома сударь Ивановичъ!

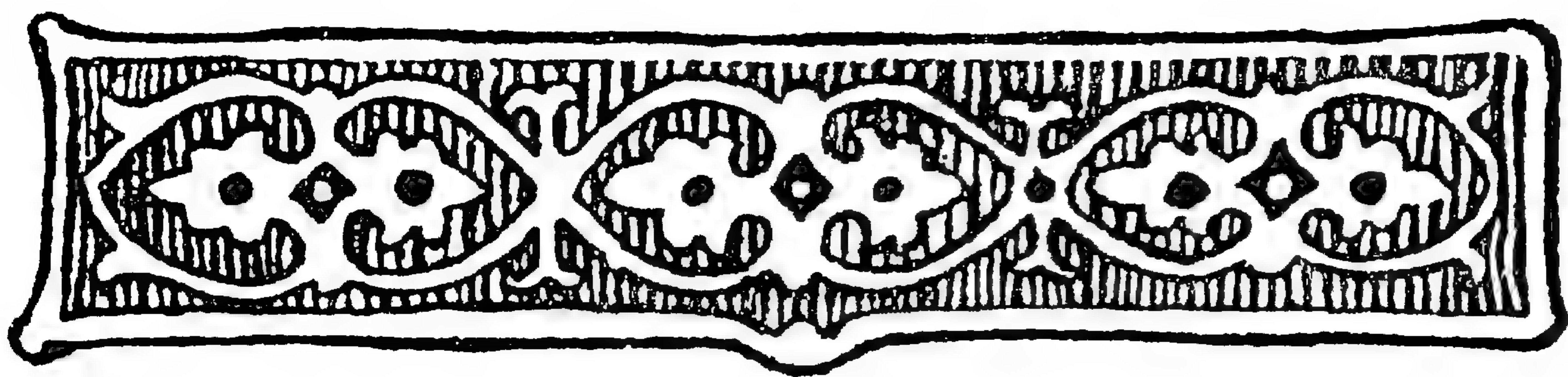
— За твою за правду за великую

— Вложилъ тебѣ Господь душу въ бѣлы груди,

— А за нашу за неправду за великую

— Напустилъ темень на ясны очи.

Иосифъ прекрасный странникъ.

Быль.

Во славномъ было во гради во Израилѣ,
Жилъ-быль благовѣрный мужъ Яковъ.

Имѣлъ онъ дванадесять сыновей.

Старѣйшая большая братья,

Всегда оны въ поли пребывали,

На горахъ оны козловъ, овецъ пасоша,

Меньшій юношъ молодой,

Именемъ же Осипъ Прекрасный,

Завсегда онъ въ своемъ домѣ пребываетъ,

Отца своего Якова спотѣшаетъ

Своей великой красотою,

Своей отличной лѣпотою.

Речетъ же старѣйшій отецъ Яковъ:

— Юношъ ты мой молодой,

— Именемъ же Осипъ Прекрасный!

— Поди въ чисто поле къ своей братьи,

— Снеси ты имъ хлѣба на трапезу,

— Снеси имъ родительско прощенье,

— Снеси отъ меня благословенье,
 — Чтобы жили бы братья въ совѣти,
 — Во совѣти жили бы, во любви,
 — Другъ друга оны бы любили,
 — Одинъ одного бы почитали,
 — За едино хлѣбъ-соль воскушали. —
 Тутъ его юношъ молодой,
 Именемъ же Осипъ Прекрасный,
 Одѣвалъ онъ свою цвѣтную ризу,
 Скоро изъ палатъ онъ истекаетъ,
 Приходилъ онъ въ чисто поле къ своей брати,
 Предъ братіей Осипъ становился,
 Миромъ своей братіи сказуетъ:
 — Старѣйшая большая братья!
 — Принесъ я вамъ хлѣба на трапезу,
 — Принесъ вамъ родительско прощенье,
 — Принесъ вамъ родительско благословенье.
 — Живите вы, братія, во совѣти,
 — Во совѣти живите, во любви,
 — Другъ друга вы любите,
 — Одинъ одного почитайте,
 — За едино хлѣбъ-соль воскушайте.
 — Ай же вы, старѣйшая большая братья!
 — Грозень мнѣ-ка сонъ показался:
 — Какъ будто мы въ полѣ пребывали
 — На трудной на крестьянской на работѣ.
 — По снопу пшена мы всѣ выжинали,
 — Мой снопъ красивѣе всѣхъ, больше,
 — Вашья снопы къ ему приклонивши. —
 Старѣйшая большая братья,

Свирѣпо оны на Осипа взирали,
 Всѣ оны зубамы скрежетали:
 — Ай же ты, нашъ меньшій братъ Осипъ!
 — Неужель ты надъ нами будешь царемъ,
 — Неужель мы тебѣ будемъ поклоняться? —
 Съ яростію Осипа взымали,
 Оны начали его бить безпощадно,
 Цвѣтну съ его ризу скидавали,
 Во глубокій ровъ Осипа вверзили,
 Желтыма песками засыпали.
 Оны взяли козла, закололи,
 Изъ козла оны кровь источили,
 Во козелью кровь ризу замарали.
 Рече тутъ старѣйшая большая братья:
 — Какъ буде отцу Якову сказати,
 — Какъ буде Израиля обманути?
 — Ай же ты, нашъ меньшій братъ Веніамине!
 — Поди ты домой къ отцу Якову,
 — Снеси ты эту Осипову ризу,
 — Обмани ты старѣйшаго отца Якова,
 — Принеси ты намъ хлѣба на трапезу,
 — Принеси ты намъ родительско прощенье,
 — Принеси ты намъ родительско благосло-
 вленье. —

Меньшій братъ Веніамине
 На руки онъ ризу принимаетъ,
 Пришедши домой къ отцу Якову,
 Со слезамы горестно сказуетъ:
 — Старѣйшій отецъ нашъ Яковъ!
 — Прими ты эту цвѣтную ризу:

- Цвѣтная риза есть Осипа.
- Нашли мы эту ризу на горахъ:
- На горахъ лежитъ риза повержена.
- Мы не знаемъ, куда онъ подѣвался:
- Тако-ль шелъ въ пустыню, заблудился,
- Али его разбойники убили,
- Али его звѣри растерзали,
- Али его птицы расклевали. —
- Старѣйшій отецъ нашъ Яковъ
- На руки онъ ризу принимаетъ,
- Крѣпко къ сердцу ризу прижимаетъ,
- Горючія слезы проливаетъ:
- Юношъ ты мой молодой,
- Именемъ же Осипъ Прекрасный!
- Ты куда, мое чадо, подѣвался?
- Тако-ль шелъ въ пустыню, заблудился, —
- Не была бы твоя риза предо мною,
- Какъ бы тебя разбойники убили, —
- Не оставили бы Осиповой ризы;
- Осипова риза не простая,
- Осипова риза золотая,
- По частямъ бы оны ризу разодрали,
- По жеребьямъ ризу разметали,
- По разбойникамъ бы ризу раздѣляли, —
- Какъ бы тебя звѣри растерзали, —
- Знать было-бъ звѣриное терзанье,
- Знать было зубное-бъ изгрызанье
- На этой на Осиповой ризѣ,
- Какъ бы тебя птицы расклевали, —
- Знать было бы птичіе клеванье,

— Знать было ногтиное терзанье
— На этой на Осиповой ризѣ.
— Видно, братія Осипа скончали. —
Старѣйшій отецъ Яковъ
Возмолился онъ Господу со слезами:
— Сохрани, Господь, любезное мое чадо
— Отъ злой отъ напрасныя смерти. —
Старѣйшій отецъ Яковъ
Ни куда Венямина не спускаетъ,
Онъ его къ старѣйшей большей братѣ
Онъ его со хлѣбомъ не спускаетъ.
Старѣйшая большая братья
Пошли оны со трудной со работы,
Зашли брата Осипа посмотриѣли:
Осипъ во рву слезно плачетъ,
Ко матушкѣ сырой землѣ причитаетъ.
Старѣйшая большая братья
Желты пески оны разгребали,
Осипа изъ рова поднимали,
Оны хочуть его да убить,
Предать ему злую смерть напрасну.
Возмолился Осипъ Прекрасный:
— Старѣйшая большая братья!
— Не придайте мнѣ злой смерти напрасной,
— Не пролейте моей крови безповинной:
— Чѣмъ я вамъ есть не угодень?
— Лучше вы продайте меня на цѣну,
— Себѣ-ка мзду поберите,
— Велику корысть получите. —
Старѣйшая большая братья

Промежду собой совѣтомъ предложили,
 Согласились оны Осипа продати.
 На путь на дорогу выводили,
 Которымъ путемъ итти къ Египту.
 По той по пути по дороги
 Ъхали Измаильска купчина.
 Старѣйшая большая братья
 Оны начали купцамъ его продавати:
 — Богатая Измаильская купчина!
 — Купите себѣ у насъ奴,
 — Купите себѣ крепостного. —
 Богатая Измаильская купчина
 Жалобно на Осипа взирали,
 На цѣну оны Осипа покупали,
 Тридцать оны серебряницъ давали.
 Старѣйшая большая братья
 Тридцать оны серебряницъ поiali,
 Промежду собой оны подѣляли,
 Великую корысть получали.
 Богатая Измаильская купчина
 Сковали оны Осипа, связали,
 Повезли въ Египетское царство.
 Притекали супротивъ горы Патроны,
 Гдѣ была погребена мать его Рахиль.
 Возмолился Осипъ Прекрасный:
 — Богатая Измаильская купчина!
 — Слободите вы руки мои, нозѣ,
 — Пустите меня на гору Патрону,
 — На тую на родительску могилу,
 — Чуднымъ крестамъ помолиться,

— Къ матерному гробу приложиться,
 — Взять мнѣ родительско прощенье,
 — Взять мнѣ на вѣки благословенье:
 — Больше мнѣ у ея не бывати,
 — Больше мнѣ и вѣкъ буде не видати. —
 Богатая Измаильская купчина
 Слободили руки ему, нозѣ,
 За стражами его на гору спускали.
 Тутъ его стражи проводили
 На тую на гору на Патрону,
 На ту на родительску могилку.
 Осипъ же Прекрасный
 Чуднымъ крестамъ помолился,
 Къ матерному гробу приложился,
 Горючія онъ слезы проливаетъ,
 Умильныма словами причитаетъ:
 — Увы, увы, моя матушка Рахиль!
 — Возьми, мати, меня къ себѣ во гробъ:
 — Не могу служить царю я Фаровону,
 — Не умѣю я тяжелой работы работати,
 — Дай ты мнѣ родительско прощенье,
 — Дай ты мнѣ на вѣки благословенье:
 — Больше у тебя мнѣ не бывати,
 — Больше мнѣ тебя вѣкъ не видати. —
 Тутъ скоро стражи его поднимали,
 Ласковыми словами увѣщали:
 — Юношъ ты нашъ молодой,
 — Именемъ же Осипъ Прекрасный!
 — Со твоею великою красотою,
 — Со твоею отличной лѣпотою,

- Не будешь служить царю ты Фаравону,
- Не будешь ты тяжелой работы работати:
- Будешь съ воеводами ты забавляться,
- Будешь большо мѣсто занимати,
- Съ вельможами ты честь производить. —

Сковали его, Осипа, связали,
 На корабль его, Осипа, проводили,
 Повезли во Египетское царство.
 Богатая Измаильская купчина
 Великія ссоры чинили,
 Начали оны Осипа дѣлти,
 Одинъ одному не здаваетъ,
 На цѣну его не продаваетъ,
 Согласились его жива бросить въ море.
 Возмолился тутъ Осипъ со слезами:

- Богатая Измаильская купчина!
- Не бросайте меня живого въ море,
- Не предайте злой смерти напрасной,
- Буду служить я вамъ погодно,
- Если вамъ, купцы, не угодно,
- Буду я служить по полугоду,
- Если вамъ, купцы, не угодно,
- Буду я служить помѣсячно,
- Если вамъ, купцы, не угодно,
- Буду я служить понедѣльно,
- Если вамъ, купцы, не угодно,
- Свезите во Египетское царство,
- Продайте лучше меня на цѣну,
- Себѣ-ка вы мзду поберите,
- Великую корысть получите. —

Богатая Измаильская купчина
Промежду собой совѣтъ предложили,
Согласились оны Осипа продати.

Какъ скоро оны будутъ подѣ Египтомъ,
На торжище оны Осипа выводили,
Дорогую цѣну запросили,
Множество народа собиралось,
Всѣ на красу его взирали,
Богатая Египетская купчина
Всѣ оны торги постановили,
Всѣ купли-продажи прикрыли,
Всѣ оны на Осипа взирали,
Не могли цѣну ему оцѣнити.
Богатый Перфілій князь
Жалобно на Осипа взираетъ,
На цѣну онъ Осипа покупаетъ,
Безсчетную казну за него даетъ,
Великую корысть получали,
Безъ пошлины торговать въ градѣ позволяетъ.
Богатая Измаильская купчина
На цѣну Осипа продавали,
Безсчетную казну за его поiali,
Безъ пошлины въ градѣ торговали.

Богатый Перфілій князь
Въ любовь къ себѣ Осипа принимаетъ,
За едино хлѣбъ-соль воскушаетъ,
Со очей никуда не спускаетъ.
У князя зла была княгиня,
Сердцемъ своимъ сомutilась,
На Осипову красоту засмотрѣлась,

Въ особые покои выходила,
 Бѣло свое лице умывала,
 Дороги одежды одѣвала,
 Золоты монисты налагала,
 Во горницу къ себѣ проходила,
 Туда къ себѣ Осипа призывала,
 За бѣлыя за руки захватила,
 Безстыжія рѣчи говорила:

- Юношѣ ты мой молодой,
- Именемъ же Осипъ Прекрасный!
- Мнѣ ты, княгинѣ, во любовь пришелъ,
- Мы будемъ съ тобой жить во любви,
- Во любви жить, во совѣти.
- Если же ты князя убоишься,
- Споимъ князя злыма питьями:
- Ты будешь намѣстный князь во Египтѣ,
- Повладѣешь ты княжецкимъ мѣстомъ,
- Повладѣешь ты всей его одеждой. —

Осипъ же Прекрасный

Возмолился онъ Господу со слезамы:

- Сохранилъ меня Господь братнія смерти,
- Сохранилъ Господь купеческія смерти,
- Сохрани, Господь, тѣлеснаго согрѣшенья! —

Отъ того отъ Осипова отъ моленья,

Яко голубь, духъ на небо возлетаетъ,

Осипъ же ей на рѣчи отвѣчаетъ:

- Ай же ты, Египетска княгиня!
- Не хочу я жить съ тобой въ совѣти,
- Въ совѣти жить, во любви,
- Не хочу я князя изводить. —

Зла жена вельможина
 За грубость то великую почитала,
 За цвѣтну за его ризу захватила,
 Она хочетъ силой его любовь къ себѣ взять.
 Осипъ съ себя ризу скидываетъ,
 Одинъ отъ ней прочь отбѣгаетъ.

Зла жена вельможина
 Дороги одежды скидывала,
 Золоты монисты сорывала,
 По теплыя горницы раскидала,
 Бѣлое лицо свое растерзала,
 Женски свои власы растрепала,
 Сама женскимъ голосомъ кричала:
 — Князь ли ты мой возлюбленный!
 — Какой у ты взять душегубецъ,
 — Какой у тебя взять лиходѣецъ?
 — Онъ на меня наступаетъ,
 — На вашу вельможину княгиню,
 — Онъ хочетъ силой меня въ любовь взять,
 — Онъ хочетъ тебя, князь, опоить. —

Богатый Перфілій князь
 Свирѣпо на Осипа взираетъ,
 Приказалъ стражамъ Осипа взимати,
 Приказалъ его въ темницу засадити,
 Въ которой сидѣло два сидѣльца:
 Одинъ-отъ сидѣль хлѣбодарецъ,
 Второй-отъ сидѣль виночерпецъ,
 Третій съ има Осипъ Прекрасный.
 Оны вкупѣ ночь ночевали.
 Тѣмъ ли двумъ посидѣльцамъ

Въ одну ночь имъ по сну показалось,
Скоро ото сна они пробуждались,
Одинъ одному рассказали.

Речеть хлѣбодаръ виночерпу:

— Ай же ты, мой братецъ виночерпецъ!

— Мнѣ-ка грозень сонъ показался:

— Какъ будто черные враны прилетали,

— Темную темницу отворяли,

— Ясны мнѣ очи исклевали. —

Речеть виночерпъ хлѣбодару:

— Ай же ты, мой братецъ хлѣбодарецъ!

— Мнѣ-ка грозень сонъ показался:

— Какъ будто красное солнце возставало,

— Въ темную темницу возсіяло. —

Речеть имъ тутъ Осипъ Прекрасный:

— Ай же вы, два брата, два сидѣльца!

— Я буду сновъ вашихъ судитель:

— Тебѣ, хлѣбодару, быть свершену,

— Тебѣ, виночерпу, быть прощenu. —

Взмолился ему Осипъ Прекрасный:

— Ай же ты, мой братецъ виночерпецъ!

— Когда ты будешь при староемъ при мѣстѣ,

— Когда будешь при старой при степени,

— Не забудь меня, бѣднаго, въ темницы. —

За тыя за самыя за рѣчи,

Сидѣть бы тутъ Осипу три дни,

За то онъ будетъ сидѣть три года.

Тутъ скоро ночь скороталась,

Тутъ скоро темницу отворяли,

Тутъ скоро указъ прочитали,

Взяли хлѣбодара — повершили,
 Тутъ оны второй прочитали,
 Взяли виночерпа — простили,
 На старое мѣсто положили,
 На старое мѣсто виночерпомъ.
 Прошло того времени три года.
 Грозному царю Фаравону
 Два сна въ одну ночь показалось.
 Первой-отъ сонъ ему показался:
 Первое семь воловъ проходило,
 Толсты волы, гладкіе, баскіе,
 По чистому полю расходились,
 На лугахъ травы оны не ѣли,
 Изъ ручей, съ болотъ воды оны не пили, —
 Тое семь воловъ проходило,
 Второ семь воловъ приходило,
 Тощи волы, гладны, яловиты,
 На лугахъ всю траву оны пріѣли,
 Изъ ручей, съ болотъ воду оны припили, —
 Тое семь воловъ проходило.
 Тутъ скоро ночь скороталась,
 Царь ото сна пробуждался,
 Царскіе указы разсылаетъ,
 Къ себѣ сносудильцевъ призываетъ,
 Сновъ его царскихъ разсуждати,
 Никто не можетъ сновъ его судити.
 Тотъ ли бояринъ виночерпецъ
 Напомнилъ онъ Осипа въ темницы,
 Пришелъ виночерпъ къ государю,
 Предъ царя виночерпъ становился,

Самъ онъ царю поклонился:

— Грозный царь Фараवоне!

— Дозволь мнѣ-ка слово сговорити,

— Не возьми мои рѣчи за досаду:

— У насъ во темницы посидѣлецъ,

— Посидѣлецъ Осипъ Прекрасный,

— Онъ можетъ сны твои судити,

— Онъ можетъ про сны вамъ говорити. —

Грозный царь Фаравоне

Скоро онъ за Осипомъ посылаетъ,

Приказалъ онъ Осипа взимати,

Приказалъ изъ темницы выводить.

Въ царскіе палаты заводили,

Предъ царя Осипа становили,

Рече царь Фаравоне:

— Юношъ ты мой молодой,

— Именемъ же Осипъ Прекрасный!

— Можешь ли ты сны мои судити?

Осипъ же государю отвѣчаетъ:

— Грозный царю Фаравоне!

— Вашіе сны есть не простые,

— Вашіе сны есть царскіе:

— Нельзя просто сновъ вашихъ судити.

— Ты отдай съ себя царскую одежду,

— Ты отдай съ себя царскую порфиру,

— Посади меня на царское мѣсто,

— Подай ты мнѣ въ руки царскій шкипетръ,

— Положи на меня царскую корону:

— То я буду сновъ твоихъ судити. —

Далъ ему царь царскую одежду,

Далъ ему царь царскую порфиру,
 Посади́лъ его на царское мѣсто,
 Подалъ въ руки царскій шкипетръ,
 Наложилъ на его царскую корону,
 Сталъ насупротиву — поклонился,
 Осипа царемъ нарекаетъ:

- Юношъ ты мой молодой,
- Именемъ же Осипъ Прекрасный!
- Можешь ли ты сны мои судити?
- Есть ли сны мои разсудишь,
- Будешь ты прощенъ и помилованъ,
- Буду жаловать я тебя воеводой,
- Буду жаловать тебя полуцарствомъ,
- Буду жаловать тебя полудержавой,
- Послѣ меня царемъ на царство. —

Речетъ ему Осипъ Прекрасный:

- Грозный царю Фаравоне!
- Первой-отъ сонъ тебѣ показался,
- Первое семь воловъ проходило:
- То наступитъ семь годовъ къ ряду здоро-
 выхъ,
- Вездѣ будетъ, сударь, хлѣбъ родиться,
- Нигдѣ не будутъ хлѣбы вызябати,
- Приказывай ты хлѣба посѣвати,
- Посѣвай ты въ лузяхъ и болотахъ,
- Посѣвай бѣло-яровой пшеницы,
- Построй ты запасны магазины,
- Распусти ты сумму большую
- По всѣмъ иностраннымъ государствамъ,
- Приказывай хлѣба закупати,

— Привозить въ Египетское царство,
 — Насыпай запасны магазей.
 — Тое семь годовъ на проходѣ,
 — Второ семь годовъ наступить:
 — Нигдѣ не будетъ хлѣбъ, сударь, родиться.
 — Вездѣ будетъ хлѣбъ вызябати.
 — Какъ у тебя будутъ запасны магазей,
 — Прокормишь ты всю свою державу,
 — Съ иныхъ съ иностранныхъ государствій
 — Будутъ къ вамъ за хлѣбомъ прїѣзжати,
 — Будутъ у васъ хлѣбъ откупати,
 — Вы будете велику корысть получати. —
 Всіи князьи, вси бояра,
 Все сенаторы, генералы,
 Вся Египетская купчина
 За Осипа Господа помолили,
 За Осипа присягу принимали,
 За Осипа крестъ цѣловали,
 Осипа царемъ возносили.

Воцарился Осипъ Прекрасный,
 Повладѣлъ онъ царскою одеждой,
 Повладѣлъ онъ всѣмъ государствомъ.
 Наступало семь годовъ къ ряду здоровыхъ,
 Вездѣ сталъ, сударь, хлѣбъ родиться,
 Осипъ же Прекрасный
 Приказалъ онъ хлѣба посѣвати,
 Посѣвалъ онъ въ лузяхъ и болотахъ,
 Построилъ запасны магазей,
 Распустилъ онъ сумму большую
 По всѣмъ иностраннымъ государствамъ,

Приказалъ онъ хлѣба закупати,
 Привозить въ Египетское царство,
 Насыпалъ запасны магазей.
 Скоро тое семь годовъ проходило,
 Второ семь годовъ наступало:
 Нигдѣ не сталъ хлѣбъ, сударь, родиться,
 Вездѣ стали хлѣбы зазябати.
 У него были запасны магазей, —
 Прокормилъ онъ всю свою державу,
 Прокормилъ онъ все свое государство,
 Совсѣхъ съ иностранныхъ государствій
 Стали у нихъ хлѣба откупати.
 Осипъ же Прекрасный
 Приказалъ имъ хлѣба отпущати,
 Сталъ себѣ великую корысть получать.

Провѣдалъ же старѣйшій отецъ Яковъ
 Во томъ во Израильскомъ во градѣ,
 Отсылаетъ старѣйшую большую братью
 Во Египетское царство за хлѣбомъ.
 Старѣйшая большая братья
 Пріѣзжали во Египетское царство,
 Царю оны братья доложили:
 — Грозный царю Фаравоне!
 — Отпусти намъ хлѣба на цѣну. —
 Осипъ же Прекрасный
 Жалобно на братію взирае,
 Осипъ свою братью признавае,
 Приказалъ онъ братію встрѣчати,
 Приказалъ въ палату проводить,
 Приказалъ за столъ ихъ посадити,

Приказалъ кормить ихъ хлѣбомъ-солью,
 Положилъ на столъ чашу золотую,
 Золотую чашу волховую,
 Лужикомъ царь въ чашу ударяе,
 Началъ онъ чашей волховати,
 Началъ свою братію пытати,
 По имени братьевъ называетъ:
 — Ай же вы, старѣйшая большая братья!
 — Живъ ли у васъ старѣйшій отецъ Яковъ,
 — Живъ ли у васъ меньшій братъ Осипъ? —
 Старѣйшая большая братья
 Жива отца Якова сказали.
 Осипъ же Прекрасный
 Приказывалъ возы хлѣба насыпати.
 Ко меньшому брату Веньямину
 Приказалъ въ возъ чашу засыпати,
 Безденежно имъ возы отпускаетъ,
 Приказалъ со двора ихъ провожати.
 Осипъ же Прекрасный
 Приказалъ коней своихъ залагати,
 Проѣзжаетъ за братіей въ догону,
 Осипъ свою братью настигаетъ,
 Приказалъ онъ братью становити,
 Приказалъ возы у нихъ обыскати.
 У меньшова брата Веньямина
 Нашли въ возу царскую чашу,
 Рече тутъ имъ Осипъ Прекрасный:
 — Ай же вы, Израильскіе люди!
 — Я васъ кормилъ хлѣбомъ-солью,
 — Безденежно возы вамъ насыпалъ,

— Еще вы тѣмъ мною не довольны,
 — Увезли мою царскую чашу. —
 Старѣйшая большая братья
 Свирѣпо оны на Веньямина взирали,
 Всѣ оны зубамы скрежетали:
 — Грозный царь Фаравоне!
 — Такой же дуракъ былъ его братъ Осипъ,
 — Така ему, дураку, и смерть случилась,
 — Того онъ добра, дуракъ, не помнитъ,
 — Что царь насъ кормилъ хлѣбомъ-солью,
 — Безденежно возы хлѣбомъ насыпалъ, —
 — Увезъ онъ, дуракъ, вашу чашу. —
 Осипъ же Прекрасный
 Самъ началъ жалобно плакать,
 Горючія слезы проливаетъ,
 Ко братіи Осипъ отвѣчаетъ:
 — Ай же вы, старѣйшая большая братья!
 — Какъ бы я дуракъ былъ, жилъ татьбою,
 — Не кормилъ бы я васъ хлѣбомъ-солью,
 — Не насыпалъ бы возы вамъ безденежно.
 — За что вы меня, братія, убивали,
 — Цвѣтную вы съ меня ризу сдирали,
 — Во глубокій ровъ меня бросали,
 — Желтыма песками засыпали,
 — Почто изо рву меня вынимали,
 — Почто вы купчинамъ продавали? —
 Старѣйшая большая братья
 Стоять предъ царемъ аки мертвы,
 Къ ногамъ главы свои преклоняли,
 Горючіе слезы проливали:

— Прости, государь, насъ, помилуй,
 — Прости ты насъ, Осипъ Прекрасный! —
 Осипъ же Прекрасный
 Того онъ зла братняго не помнитъ,
 Половину братіи оставляетъ
 Къ себѣ во Египетское царство,
 Другу за отцомъ онъ отсылаетъ,
 Приказалъ отца Якова привозити
 Къ себѣ во Египетское царство.

Старѣйшая большая братья
 Пріѣзжали во Израильское царство,
 Отцу Якову братья доложили:
 — Старѣйшій отецъ нашъ Яковъ!
 — Нашли мы брата Осипа живого,
 — Живого нашли во Египти,
 — Вторымъ царемъ на престолѣ.
 — Онъ приказалъ тебя туда привозити
 — Къ себѣ во Египетское царство. —
 Яковъ же блаженный
 Старость свою отлагаетъ,
 Горючія слезы проливаетъ,
 Скоро въ путь-дорожку отправлялся,
 Отправлялся въ путь со всѣмъ родомъ,
 Со всей старѣйшей большей братьей.

Осипъ же Прекрасный,
 Отца своего Якова сожидаетъ,
 Приказалъ столпъ въ землю становити,
 Приказалъ онъ бархатомъ обшити.
 Какъ скоро отецъ Яковъ на пріѣздѣ,
 Приказалъ онъ отца къ столбу проводить,

Осипъ за столопъ становился,
 Жезло свое съ руки оброняетъ,
 Осипъ за жезломъ наклонился,
 Осипъ же отцу поклонился:

— Здравствуешь, старѣйшій отецъ Яковъ! —
 Яковъ же столопъ къ себѣ прижимаетъ,
 Съ обѣихъ концовъ сокъ изъ столба

выступаетъ:

— Свѣтъ ты, мое любезное чадо,
 — Юношъ ты мой молодой,
 — Именемъ же Осипъ Прекрасный!
 — Затужило твое ретивое сердечко
 — На чужой на дальной на сторонкѣ?

Речетъ ему Осипъ Прекрасный:

— Старѣйшій отецъ ты нашъ Яковъ!
 — Тутъ тебѣ столопъ, сударь, поставленъ,
 — Ты былъ ко столбу, сударь, приведенъ,
 — Украти свое сердце богатырско,
 — Сдѣлаемъ со мной доброе здоровье. —

Речетъ ему старѣйшій отецъ Яковъ:

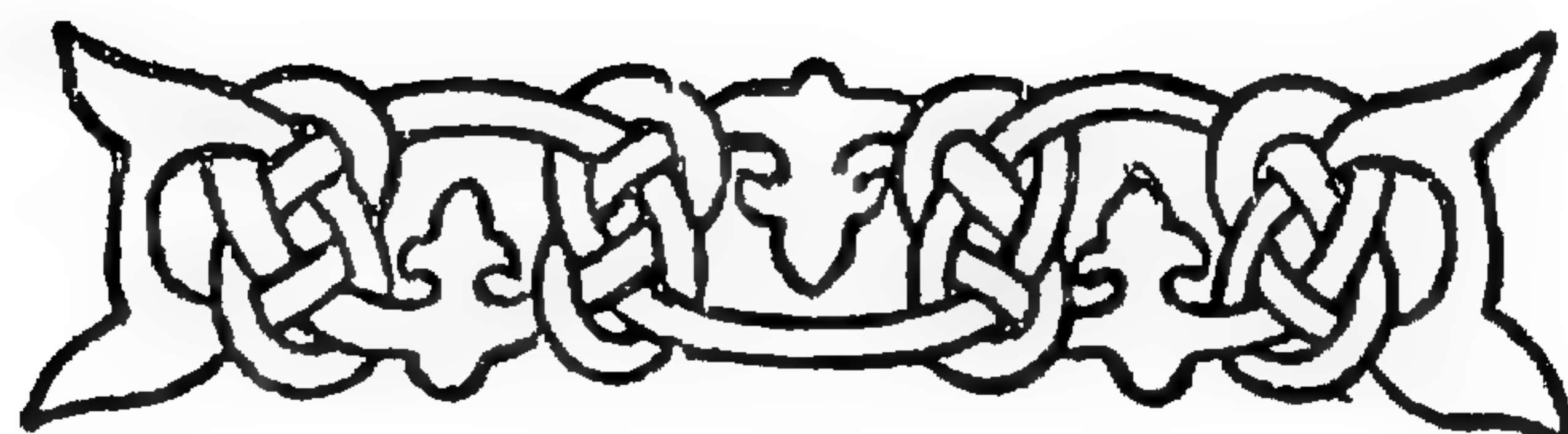
— Спасибо, любезное мое чадо,
 — Что ты не шелъ теперь ко мнѣ въ руки:
 — Зажалъ бы съ тоски тебя до смерти. —

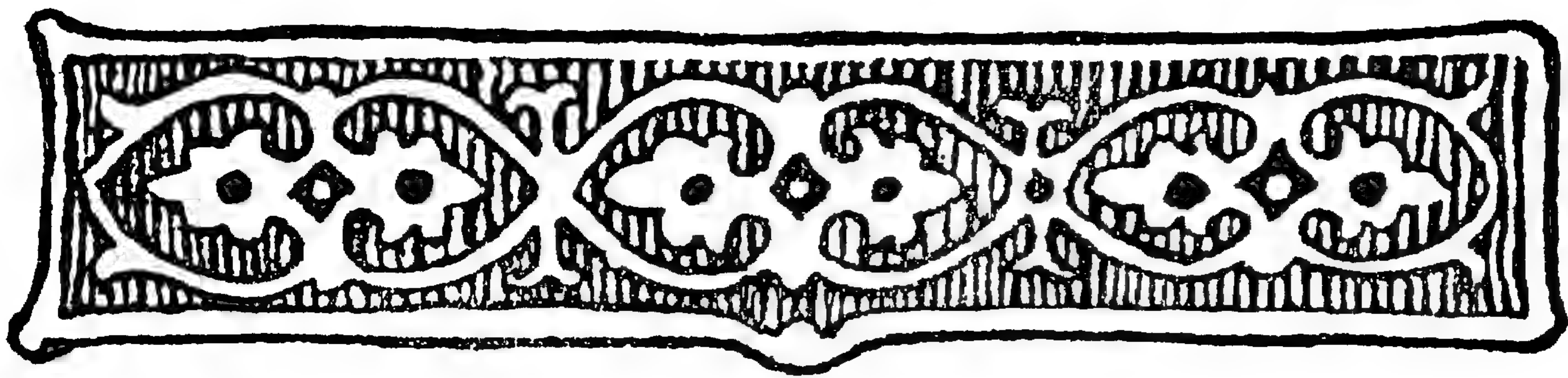
Осипъ же Прекрасный

Сдѣлалъ съ отцомъ съ Яковомъ здоровье,
 Приказалъ его въ палаты проводить,
 Приказалъ за столъ его посадить,
 Приказалъ кормить его хлѣбомъ-солью.

Старѣйшую большую братью
 Жаловалъ онъ всѣхъ боярамы,

Жаловалъ удѣльными городамы.
 Яковъ же блаженный
 Дванадесять лѣтъ жилъ во Египтѣ,
 Сталъ онъ до Господа доходень,
 Сталъ онъ отъ сего свѣта отходень.
 Осипъ же Прекрасный
 Приказалъ его мощи провозити.
 Во славно во Израильское царство.
 Со славой Якова погребали
 Во славномъ во Израильскомъ царствѣ,
 У соборной Божьей церкви.
 Осипъ же Прекрасный
 Сто десять лѣтъ царствовалъ во Египтѣ,
 Сталъ онъ до Господа доходень,
 Сталъ онъ отъ сего свѣта отходень.
 Повелѣлъ свои мощи провозити
 Во славно во Израильское царство.
 Во Божію церковь заносили,
 Со славой Осипа погребали.
 Ему слава и нынѣ,
 Во вѣки вѣковъ, аминь.

Повѣсть о горѣ и злочастіи.

Какъ горе злочастіе довело молодца во ино-
ческій чинъ.

Изволеніемъ Господа Бога и Спаса Нашего,
И Ісуса Христа Вседержителя,
Отъ начала вѣка человѣческаго,
— А въ началѣ вѣка сего тлѣннаго
Сотворилъ Богъ небо и землю,
Сотворилъ Богъ Адама и Евву,
Повелѣлъ имъ жити во святомъ раю,
Далъ имъ заповѣдь божественну:
Не повелѣлъ вкушати плода винограднаго,
Отъ едемскаго древа великаго.
Человѣческаго сердце несмысленно и неумичиво:
Прельстился Адамъ со Еввою,
Позабыли заповѣдь Божию,
Вкусили плода винограднаго
Отъ дивнаго древа великаго, —
И за преступленіе великое
Господь Богъ на нихъ разгнѣвался
И изгналъ Богъ Адама со Еввою
Изъ святаго раю изъ едемскаго,

И вселилъ Онъ ихъ на землю на низкую,
 Благословилъ ихъ раститися-плодиться
 И отъ своихъ трудовъ велѣлъ имъ сытымъ
 быть,

Сытымъ быть отъ земныхъ плодовъ.
 Учинилъ Богъ заповѣдь законную:
 Велѣлъ онъ бракомъ и женитьбамъ быть
 Для рожденія человѣческаго и для любимыхъ
 дѣтей.

Ино зло племя человѣческо:
 Въ началѣ пошло непокорливо,
 Ко отцову ученію зазорчиво,
 Къ своей матери непокорливо
 И къ совѣтному другу обманчиво.
 А се роди пошли слабы, къ добру убожливы,
 И на безуміе обратилися,
 И учили жить въ суетѣ и въ враждѣ,
 Въ перечинѣ великоей,
 А прямое смиреніе отринули.
 И за то на нихъ Господь Богъ разгнѣвался:
 Положилъ ихъ въ напасти великія,
 Попустилъ на нихъ скорби великія,
 И срамныя позоры немѣрныя,
 Безживотіе злое, супостатныя находы,
 Злую немѣрную наготу и босоту,
 И безконечную нищету, и недостатки послѣдніе,
 Все смиряючи насъ, наказуючи,
 И приводя насъ на спасенный путь.
 — Тако рожденіе человѣческое
 Отъ отца и отъ матери.

Будетъ молодецъ уже въ разумѣ, въ беззлобіи,
 И возлюбили его отецъ и мать,
 Учитъ его учили, наказывать,
 На добрыя дѣла наставлятъ:
 «Милое ты наше чадо, единое!
 Послушай ученія родительскаго,
 Ты послушай пословицы добрыя,
 Добрыя и хитрыя и мудрыя,
 Не будетъ тебѣ нужды великія,
 Ты не будешь въ бѣдности великой.
 Не ходи, чадо, въ пиры и въ братчины;
 Не садися ты на мѣсто большее;
 Не пей, чадо, двухъ чаръ за единую.
 Еще, чадо, не давай очамъ воли:
 Не прельщайся, чадо, на добрыхъ красныхъ

женъ,

На отеческія дочери.
 Не ложися, чадо, въ мѣсто заточное.
 Не бойся мудра, бойся глупаго,
 Чтобы глупыя на тя не подумали,
 Да не сняли бы съ тебя драгихъ твоихъ портъ,
 Не доспѣли бы тебѣ позорства и стыда
 великаго,

И племени укору и поносу бездѣльнаго.
 Не ходи, чадо, къ костаремъ и корчемникамъ;
 Не знайся, чадо, съ голями кабацкими;
 Не дружися, чадо, съ глупыми, немудрыми;
 Не думай украсти, ограбити,
 И обмануть, солгать и неправду учинить.
 Не прельщайся, чадо, на злато и серебро;

Не собирай богатства неправого;
Не буди послухъ лжесвидѣтельствомъ,
А зла не думай на отца и мать
И на всякаго чловѣка крещенаго,
Да и тебе покрыетъ Богъ отъ всякаго зла.
Не безчествуй, чадо, богата и убогаго,
А имѣй всѣхъ равно по единому.
А знайся, чадо, съ мудрыми
И съ разумными водися,
И съ другими надежными дружися,
Которые бы тебя злу не доставили».
— Молодецъ былъ то время-се малъ и глупъ,
Не въ полномъ разумѣ:
Своему отцу стыдно покориться,
И матери поклониться;
А хотѣлъ онъ жити, какъ ему любо!
Наживалъ молодецъ пятьдесятъ рублевъ,
Завелъ онъ себѣ пятьдесятъ друзей;
Честь его, яко рѣка, текла;
Другова къ молодцу прибивалися,
Въ родъ-племя причиталися.
Еще у молодца былъ милъ надеженъ другъ,
Назвался молодцу названой братъ;
Прельстилъ его рѣчами прелестными;
Зазвалъ его на кабацкой дворъ,
Завелъ его въ избу кабацкую,
Поднесъ ему чару зелена вина
И кружку поднесъ пива пьянова;
Самъ говоритъ таково слово:
Испей ты, братецъ мой названой,

Въ радость себѣ и въ веселіе и во здравіе.
«Испей ты чару зелена вина,
Запей ты чашею меду сладково;
Хошь и упьешься, братецъ, до пьяна,
Ино гдѣ ты пилъ, тутъ и спать ложись;
Надѣйся, надѣйся на меня, брата названова:
Я сяду стеречи и досматривать,
Въ головахъ у тебя, мила друга,
Я поставлю кружку меду сладково,
Съ край поставлю зелено вино,
Близъ тебя поставлю пиво пьяное,
Сберегу я, милъ-другъ, тебя накрѣпко,
Сведу я тебя ко отцу твоему и матери».
Въ тѣ поры молодецъ понадѣялся
На своего брата названого;
Не хотѣлося ему друга послушатца;
Принимался онъ за питъя за пьяныя,
И испивалъ онъ чару зелена вина,
Запивалъ онъ чашею меду сладково,
И пилъ онъ, молодецъ, пиво пьяное.
Упился онъ безъ памяти,
И гдѣ онъ пилъ, тутъ и спать ложился,
Понадѣялся онъ на брата названого.
— Какъ будетъ день уже до вечера,
А солнце будетъ на западѣ,
Отъ сна молодецъ пробуждаетца;
Въ тѣ поры молодецъ озирается:
А что сняты съ него драгіе порты,
Чары и чулочки — все поснимано,
Рубашка и портки — все слуплено,

И вся собина у его ограблена,
 А кирпичекъ положенъ подъ буйну его голову,
 Онъ накинуть гункою кабацкою,
 Въ ногахъ у него лежатъ лапотки-отопочки;
 Въ головахъ мила друга и близко нѣтъ!
 И вставалъ молодецъ на бѣлы ноги,
 Учалъ молодецъ снаряжаться:
 Обувалъ онъ лапотки-отопочки,
 Надѣвалъ онъ гуньку кабацкую,
 Покрывалъ онъ свое тѣло бѣлое,
 Умывалъ онъ лице свое бѣлое.
 Стоя, молодецъ закручинился,
 Самъ говоритъ таково слово:
 «Житіе мнѣ Богъ далъ великое,
 Ясти-кушати стало нечево!
 Какъ не стало деньги, ни полуденги,
 Такъ не стало ни друга, ни полдруга;
 Родъ и племя отчитаются,
 Всѣ дружи прочь отпираются!»

Стало срамно молотцу появиться
 Къ своему отцу и матери,
 И къ своему роду и племени,
 И къ своимъ прежнимъ милымъ другомъ.
 Пошелъ онъ на чужу страну, дальну, незнаему
 Нашелъ тамъ дворъ, что градъ стоитъ;
 Изба на дворѣ что высокъ теремъ,
 А въ избѣ идетъ великъ почестень пиръ:
 Гости пьютъ, ѣдятъ, потѣшаются.
 Пришелъ молодецъ на почестень пиръ,
 Крестилъ онъ лице свое бѣлое,

Поклонился чуднымъ образомъ,
 Билъ челомъ онъ добрымъ людемъ
 На всѣ четыре стороны.
 А что видятъ молодца люди добрыя,
 Что гораздъ де онъ крестится,
 Ведетъ онъ все по писанному ученію,
 Емлютъ его люди добрыя подъ бѣлы руки,
 Посадили ево за дубовый столъ,
 Не въ большее мѣсто, не въ меньшее,
 Садятъ ево въ мѣсто среднее,
 Гдѣ сидятъ дѣти гостинные.
 Какъ будетъ пиръ на веселіе,
 И всѣ на пиру гости пьяны-веселы,
 И сидя всѣ на пиру похваляютца;
 Молодецъ на пиру не веселъ сидитъ,
 Кручиноватъ, скорбенъ, нерадостенъ,
 А не пьетъ, ни ѣстъ онъ, ни тѣшитца,
 И ничемъ молодецъ на пиру не хвалитца.
 Говорятъ молодцу люди добрыя:
 «Что еси ты, доброй молодецъ,
 Зачѣмъ ты на пиру не веселъ сидишь,
 Кручиноватъ, скорбенъ, нерадостенъ,
 Ни пьешь ты, не ѣшь, ни тѣшишься?
 Да ничѣмъ ты на пиру не хвалишься?
 Чара ли зелена вина
 До тебя чередомъ не дохаживала?
 Или мѣсто тебѣ не по отчинѣ твоей?
 Или милыя дѣти тебя изобидѣли?
 Или глупые люди, немудрые
 Чѣмъ тебѣ, молодцу, насмѣялися?

Или наши къ тебѣ дѣти не ласковы?» —
 — Говорить имъ, сидя, доброй молодецъ:
 «Государи вы, люди добрые!
 Скажу я вамъ про свою нужду великую,
 Про свое ослушаніе родительское
 И про то питье кабацкое,
 Про ту-ли чашу медвяную,
 Про лестное питіе пьяное.
 Язъ какъ принялся за питіе за пьяное, —
 Ослушался язъ отца своего и матери:
 Благословеніе мнѣ отъ нихъ миновалось;
 Господь-Богъ на меня разгнѣвался,
 И навелъ на мя бѣдность великую
 Многія скорби неисцѣльныя
 И печали неутѣшныя,
 Скучость и недостатки и нищета послѣдняя.
 Укротила скучость мой рѣчистый языкъ;
 Изсушила печаль мое лице и бѣлое тѣло:
 Ради того мое сердце невесело,
 А бѣлое лице уныливо,
 И ясныя очи замутились,
 Все имѣніе и взоры у мене измѣнились,
 Отечество мое потерялося,
 Храбрость, честь молодецкая
 Отъ мене, молодца, миновалася!
 Государи вы, люди добрые,
 Скажите и научите, какъ мнѣ въ мірѣ жить
 На чужей сторонѣ, въ чужихъ людехъ,
 И какъ завести мнѣ милыхъ друзей!»
 — Говорятъ молодцу люди добрые:

«Добрый еси ты и разумный молодецъ!
 Не буди ты спесивъ на чужей сторонѣ:
 Покорися ты другу и недругу,
 Поклонися ты стару и молоду,
 А чужихъ ты дѣлъ не объявлявай,
 А что слышишь или видишь — не сказывай;
 Не льсти, ты межъ други и недруги;
 Не имѣй ты упадки вилавья;
 Не вейся змѣю лукавою;
 Смирение ко всѣмъ имѣй,
 И ты съ кротостію держися истины съ правдою,
 То тебѣ будетъ честь и хвала великая:
 Первое тебѣ люди отвѣдаютъ
 И учнутъ тя чтить и жаловать
 За твою за правду великую,
 За твое смирение и за вѣжество;
 И будутъ у тебя милы други,
 Названные братья надежныя». —
 И оттуду пошелъ, молодецъ на чужу сторону
 И учалъ онъ жити умѣючи,
 Отъ великаго отъ разума
 Наживалъ онъ живота больше старова;
 Присмотрѣлъ себѣ невѣсту по обычаю,
 Захотѣлося молодцу жениться.
 Срядилъ молодецъ почестенъ пиръ,
 Отчествомъ и вѣжествомъ,
 Любовнымъ своимъ гостемъ и другомъ билъ
 челомъ.
 И по грѣхомъ молодцу учинилося,
 И по Божію попущенію,

И по лестному дѣйству діаволу,
 Предъ любовными своими гостями
 И други и названными браты
 Похвалился великимъ своимъ разумомъ.
 А всегда гнило слово похвальное:
 Похвала живетъ человѣку пагуба:
 «Наживалъ-де я, молодець, живота я больше
 старова».

Подслушало Горе-Злочастіе
 Хвастанье молодецкое,
 Само говоритъ таково слово:
 «Не хвалися ты, молодець, своимъ счастіемъ,
 Не хвастайся своимъ богатствомъ:
 Бывали люди у меня, Гора,
 И мудрѣя тебя и досужѣ,
 И я ихъ, Горе, перемудрило.
 И чинися имъ злочастіе великое:
 До смерти со мною боролися,
 Во зломъ злочастіи позорилися;
 Не могли у меня, Гора, уѣхати,
 Наги они во гробъ вселилися,
 Отъ мене накрѣпко они землею накрылися,
 Босоты и наготы они избыли,
 И я отъ нихъ, Горе, миновалось,
 А Злочастіе на ихъ могилѣ осталось!
 Еще възгряло я, Горе, чернымъ ворономъ,
 Полетѣло да къ инымъ привязалось.
 А мнѣ, Горю и Злочастію, не въ пустѣ же жить:
 Хочу я, Горе, въ людехъ жить;
 И батогомъ изъ избы меня не выгонить;

А гнѣздо мое и вотчина во бражникахъ».

Говорить сѣро Горе-горинское:
«Какъ бы мнѣ молодцу появиться?»

Ино зло то Горе излукавилось,
Во снѣ молодцу привидѣлось:

«Откажи ты, молодецъ, невѣстѣ своей
любимой:

Быть тебѣ отъ невѣсты истравлену,
Еще быть тебѣ отъ тое жены удавлену,
Изъ-за злата и сребра быть убитому!
Ты пойдѣ, молодецъ, на царевъ кабацъ;
Не жалѣй ты, пропивай свои животы,
А скинь ты платье гостиное,
Надежи ты на себя гунку кабацкую;
Кабакомъ то Горе избудетца,
Да то злое Злочастіе останетца;
За нагимъ-то Горе не погонитца,
Да никто къ нагому не привяжетца,
А нагому, босому шумить розбой».
Тому сну молодецъ не повѣровалъ.
Ино зло то Горе излукавилось:
Горе Архангеломъ Гавріиломъ явилось,
Молодцу по-прежнему
Еще вновь Злочастіе привязалось:
«Али тебѣ, молодецъ, не вѣдома
Нагота и босота безмѣрная,
Легота, безпроторица великая?
На себя что купить — то проториться,
А ты, удалъ молодецъ, и такъ живешь.
Да не бьютъ, не мучатъ нагихъ, босыхъ,

И изъ раю нагихъ, босыхъ не выгонять,
 А съ тово свѣту сюды не вытянуть;
 Да никто къ нему не привяжется;
 А нагому, босому шумить розбой». —

Тому сну, молодецъ, онъ повѣровалъ:
 Сошелъ онъ пропивать свои животы,
 А скинулъ онъ платье гостиное,
 Надѣвалъ онъ гунку кабацкую,
 Покрывалъ онъ свое тѣло бѣлое.
 Стало молотцу срамно появиться своимъ
 милымъ другомъ.
 Пошелъ молодецъ на чужу страну, дальну,
 незнаему.

На дорогѣ пришла ему быстра рѣка.
 За рѣкою стоятъ перевощики,
 А просятъ у него перевознаго;
 Ино дать ему молодцу нечево,
 Не везутъ они молодца безденежно.
 Сидитъ молодецъ день до вечера,
 Миновался день, до вечера не обѣдавши,
 Не ѣдалъ молодецъ ни полу-куса хлѣба.
 Вставалъ молодецъ на скоры ноги.
 Стоя, молодецъ закручинился,
 А самъ говоритъ таково слово:
 «Ахти мнѣ, Злочастіе-горинское!
 До бѣды меня, молодца, домыкало
 Уморило меня, молодца, смертию голодною.
 Уже три дни мнѣ были не радощны:
 Не ѣдалъ я, молодецъ, ни полу-куса хлѣба!
 Ино кинусь я, молодецъ, въ быстру рѣку:

Полощъ мое тѣло, быстра рѣка!
 Ино ѣжъте, рыбы, мое тѣло бѣлое!
 Ино лутше мнѣ житія сего позорнаго,
 Уйду ли я у кручины у Гора злочастнаго».

И въ тотъ же часъ у быстры рѣки
 Скоча Горе изъ-за камени,
 Босо, наго, нѣтъ на Горѣ ни ниточки,
 Еще лычкомъ Горе подпоясано,
 Богатырскимъ голосомъ воскликано:
 «Стой ты, удалый добрый молодецъ!
 У меня, Гора, не уйдешь никуда.
 Не мечися въ быстру рѣку
 Да не буди въ горѣ кручиновать;
 А въ горѣ жить — некручинну быть!
 А кручинну въ горѣ — погинути!
 Спамятуй, молодецъ, житіе свое первое:
 И какъ тебѣ отецъ говорилъ,
 И какъ тебѣ мати наказывала,
 О чемъ тогда ты ихъ не послушалъ,
 Не захотѣлъ ты имъ покоритися,
 Постыдился имъ поклонитися,
 А хотѣлъ ты жить какъ тебѣ любо есть.
 А кто родителей своихъ на добро ученія не
слушаетъ,

Того выучу я, Горе злочастное!
 Не къ любому онъ учнетъ упадывать,
 И учнетъ онъ недругу покорятися».

Говоритъ Злочастіе таково слово:
 «Покорися мнѣ, Горю нечистому,
 Поклонися мнѣ, Горю, до сыры земли,

А нѣтъ меня, Гора, мудрѣя на семь свѣтѣ;
И ты будешь перевезенъ за быструю рѣку,
Напоятъ ты, накормятъ люди добрые».

А что видитъ молодецъ бѣду неминучую,
Покорился Горю нечистому,
Поклонился Горю до сыры земли.

Пошелъ, поскочилъ добрый молодецъ
По кругу по красну по бережку
По желтому по песочнику;
Идетъ веселъ, некручиновать;
Утѣшило его Горе-Злочастіе;
А самъ, идучи, думу думаетъ:
«Когда у меня нѣтъ ничего, и тужить мнѣ не о
чемъ».

Да еще молодецъ некручиновать —
Запѣлъ онъ хорошую напѣвочку
Отъ великаго крѣпкаго разума:
«Безпечальна мати меня породила,
Гребешкомъ кудерцы расчесывала,
Драгими порты меня одѣяла,
И отшедъ подъ ручку посмотрела:
«Хорошо ли мое чадо въ драгихъ портахъ?
А въ драгихъ портахъ чаду и цѣны нѣтъ!»
Какъ бы до вѣку она такъ пророчила!
Ино я самъ знаю и вѣдаю,
Что не скласти скарлату безъ мастера,
Не утѣшити дитяти безъ матери,
Не бывать бражнику богатому,
Не бывать костарю въ славѣ доброй,
Завѣченъ я у своихъ родителей,

Что мнѣ быти бѣлешеньку,
 А что родился я головенкою!»
 Услышали перевощики
 Молодецкую его напѣвочку, —
 Перевезли молодца за быстру рѣку,
 А не взяли съ него перевознаго.
 Напоили-накормили люди добрыя,
 Сняли съ него гунку кабацкую,
 Дали ему порты крестьянскіе,
 Говорятъ молодцу люди добрые:
 «А что еси ты, добрый молодецъ,
 Ты поди, поди на свою сторону,
 Къ любимымъ честнымъ своимъ родителемъ,
 Ко отцу своему и къ матери любимой,
 Простися ты съ своими родители, со отцемъ и
 матерью,
 Возьми отъ нихъ благословеніе родительское!»
 И оттуду пошелъ молодецъ на свою сторону.
 Какъ будетъ молодецъ во чистомъ полѣ,
 А что злое Горе напередъ зашло,
 На чистомъ полѣ молодца встрѣтило,
 Учало надъ молодцемъ граяти.
 Что злая ворона надъ соколомъ;
 Говоритъ Горе таково слово:
 «Ты стой, не ушелъ, добрый молодецъ!
 Не на часъ я къ тебѣ Горе злостное
 привязалось;
 Хошь до смерти съ тобою помучуся!
 Не одно я, Горе, — еще сродники,
 А вся родня наша добрая,

Всѣ мы гладкіе, умильные;
А кто въ семью къ намъ примѣшается, —
Ино тотъ между нами замучится:
Такова у насъ участь и лучшая.
Хотя кинься во птицы воздушныя;
Хотя въ синее море ты пойдешь рыбою, —
А я съ тобою пойду подъ руку подъ правую».
Полетѣлъ молодецъ яснымъ соколомъ,
А Горе за нимъ бѣлымъ кречатомъ;
Молодецъ полетѣлъ сизымъ голубемъ,
А Горе за нимъ сѣрымъ ястребомъ;
Молодецъ пошелъ въ поле сѣрымъ волкомъ,
А Горе за нимъ съ борзыми выжлецы;
Молодецъ сталъ въ полѣ ковыль-трава,
А Горе пошло съ косою вострою,
Да еще Злочастіе надъ молодцемъ насмѣялося:
«Быть тебѣ, травонька, посѣченой
И лежать тебѣ, травонька, посѣченной
И буйны вѣтры быть тебѣ развѣянной».
Пошелъ молодецъ въ море рыбою,
А Горе за нимъ съ частыми неводы;
Еще Горе злочастное насмѣялося:
«Быти тебѣ, рыбонькѣ, у бережку,
Уловленной быти тебѣ да и съѣденной,
Умереть будетъ напрасною смертію!»
Молодецъ пошелъ пѣшъ дорогою,
А Горе подъ-руку подъ правую;
Научаетъ молодца богато жить,
Человѣка убить и ограбить,
Чтобы молодца за то повѣсили

Или съ каменемъ въ воду посадили.

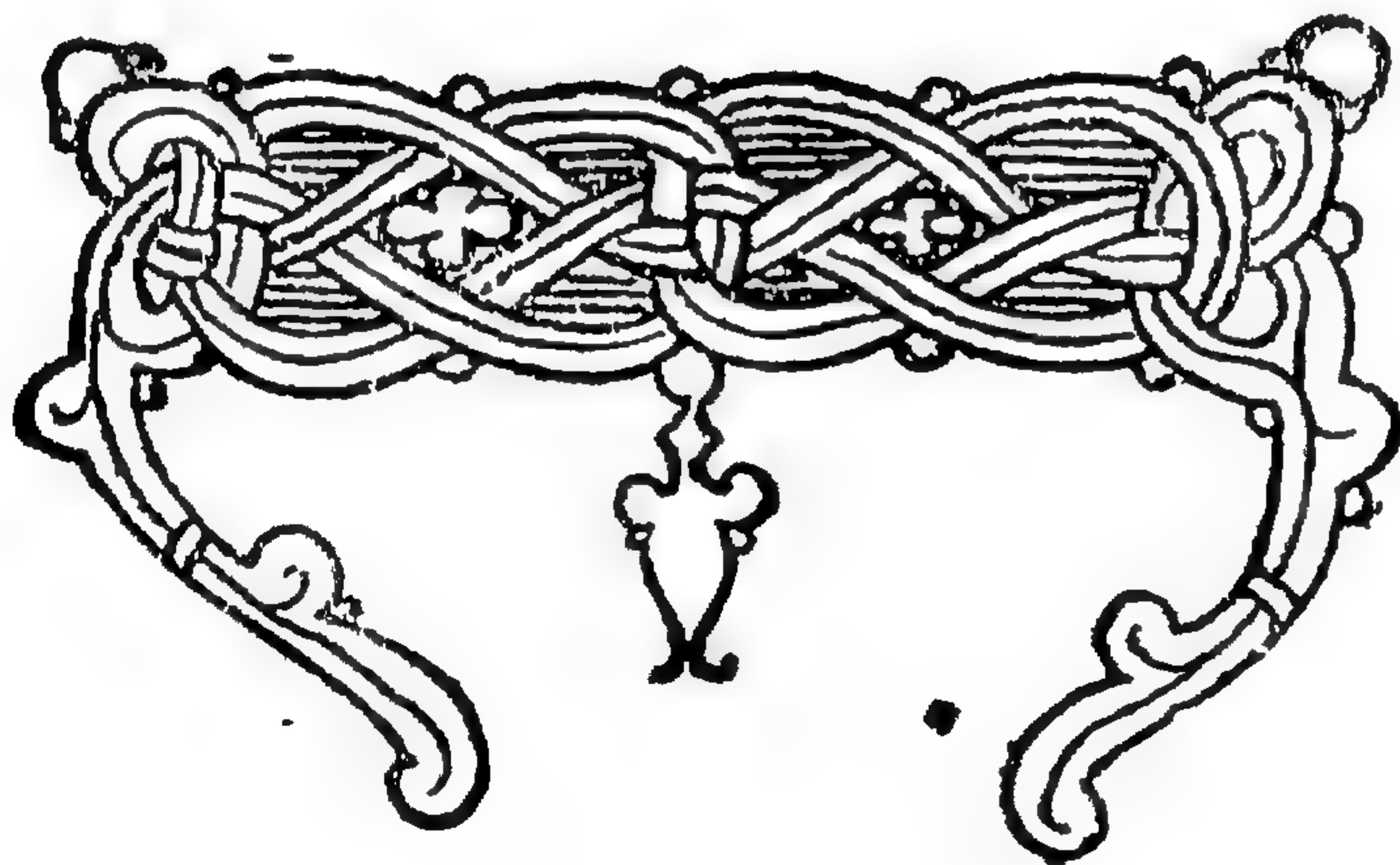
Спамятуеть молодецъ спасеный путь,
И оттолѣ молодецъ въ монастырь пошелъ
постригатися,

А нечистое Горе-Злочастіе
У святыхъ воротъ остается.
Къ молодцу впредь не привяжется!

* *

✱

А сему житію конецъ мы вѣдаемъ:
Избави, Господи, вѣчныя муки,
А дай намъ, Господи, свѣтлый рай
Во вѣки вѣковъ. Аминь. —

Алатырь — алатарь, алтарь; его мистическое значеніе основывается на преданіи, по которому на камнѣ, «дивномъ зѣло, фрязскомъ», по выраженію Діакона Игнація (XIV в.), Христосъ служилъ первую обѣдню.

Баскій — красивый.

Безпроторица — безубыточность.

Вилавый — виловатый, извилистый, кривой.

Волховая чаша — волшебная, заколдованная.

Вружить — вонзить.

Выжлецъ — охотничья (борзая) собака.

Втай — втайнѣ.

Гунка — гунька — поддѣвка; рубище.

Заломъ — заламываніе колосьевъ при колдованіи.

Застойчекъ — стойка, прилавокъ въ кабакѣ.

Изнакачена — отъ накатывать (скатный жемчугъ).

Индрикъ-звѣрь — единорогъ.

Костарь — игрокъ въ кости.

Кропота — ворчанье.

Купарисъ — кипарисъ; одно изъ трехъ деревьевъ (кедръ и сосна), имѣющихъ мистическое значеніе райскихъ деревьевъ въ апокрифахъ объ Адамѣ.

Легота — легкость.

Ливанъ — ладанъ.

Ложница — спальня.

Лужикъ — трость.

Надежить — наодежить, надѣвать.

Не съ упадкой — не падая въ ноги, безъ поклона.

Ни росту, ни пригосту — ни породы, ни красоты.

Оголаживать — пускать голымъ, дѣлать нищимъ.

- Омофоръ — нарамникъ, часть архіерейскаго облаченія.
 Отопочки — обноски, заштопанная обувь.
 Падора — выюга, снѣгъ хлопьями.
 Паленица — богатырь, разѣзжающій по полю, охотникъ.
 Пасся — спасался.
 Певга — сосна.
 Питритъ — скипетръ.
 Поприще — путевая мѣра, около $\frac{2}{3}$ версты.
 Притугать — натянуть туже; тянуть въ свою сторону; настаивать на своемъ; налегать.
 Провора — тропа, вытопанная тайкомъ во ржи.
 Проторить — издержать.
 Проторъ — расходъ, издержка.
 Распростосудительный — разсудительный.
 Ратовать — заступаться, защищать.
 Свышная — привычная (раба).
 Скарлатъ — скурлатъ.
 Собина — собственность.
 Страфилъ-птица — страусъ; образъ, родственный со сказочными представленіями объ алкіонѣ и страусѣ, а также о фениксѣ, птицѣ съ двѣичьемъ лицомъ и чарующимъ голосомъ.
 Стѣнь — тѣнь.
 Тавля — тавлея, таблица, списокъ.
 Татьба — воровство.
 Темьянъ — еиміамъ, церковное куреніе.
 Трудничекъ — труженникъ, угодникъ.
 Тулово — туловище.
 Хмара — туча, густой туманъ, мгла.
 Хуробый — отъ слова хворь, больной.
 Чароденецъ — рабъ.
 Чары — отъ чарык (турецк.), башмаки.
 Шалгунъ — шалыга, дубина.
 Шумѣть — («шумить разбой»), пускать славу.
 Ярлыкъ — грамота, росписка.
-

СОДЕРЖАНІЕ.

	стр.
Духовные стихи. Вступительная статья	III—XX
Плачь Адама	3
Плачь Іосифа	4
Голубиная книга	6
Евангелистая пѣснь	17
Рождество Христово	23
Милостивая жена милосердая	24
Стихъ о распятіи	26
На горѣ-горѣ	29
Стихъ о Вознесеніи	30
Стихъ о Покровѣ	32
Стихъ о Страшномъ судѣ	34
Про Михаила Архангела	36
Стихъ о грѣшной душѣ	38
Стихъ о смерти	42
Лазарь убогой	44
Марко богатый	52
Смерть Аники воина	55
Стихъ о пятницѣ	58
Стихъ про Удачу добраго молодца	60
Царевичъ Іосафъ пустынникъ	63
Объ Агликовымъ сынѣ Василіи	67
О святомъ младенцѣ Кирикѣ	72
Федоръ Тиряпинъ	81
Алексѣй Божій человѣкъ	89
Димитрій Солунскій	98
О Егоріи свѣтохрабомъ	100

О спасеніи Елисавіи Арахлинской царевны	103
Егорій Храбрый	111
Борисъ и Глѣбъ	117
Къ плоти	122
Въ неволѣ на чужой сторонѣ	124
Сорокъ каликъ со каликою	126
Іосифъ прекрасный, странникъ	133
Повѣсть о Горѣ-злочастіи	155
Объяснительный словарь	172

Изданія, послужившія источниками народно-поэтическихъ
произведеній, помѣщенныхъ въ настоящей книгѣ,
были указаны въ первомъ изданіи 1912 г.

RYSKA SÄGNER
СТИИ ДУHOVНЫJE • УТГИVNA AV E. LJATSKIJ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
« С Ъ В Е Р Н Ы Е О Г Н И »

Редакция и контора: Klara Västra Kyrkogata 9.
Почтовый адресъ: Postfack 566; для телеграммъ: Esselte.

STOCKHOLM.

A.-B. Hasse W. Tullbergs Boktryckeri, Stockholm 1920.
Типо-литографія Акц. О-ва Хассе В. Тульбергъ, Стокхольмъ.